

КНЯЗЬ ЯКОВЪ ѲЕДОРОВИЧЪ
ДОЛГОРУКОЙ.

ГЕРБЪ РОДА КНЯЗЕЙ

ДОЛГОРУКИХЪ.

ГЕРБЪ РОДА КНЯЗЕЙ

АРГУТИНСКИХЪ-ДОЛГОРУКИХЪ.

ДОЛГОРУКІЕ, ДОЛГОРУКОВЫ

И

ДОЛГОРУКІЕ-АРГУТИНСКІЕ.

(Съ приложеніемъ: статьи «О происхожденіи первыхъ русскихъ князей: Рюрика, Синеуса и Трувора,» портрета князя Якова Өедоровича Долгорукаго и гербовъ рода: князей Долгорукихъ и Долгорукихъ-Аргутинскихъ).

Издано подъ редакціей и отвѣтственностію князя Всеволода Долгорукаго.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ю. Штауфа, Большая Мѣщанская, домъ № 18.

1869.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе — «Князья Долгорукіе-овы и Долгорукіе-Аргутинскіе» — будетъ состоять изъ двухъ частей.

Предлагаемая нынѣ публикѣ, 1-я часть заключаетъ въ себѣ сказаніе о первой линіи рода князей Долгорукихъ; во вторую, которая будетъ издана къ августу 1869 года, войдутъ другія линіи рода князей Долгорукихъ и князья Долгорукіе-Аргутинскіе.

Первая часть составлена княземъ Алексѣемъ Владиміровичемъ и Натальей Шпилевской. Князь, преимущественно, трудился надъ собираніемъ матеріаловъ, имѣющихъ, то или другое, отношеніе къ роду князей Долгорукихъ; а г-жа Шпилевская дала этимъ матеріаламъ окончательную отдѣлку, заключивъ ихъ въ форму разсказа.

Просматривая настоящее сочиненіе до его печатанія, въ рукописи, и встрѣчая въ немъ различныя, болѣе или менѣе, грубыя ошибки, — я рѣшился подвергнуть его тщательному исправленію. Сдѣлавъ значительныя поправки въ рукописи — въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ошибки, въ логическомъ либо историческомъ отношеніи, уже слишкомъ рѣзко бросались въ глаза, — я намѣревался окончательно исправлять сочиненіе въ корректурныхъ листахъ, по мѣрѣ его печатанія. Такимъ образомъ, рукопись сочиненія была отдана мною въ типографію для печатанія.

Къ несчастію, въ то время, когда началось печатаніе, я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга — гдѣ печаталось сочиненіе.

Возвратившись въ Петербургъ, я уже засталъ напечатанной болѣе половины рукописи; — и, какова была моя досада, когда, прочитывая напечатанные листы, я сплошь да рядомъ встрѣчалъ грамматическія ошибки (1), оставшіяся

(1) Въ настоящемъ случаѣ, такъ-какъ корректоръ былъ отъ меня, — типографія ни въ чемъ не повинна. Прим. К. В. Д.

въ печати по небрежности лица, державшаго, въ мое отсутствіе, корректуру книги.

У насъ, вообще, трудно найдти хорошаго корректора. За корректуру берутся всѣ, кому нечего ѣсть, едва грамотные; берутся потому, что считаютъ корректуру дѣломъ до-нельзя легкимъ, пустымъ. Всякій гимназистъ, выпущенный изъ 3-го класса, предлагаетъ свои услуги по корректурѣ, — полагая, что если онъ кое-какъ выдолбилъ грамматику Греча, и знаетъ: гдѣ писать *ѣ*, а гдѣ *е*, — такъ ему ужъ и корректура ни по чемъ!.. По моему мнѣнію, слѣдовало-бы на каждомъ періодическомъ и отдѣльномъ изданіи выставлять имя лица, державшаго корректуру. Такимъ путемъ, россійскіе издатели знали-бы, кто хорошій корректоръ, кому можно смѣло поручать корректуру изданія. А, вѣдь, большинство россійскихъ издателей — всѣ эти Юркевичи-Литвиновы, Лисенковы, Шатаевы и tutti quanti — люди положительно безграмотные, и ихъ можетъ надуть каждый, даже совершенно неграмотный: стоитъ только послѣднему назваться корректоромъ и предложить услуги которому-нибудь изъ подобныхъ издателей... да, главное, согласиться за болѣе дешевую плату держать корректуру, эдакъ копѣечекъ по 30 съ листа — и съ распростертыми объятіями примутъ, и работой завалятъ... Но еслибъ на изданіяхъ печатались имена корректоровъ, тогда каждый издатель — даже принадлежащій къ категоріи Лисенковыхъ — зналъ-бы, кто хорошій корректоръ, и уже обращался-бы къ нему!..

Издавая въ свѣтъ книгу о родѣ нашемъ, я тѣмъ нисколько не желаю уменьшить значенія вполнѣ почтеннаго труда князя Петра Владиміровича («Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ»), котораго я вполнѣ уважаю и считаю за однаго изъ честныхъ общественныхъ дѣятелей. На сколько настоящій трудъ оправдываетъ появленіе свое въ свѣтъ, конечно, судить не мнѣ — его издателю, — подавно, ни

авторамъ; — это дѣло публики. Но авторы будутъ удовлетворены и тѣмъ, если читатель въ ихъ сочиненіи найдетъ хоть нѣсколько указаній или сужденій, заслуживающихъ — по тѣмъ или другимъ причинамъ — его вниманія...

Выпуская въ свѣтъ настоящее сочиненіе, я считаю не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Составляя его, авторы имѣли цѣлью представить въ истинномъ свѣтѣ тѣ событія, въ которыхъ принимали участіе Долгорукіе; чрезъ что — познакомить публику съ родомъ князей Долгорукихъ. Читатель не найдетъ въ предлагаемой книгѣ строго-ученаго историческаго изслѣдованія; настоящій трудъ — не болѣе, какъ разсказъ о первой линіи князей Долгорукихъ, основанный, впрочемъ, на историческихъ данныхъ.

Кромѣ указанныхъ ниже (въ предисловіи отъ авторовъ) источниковъ, — авторы, при составленіи настоящей, первой части, пользовались еще нѣкоторыми фамильными рукописями, мемуарами графа Сапѣги и однимъ историческимъ разсказомъ о князѣ Ѳедорѣ Долгорукомъ, напечатанномъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Настоящее сочиненіе имѣетъ также цѣль опровергнуть мнѣніе князя Петра Владиміровича Долгорукаго о томъ, что нашу фамилію нужно писать чрезъ *овъ*, а не—чрезъ *ой*.

По истинѣ, жалкую картину представляетъ, въ настоящее время, положенія древнихъ русскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Раззоренныя, чрезъ различныя неблагопріятныя имъ обстоятельства, или раззорившіяся, чрезъ мотовство, — онѣ, — покрайней-мѣрѣ, большинство ихъ, — утратили нынѣ то значеніе, какое имѣли въ Россіи прежде. Безъ вѣса въ государственныхъ дѣлахъ, безъ кредита, — онѣ являются жалкими дѣтьми славныхъ нѣкогда отцевъ ихъ!

Всѣ значительныя, по древности, русскія фамиліи — съ весьма малыми средствами, едва достаточными для ихъ безбѣднаго существованія; а иныя — и безъ всякихъ

средствъ; принуждены чуть не идти по-міру, или пускаться въ различныя, сомнительной честности, предпріятія; принуждены — не способныя къ честному труду — дружиться съ шулерами и мошенниками и, не добросовѣстными путями, добывать себѣ насущный хлѣбъ.

Званіе дворянина—въ настоящее время—не имѣетъ почти никакого значенія; оно не даетъ *никакихъ* правъ человѣку, носящему его. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія,— дворяне потеряли тѣ преимущества, какими прежде пользовались; а ежели и остались за ними кой-какія права, возвышающія ихъ надъ другими сословіями, —то эфемерныя, могущія услаждать развѣ какого-нибуть слабоумнаго барина и заключающіяся единственно въ томъ, что дворянинъ, по достиженіи совершеннолѣтія, можетъ носить фуражку съ кокардой и краснымъ околышемъ да величаться—*высокоблагородіемъ*... Нечего сказать, хороши права!..

Возьмемъ хоть насъ, кн. Долгорукихъ. Безспорно, что мы принадлежимъ къ самому старому русскому роду — велико-княжескому, ведущему свое начало отъ Владиміра Мономаха, вел. кн. Суздальскихъ, Володимірскихъ и т. д. И, чтожъ? Изъ всей огромной фамиліи Долгорукихъ—изъ всѣхъ трехъ линій, вмѣстѣ съ Аргутинскими, едва найдется два лица, про которыхъ можно сказать, что онѣ имѣютъ значительное состояніе; но въ сущности мы можемъ указать, какъ на вполнѣ состоятельнаго, только на князя Владиміра Андреевича (московскаго генералъ-губернатора), да и онъ не богъ-вѣсть какой богачъ, не только далеко до Штиглица, но и до извѣстнаго Яковлева!..

Мы (особенно первая линія нашего рода) раззорены въ конецъ при Аннѣ Іоанновнѣ, по милости ея самовластнаго любимца Бирона. У насъ тогда было отнято все; а ежели, что и возвращено впослѣдствіе, при Елизаветѣ, то 10-я, и еще того меньшая, часть прежде взятаго. Мы можемъ говорить смѣло, что Биронъ поступилъ съ нами, какъ разбойникъ, ограбивъ насъ...

Но мы, не смотря на то, что столько потерпѣли, — всегда честно и вѣрно служили русскимъ государямъ; служили потому, что служилъ имъ народъ; потому что они были дѣйствительными царями народа, пользовались любовью и почитаніемъ его!.. Мы всегда за народъ и съ народомъ, и пока народъ будетъ за царя, — до тѣхъ поръ мы будемъ за него!.. Въ тоже время, служа вѣрно царю, мы никогда не были льстецами, мы служили ему честно, но не раболѣпствовали передъ нимъ...

Правду нужно сказать, что правительство насъ, Долгорукихъ, — не смотря на вѣрную службу государямъ, — рѣдко когда поддерживало; напротивъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, насъ старались тѣснить разные выслужившіеся титульчики, пользовавшіеся, по тѣмъ или другимъ причинамъ, вліяніемъ при дворѣ...

Но не одни Долгорукіе раззорены въ настоящее время. Князья Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе далеко не имѣютъ того состоянія, какое было у нихъ прежде. Князья Голицыны — безъ средствъ. Большинство князей Щербатовыхъ пало до такой степени, что одинъ изъ нихъ — именно князь Александръ Сергѣевичъ — не такъ давно, чтобы выйдти изъ долговаго отдѣленія, принужденъ былъ жениться чуть-ли не на 80-лѣтней старухѣ — вдовѣ двухъ мужей, — которая, поэтому, можетъ смѣло пропѣть:

«Несчастная съ двумя мужьями —
Я въ руки третьяго взяла!»

Между-тѣмъ, князю Александру Сергѣевичу — едва 30 лѣтъ. Другой Щербатовъ замѣшанъ въ пресловутую исторію, на счетъ фальшиваго духовнаго завѣщанія нѣкоего Андреева, надѣлавшую столько шума въ последнее время — по поводу ареста судебнымъ слѣдователемъ Герасовымъ братьевъ Зарудныхъ...

Нѣкій князь Мещерскій судился, годъ тому назадъ, въ Москвѣ за покражу чего-то... Хотя онъ и былъ оправданъ,

судомъ присяжныхъ [1], но и того достаточно, что русскій князь судился — *за кражу*, и чего-бы вы думали?— Кажется, двухъ (или одной) иконъ! И этотъ фактъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, до какого грустнаго положенія дошли иныя русскія княжескія фамиліи!..

Вся наша молодежъ — т. е. та, которая, по происхожденію, можетъ быть причислена, къ, такъ называемому, высшему свѣту — въ долгу какъ въ шелку, находится въ рукахъ самыхъ наглыхъ ростовщиковъ... Кредитъ правильной для нея несуществуетъ, да въ Россіи и никому, вообще, не дѣлается правильный кредитъ. Векселя одного изъ графовъ Борховъ, напр., не такъ давно ходили по 7% за рубль, т. е. семь копѣекъ за вексельный рубль. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго векселя ходятъ по 35% за рубль... Вообще, заемъ по 20%—25% за рубль считается еще хорошимъ... Молодежъ нашу ожидаетъ одно въ перспективѣ: *долговое*, а съ нимъ, конечно, потеря карьеры, словомъ — *всего*, и гибель...

Впрочемъ, въ послѣднее время, говорятъ вездѣ, что долговое скоро уничтожится — и, такимъ-образомъ, нашъ добрый Монархъ окажетъ еще новое благодѣяніе родинѣ...

Великая, по истинѣ благодѣтельная для Россіи, крестьянская реформа — застала многихъ изъ нашихъ дворянъ совершенно неподготовленными къ ея принятію. Очутившись, *въ одно прекрасное утро*, безъ крестьянъ, которые, бывъ ихъ работниками, составляли для нихъ, такъ-сказать, душу и тѣло,—дворяне положительно не знали что́ дѣлать, за что́ взяться... Средствъ прежнихъ — они видѣли — у нихъ нѣтъ уже; видѣли, что и имъ пришло время очнуться отъ долгаго сладкаго сна, на дѣдовскихъ пуховикахъ, и

---

[1] И былъ оправданъ не потому, чтобъ фактъ преступленія не былъ доказанъ; напротивъ—князь самъ сознался въ кражѣ. Но гг. присяжные приняли во вниманіе то гнетущее положеніе, которое довело князя до такого поступка, и примѣнили къ нему законъ *невмѣняемости*.

Примѣч. К. В. Д.

приняться за дѣло — за трудъ... Даже — на сонъ грядущій какая-нибудь *сволочь Палашка* — вдругъ сиѣла отказываться пятки чесать!.. Что дѣлать?.. Къ дѣлу — къ труду-то большинство нашихъ дворянъ было совершенно не способно... И пошли мыкаться, по святой Руси-матушкѣ, различные дворянчики да князьки, вступая въ дружбу съ шулерами, съ мошенниками, или пристраиваясь въ агенты — сирѣчь, шпіоны, — въ разныя *теплыя* отдѣленія...

Но чѣмъ они были виноваты, что оказались не способными къ честному труду, къ честному дѣлу? Чѣмъ они виноваты, когда ихъ воспитаніе заключало въ себѣ элементы, не располагающіе ни къ какой работѣ; когда ихъ, съ малыхъ лѣтъ, не пріучали ни къ чему честному, доброму?..

Тяжелое мы переживаемъ теперь время; но будущія поколѣнія не кинутъ въ насъ камнемъ уже за то, что — какіе-бы мы не были — мы много перестрадали, много перетерпѣли!.. Горька наша жизнь; тяжелая ноша досталась намъ — хоть и не физическая, нравственная, но послѣдняя во сто разъ тяжелѣе первой!..

Теперь уже трудно пріобрѣсть значеніе чрезъ одинъ титулъ — онъ ничего въ наше время не дастъ. Наступаетъ время честной мысли, честнаго труда!..

Наши дѣти и внуки, конечно, будутъ честными работниками своей родины; будутъ честнымъ путемъ добывать себѣ хлѣбъ... И тогда, въ лучшія минуты вашей жизни, вспомните, дѣти, о насъ, не разумныхъ, слабыхъ, и помяните насъ добрымъ словомъ за наше великое страданіе...

Новое время наступаетъ! Благодатная струя свѣжаго воздуха проникла уже въ Русь, и просыпаются тутъ и тамъ — въ городахъ, селахъ и деревняхъ — по всему «необъятному» пространству ея — свѣжія силы, даютъ онѣ знать о себѣ разными добрыми дѣлами... и вся Русь оживаетъ, стаскивая съ себя отрепья невѣжества!..

Новое время! Но тьма еще достаточно сильна; намъ его еще не видать, — мы только чуемъ его приближеніе.

На однихъ это чуяніе приближенія новаго, лучшаго времени производитъ магическое дѣйствіе; они предаются сладкимъ грезамъ о будущемъ счастьи ихъ дѣтей и внуковъ; и, подъ вліяніемъ этихъ чистыхъ грезъ, дѣлаются сами словно лучшими, чѣмъ были. На другихъ-же — оно производитъ тяжелое, грустное впечатлѣніе: видятъ они, что приходится имъ разставаться съ прежними вѣрованіями, покидать прежнюю безмятежную, среди лѣни и нѣги, жизнь — и, озлобленные на новое, они глубже погружаются думами въ прошлое, — дорогое для нихъ, стараясь какъ-нибудь да забыть настоящее!..

Бѣдные, несчастные братья! Вижу, съ какимъ горемъ принуждены вы прощаться съ вашими завѣтными понятіями; вижу, какъ вамъ не любо наступающее новое время; тяжело вамъ приходиться и, не смотря на то, что вы погрязли въ рутинныхъ дѣдовскихъ преданіяхъ, что въ васъ нѣтъ ничего свѣжаго, здороваго, — мнѣ, право, васъ искренно жаль, и жаль опять таки за ваше страданіе... А страдаете вы вполнѣ непритворно, честно, и велико ваше страданіе: у васъ хотятъ отнять все дорогое и, какъ вы не держитесь за него, — силой берутъ его у васъ!..

Новое время! Наступай-же скорѣй, наступай, благодатное! Чтобъ наши дѣти и внуки уже не встрѣтили на Руси ничего стараго, затхлаго... Пусть мы еще болѣе будемъ страдать — наши страданія залогъ благоденствія для нашего потомства!.. Онѣ окупятся счастливой долей, ожидающей нашихъ дѣтей и внуковъ... Да:

.... Мысль зрѣетъ,
Закралась въ юные умы,
И новый духъ повсюду вѣетъ —
Предвѣстникъ гибели онъ тьмы!
И, ждите братья, день настанетъ,
И скоро солнышко проглянетъ,
Дождь, послѣ засухи, пойдетъ
И жатва пышная взойдетъ!..

Іюнь, 1868 г. *Князь Всеволодъ Доморукой.*

ЧАСТЬ I.

ДОЛГОРУКІЕ.

СОЧИНЕНІЕ

Князя Алексѣя Долгорукаго и Натальи Шпилевской.

ПАМЯТИ

ПЯТИ, НЕЗАБВЕННЫХЪ ДЛЯ ДОЛГОРУКИХЪ,

ЖЕНЩИНЪ:

Царицѣ Марьѣ Владимiровнѣ, I-й супругѣ Царя Михаила Θедоровича Романова, рожденной княжнѣ Долгорукой.

Царицѣ Тамарѣ грузинской, супругѣ князя Долгорукаго.

Княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой, обрученной невѣстѣ императора Петра II-го.

Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой, рожденной графинѣ Шереметевой.

Княгинѣ Марьѣ Александровнѣ Долгорукой, тайной супругѣ князя Θедора, рожденной княжнѣ Меньшиковой.

Посвящаютъ
настоящую часть
авторы:

Князь Алексѣй Долгорукой.
Наталья Шпилевская.
Князь Всеволодъ Долгорукой.

Я получилъ отъ моего отца, князя Алексѣя Владиміровича Долгорукаго, письмо, которое — согласно его желанію — и считаю нужнымъ напечатать въ настоящемъ изданіи.

Князь Всеволодъ Долгорукой.

«Любезный сынъ Всеволодъ!

Ты хотѣлъ выпустить о обоихъ моихъ бракахъ и пройдти о нихъ въ книгѣ молчаніемъ — на что я и согласился. Но сказавъ объ одномъ, нельзя умолчать о другомъ: скажутъ, молчитъ — виноватъ! По собственному сознанію первой жены моей—сознанію передъ судомъ: *я невиненъ*, что и подтверждено министромъ въ указѣ. А собственное сознаніе — есть неопровержимое доказательство, по прежнимъ законамъ... Для второй части я сообщу тебѣ о немъ еще подробнѣйшія свѣденія, — съ тѣмъ, чтобъ были напечатаны.

Затѣмъ, обращусь къ твоей одной «замѣткѣ;» спору нѣтъ: ты имѣешь право дѣлать ихъ за подписью *К. В. Д.*—всякій думаетъ по своему. Однако — Шервудъ извѣстно (1) за что пожалованъ *вѣрнымъ* изъ указа 1 іюня 1825 года. Остальная приписка до его не относится (2); она статна къ тѣмъ, которые подняли руки на Петра III, Павла I, которые блаженствуютъ и насъ тѣснятъ за вѣрноподданство... Хитры больно! Подвелиже 7 лѣтъ, съ 1854 года, выдержать Шервуда въ крѣпости!...

---

(1) Полагаю, что никто меня не осудитъ за то, что мнѣ, напр., не извѣстно, за какія заслуги то или другое лице *тѣмъ-то* пожаловано и *тѣмъ-то* награждено. Нѣтъ силъ человѣческихъ, чтобъ помнить и знать о всѣхъ, напр., коллежскихъ регистраторахъ, титулярныхъ совѣтникахъ и tutti quanti: за что и когда они произведены въ тѣ или другіе чины...

(2) Каждый можетъ принимать на себя что хочетъ: *вольному воля*...

Примѣч. К. В. Д.

Также, зачѣмъ выпустилъ, что я 25 лѣтъ служилъ (безъ жалованья) и первый въ Европѣ отъ правительства и медицинскаго совѣта утвержденъ, Высочайшимъ приказомъ (4 апрѣля 1856 года), магнетизеромъ. Я этимъ горжусь: потому-что первый, въ больницахъ, далъ ему примѣненіе къ медицинѣ. Еще выпустилъ: что я имѣю аттестатъ на званіе учителя арабскаго языка и первый въ Россіи читалъ цѣлый курсъ Ремеслъ и Искусствъ — на русскомъ языкѣ. Ты можешь вѣрить и нѣтъ, имѣть своё мнѣніе долженъ; но скажу тебѣ, что я-бы иначе не вѣрилъ во многое, еслибъ не зналъ магнетизма... И потому, не только разсказъ матери своей охотно принимаю на себя, но и разсказъ, подобный, у князя Петра Долгорукова готовъ принять...

О прокламаціи Сергѣя Николаевича Глинки, 1812 года: графъ Растопчинъ, узнавъ о перехватѣ ея отцемъ моимъ ([1]), свалилъ все на молодаго Верещагина; собралъ народъ; ударилъ его самъ шпагой и скинулъ съ балкона, а самъ изъ Москвы .. тягу!

Когда возвратился, то онъ отца моего заставилъ возить, подъ конвоемъ, съ простыми арестантами мусоръ; но, къ счастію, начальникъ Владимірскаго ополченія, генералъ-лейтенантъ Борисъ Андреевичъ Голицынъ, узналъ на 3-й день объ этомъ и заставилъ освободить его — тѣмъ дѣло и кончилось.

Я, какъ другъ и отецъ и какъ одинъ изъ составителей этой книги, прошу тебя напечатать это письмо.

Остаюсь къ тебѣ, въ дружбѣ и любви,

твой отецъ

Алексѣй.»

1868 г. февраля 15 дня.

То — къ.

([1]) Князь Владиміръ Ивановичъ, бывшій редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей.» Примѣч. К. В. Д.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Разныя нелѣпыя сказки о Долгорукихъ, помѣщенныя въ послѣднее время въ разныхъ журналахъ, частію вымышленныя, а частію заимствованныя отъ князя Петра Долгорукаго, разсказъ покойнаго Фурмана, подъ заглавіемъ: «Наталья Борисовна Долгорукова», клеветы Прокоповича, неправильныя показанія Кавказскаго календаря 1854 года, ошибочныя отмѣтки въ хроникѣ въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1855 года и, наконецъ, «Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ», вмѣсто Долгорукихъ, и Россійскій Родословный Сборникъ, изданный княземъ Петромъ Долгорукимъ, служатъ поводомъ къ изданію этой книги. Въ нашемъ изслѣдованіи мы руководствовались: 1) Всѣми лѣтописями и актами старѣе Разряднаго Архива и современными ему; 2) Разряднымъ архивомъ; 3) Грамотою Царскою; 4) Гербовникомъ Высочайше утвержденнымъ; 5) Исторіей Карамзина (1 изд.); 6) подлинными записками княгини Натальи Долгоруковой; 7) записками брата невѣсты государя, князя Алексѣя Алексѣевича; 8) отчетомъ его опеки надъ отцемъ и дядею князя Алексѣя Владиміровича Долгорукаго; 9) изустнымъ его разсказомъ князю Владиміру Ивановичу, его родному внуку, надъ которымъ онъ былъ опекуномъ; 10) Исповѣдью передъ казнею князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго; 11) тайнымъ докла-

судомъ присяжныхъ (1), но и того достаточно, что русскій князь судился — *за кражу*, и чего-бы вы думали?— Кажется, двухъ (или одной) иконъ! И этотъ фактъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, до какого грустнаго положенія дошли иныя русскія княжескія фамиліи!..

Вся наша молодежь — т. е. та, которая, по происхожденію, можетъ быть причислена, къ, такъ называемому, высшему свѣту — въ долгу какъ въ шелку, находится въ рукахъ самыхъ наглыхъ ростовщиковъ... Кредитъ правильной для нея несуществуетъ, да въ Россіи и никому, вообще, не дѣлается правильный кредитъ. Векселя одного изъ графовъ Борховъ, напр., не такъ давно ходили по 7% за рубль, т. е. семь копѣекъ за вексельный рубль. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго векселя ходятъ по 35% за рубль... Вообще, заемъ по 20%—25% за рубль считается еще хорошимъ... Молодежь нашу ожидаетъ одно въ перспективѣ: *долговое*, а съ нимъ, конечно, потеря карьеры, словомъ — *всего*, и гибель...

Впрочемъ, въ послѣднее время, говорятъ вездѣ, что долговое скоро уничтожится — и, такимъ-образомъ, нашъ добрый Монархъ окажетъ еще новое благодѣяніе родинѣ...

Великая, по истинѣ благодѣтельная для Россіи, крестьянская реформа — застала многихъ изъ нашихъ дворянъ совершенно неподготовленными къ ея принятію. Очутившись, *въ одно прекрасное утро*, безъ крестьянъ, которые, бывъ ихъ работниками, составляли для нихъ, такъ-сказать, душу и тѣло,—дворяне положительно не знали что̀ дѣлать, за что̀ взяться... Средствъ прежнихъ — они видѣли — у нихъ нѣтъ уже; видѣли, что и имъ пришло время очнуться отъ долгаго сладкаго сна, на дѣдовскихъ пуховикахъ, и

---

(1) И былъ оправданъ не потому, чтобъ фактъ преступленія не былъ доказанъ; напротивъ—князь самъ сознался въ кражѣ. Но гг. присяжные приняли во вниманіе то гнетущее положеніе, которое довело князя до такого поступка, и примѣнили къ нему законъ *невмѣняемости*.

Примѣч. К. В. Д.

приняться за дѣло — за трудъ... Даже — на сонъ грядущій какая-нибудь *сволочь Палашка* — вдругъ смѣла отказываться пятки чесать!.. Что дѣлать?.. Къ дѣлу — къ труду-то большинство нашихъ дворянъ было совершенно не способно... И пошли мыкаться, по святой Руси-матушкѣ, различные дворянчики да князьки, вступая въ дружбу съ шулерами, съ мошенниками, или пристраиваясь въ агенты — сирѣчь, шпіоны, — въ разныя *теплыя* отдѣленія...

Но чѣмъ они были виноваты, что оказались не способными къ честному труду, къ честному дѣлу? Чѣмъ они виноваты, когда ихъ воспитаніе заключало въ себѣ элементы, не располагающіе ни къ какой работѣ; когда ихъ, съ малыхъ лѣтъ, не пріучали ни къ чему честному, доброму?..

Тяжелое мы переживаемъ теперь время; но будущія поколѣнія не кинутъ въ насъ камнемъ уже за то, что — какіе-бы мы не были — мы много перестрадали, много перетерпѣли!.. Горька наша жизнь; тяжелая ноша досталась намъ — хоть и не физическая, нравственная, но послѣдняя во сто разъ тяжелѣе первой!..

Теперь уже трудно пріобрѣсть значеніе чрезъ одинъ титулъ — онъ ничего въ наше время не дастъ. Наступаетъ время честной мысли, честнаго труда!..

Наши дѣти и внуки, конечно, будутъ честными работниками своей родины; будутъ честнымъ путемъ добывать себѣ хлѣбъ... И тогда, въ лучшія минуты нашей жизни, вспомните, дѣти, о насъ, не разумныхъ, слабыхъ, и помяните насъ добрымъ словомъ за наше великое страданіе...

Новое время наступаетъ! Благодатная струя свѣжаго воздуха проникла уже въ Русь, и просыпаются тутъ и тамъ — въ городахъ, селахъ и деревняхъ — по всему «необъятному» пространству ея — свѣжія силы, даютъ онѣ знать о себѣ разными добрыми дѣлами... и вся Русь оживаетъ, стаскивая съ себя отрепья невѣжества!..

Новое время! Но тьма еще достаточно сильна; намъ его еще не видать, — мы только чуемъ его приближеніе.

На однихъ это чуяніе приближенія новаго, лучшаго времени производитъ магическое дѣйствіе; они предаются сладкимъ грезамъ о будущемъ счастьи ихъ дѣтей и внуковъ; и, подъ вліяніемъ этихъ чистыхъ грезъ, дѣлаются сами словно лучшими, чѣмъ были. На другихъ-же — оно производитъ тяжелое, грустное впечатлѣніе: видятъ они, что приходится имъ разставаться съ прежними вѣрованіями, покидать прежнею безмятежную, среди лѣни и нѣги, жизнь—и, озлобленные на новое, они глубже погружаются думами въ прошлое, — дорогое для нихъ, стараясь какъ-нибудь да забыть настоящее!..

Бѣдные, несчастные братья! Вижу, съ какимъ горемъ принуждены вы прощаться съ вашими завѣтными понятіями; вижу, какъ вамъ не любо наступающее новое время; тяжело вамъ приходиться и, не смотря на то, что вы погрязли въ рутинныхъ дѣдовскихъ преданіяхъ, что въ васъ нѣтъ ничего свѣжаго, здороваго, — мнѣ, право, васъ искренно жаль, и жаль опять таки за ваше страданіе... А страдаете вы вполнѣ непритворно, честно, и велико ваше страданіе: у васъ хотятъ отнять все дорогое и, какъ вы не держитесь за него, — силой берутъ его у васъ!..

Новое время! Наступай-же скорѣй, наступай, благодатное! Чтобъ наши дѣти и внуки уже не встрѣтили на Руси ничего стараго, затхлаго... Пусть мы еще болѣе будемъ страдать — наши страданія залогъ благоденствія для нашего потомства!.. Онѣ окупятся счастливой долей, ожидающей нашихъ дѣтей и внуковъ... Да:

.... Мысль зрѣетъ,
Закралась въ юные умы,
И новый духъ повсюду вѣетъ —
Предвѣстникъ гибели онъ тьмы!
И, ждите братья, день настанетъ,
И скоро солнышко проглянетъ,
Дождь, послѣ засухи, пойдетъ
И жатва пышная взойдетъ!..

Іюнь, 1868 г. *Князь Всеволодъ Доморукой.*

ЧАСТЬ I.

ДОЛГОРУКІЕ.

СОЧИНЕНІЕ

Князя Алексѣя Долгорукаго и Натальи Шпилевской.

ПАМЯТИ

ПЯТИ, НЕЗАБВЕННЫХЪ ДЛЯ ДОЛГОРУКИХЪ,

ЖЕНЩИНЪ:

Царицѣ Марьѣ Владиміровнѣ, I-й супругѣ Царя Михаила Ѳедоровича Романова, рожденной княжнѣ Долгорукой.

Царицѣ Тамарѣ грузинской, супругѣ князя Долгорукаго.

Княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой, обрученной невѣстѣ императора Петра II-го.

Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой, рожденной графинѣ Шереметевой.

Княгинѣ Марьѣ Александровнѣ Долгорукой, тайной супругѣ князя Ѳедора, рожденной княжнѣ Меньшиковой.

Посвящаютъ
настоящую часть
авторы:

Князь Алексѣй Долгорукой.
Наталья Шпилевская.
Князь Всеволодъ Долгорукой.

Я получилъ отъ моего отца, князя Алексѣя Владиміровича Долгорукаго, письмо, которое — согласно его желанію — и считаю нужнымъ напечатать въ настоящемъ изданіи.

Князь Всеволодъ Долгорукой.

«Любезный сынъ Всеволодъ!

Ты хотѣлъ выпустить о обоихъ моихъ бракахъ и пройдти о нихъ въ книгѣ молчаніемъ — на что я и согласился. Но сказавъ объ одномъ, нельзя умолчать о другомъ: скажутъ, молчитъ — виноватъ! По собственному сознанію первой жены моей — сознанію передъ судомъ: *я невиненъ*, что и подтверждено министромъ въ указѣ. А собственное сознаніе — есть неопровержимое доказательство, по прежнимъ законамъ… Для второй части я сообщу тебѣ о немъ еще подробнѣйшія свѣденія, — съ тѣмъ, чтобъ были напечатаны.

Затѣмъ, обращусь къ твоей одной «замѣткѣ;» спору нѣтъ: ты имѣешь право дѣлать ихъ за подписью *К. В. Д.* — всякій думаетъ по своему. Однако — Шервудъ извѣстно (1) за что пожалованъ *вѣрнымъ* изъ указа 1 іюня 1825 года. Остальная приписка до его не относится (2); она статна къ тѣмъ, которые подняли руки на Петра III, Павла I, которые блаженствуютъ и насъ тѣснятъ за вѣрноподданство… Хитры больно! Подвелиже 7 лѣтъ, съ 1854 года, выдержать Шервуда въ крѣпости!…

(1) Полагаю, что никто меня не осудитъ за то, что мнѣ, напр., не извѣстно, за какія заслуги то или другое лице *тѣмъ-то* пожаловано и *тѣмъ-то* награждено. Нѣтъ силъ человѣческихъ, чтобъ помнить и знать о всѣхъ, напр., коллежскихъ регистраторахъ, титулярныхъ совѣтникахъ и tutti quanti: за что и когда они произведены въ тѣ или другіе чины…

(2) Каждый можетъ принимать на себя что хочетъ: *вольному воля*…

Примѣч. К. В. Д.

Также, зачѣмъ выпустилъ, что я 25 лѣтъ служилъ (безъ жалованья) и первый въ Европѣ отъ правительства и медицинскаго совѣта утвержденъ, Высочайшимъ приказомъ (4 апрѣля 1856 года), магнетизеромъ. Я этимъ горжусь: потому-что первый, въ больницахъ, далъ ему примѣненіе къ медицинѣ. Еще выпустилъ: что я имѣю аттестатъ на званіе учителя арабскаго языка и первый въ Россіи читалъ цѣлый курсъ Ремеслъ и Искусствъ — на русскомъ языкѣ. Ты можешь вѣрить и нѣтъ, имѣть свое мнѣніе долженъ; но скажу тебѣ, что я-бы иначе не вѣрилъ во многое, еслибъ не зналъ магнетизма... И потому, не только разсказъ матери своей охотно принимаю на себя, но и разсказъ, подобный, у князя Петра Долгорукова готовъ принять...

О прокламаціи Сергѣя Николаевича Глинки, 1812 года: графъ Растопчинъ, узнавъ о перехватѣ ея отцемъ моимъ (¹), свалилъ все на молодаго Верещагина; собралъ народъ; ударилъ его самъ шпагой и скинулъ съ балкона, а самъ изъ Москвы .. тягу!

Когда возвратился, то онъ отца моего заставилъ возить, подъ конвоемъ, съ простыми арестантами мусоръ; но, къ счастію, начальникъ Владимірскаго ополченія, генералъ-лейтенантъ Борисъ Андреевичъ Голицынъ, узналъ на 3-й день объ этомъ и заставилъ освободить его — тѣмъ дѣло и кончилось.

Я, какъ другъ и отецъ и какъ одинъ изъ составителей этой книги, прошу тебя напечатать это письмо.

Остаюсь къ тебѣ, въ дружбѣ и любви,
твой отецъ
Алексѣй.»

1868 г. февраля 15 дня.
То — къ.

(¹) Князь Владиміръ Ивановичъ, бывшій редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей.» Примѣч. К. В. Д.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Разныя нелѣпыя сказки о Долгорукихъ, помѣщенныя въ послѣднее время въ разныхъ журналахъ, частію вымышленныя, а частію заимствованныя отъ князя Петра Долгорукаго, разсказъ покойнаго Фурмана, подъ заглавіемъ: «Наталья Борисовна Долгорукова», клеветы Прокоповича, неправильныя показанія Кавказскаго календаря 1854 года, ошибочныя отмѣтки въ хроникѣ въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1855 года и, наконецъ, «Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ», вмѣсто Долгорукихъ, и Россійскій Родословный Сборникъ, изданный княземъ Петромъ Долгорукимъ, служатъ поводомъ къ изданію этой книги. Въ нашемъ изслѣдованіи мы руководствовались: 1) Всѣми лѣтописями и актами старѣе Разряднаго Архива и современными ему; 2) Разряднымъ архивомъ; 3) Грамотою Царскою; 4) Гербовникомъ Высочайше утвержденнымъ; 5) Исторіей Карамзина (1 изд.); 6) подлинными записками княгини Натальи Долгоруковой; 7) записками брата невѣсты государя, князя Алексѣя Алексѣевича; 8) отчетомъ его опеки надъ отцемъ и дядею князя Алексѣя Владиміровича Долгорукаго; 9) изустнымъ его разсказомъ князю Владиміру Ивановичу, его родному внуку, надъ которымъ онъ былъ опекуномъ; 10) Исповѣдью передъ казнею князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго; 11) тайнымъ докла-

домъ и приказомъ Бирона Ушакову; 12) архивнымъ дѣломъ о Долгорукихъ; 13) Докладомъ Сената Елизаветѣ Петровнѣ, при ея воцареніи; 14) Полнымъ Собраніемъ Законовъ Россійской Имперіи; 15) Родословной таблицей Хераскова; 16) Разными арабскими и грузинскими лѣтописями; 17) Родословной таблицей Рюрика, Устрядова.

Не гоняясь за славою, мы будемъ считать себя вознагражденными, если нашъ трудъ найдутъ хоть нѣсколько заслуживающимъ вниманія.

Князь Алексѣй Долгорукой.

Наталья Шпилевская.

Издатель-редакторъ: *Князь Всеволодъ Долгорукой.*

О родѣ.

О томъ, что князья Долгорукіе происходятъ отъ Равноапостольнаго князя Владиміра и первенствующей его супруги, Рогнеды, никто не споритъ; да и отвергнуть этого нельзя; но отъ которой именно вѣтви — разно показываютъ. До воцаренія Анны Іоанновны, родъ Долгорукихъ обыкновенно выводили отъ великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго.

При уничтоженіи мѣстничества, по указу великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича и по преданію огню разрядныхъ книгъ, разрядному архиву дано повелѣніе имѣть на память княжескихъ и боярскихъ родовъ родословную книгу, при составленіи которой отъ всякаго княжескаго и боярскаго рода назначено было по шести депутатовъ; изъ депутатовъ отъ рода Долгорукихъ подписались слѣдующіе два: бояре князья Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукой и Михаилъ Юрьевичъ Долгорукой (и оба подписались: *Долгорукой*).

Въ древней росписи Разряднаго архива, составленной по сему повелѣнію и подписанной, въ числѣ прочихъ, обоими вышеупомянутыми Долгорукими, сказано о Долгорукихъ.

Подъ № 207.

Долгорукіе князья произошли отъ князей Черниговскихъ. Въ родѣ ихъ у князя Андрея Юрьевича былъ сынъ князь Иванъ Долгорукой; отъ него пошли князья Долгорукіе. Происходящіе отъ нихъ:

Асовицкіе
Бѣлевскіе
Борятинскіе

Подъ № 14.

Оболенскіе князья произошли отъ князей Черниговскихъ. Названіе приняли отъ княженія предковъ ихъ въ родѣ Оболенскихъ. Одноплеменные имъ:

Новосильскіе
Одоевскіе
Воротынскіе
Тарускіе

Горенскіе	Мезецкіе
Завальскіе	Борятинскіе
Звѣнигородскіе	Осовицкіе
Золотые	Звѣникородскіе
Серебреные	Курлешевы
Кашены	Ноготковы
Лыковы	Стригины
Карачевскіе	Ярославовы
Мезецкіе	Нагіе
Нагіе	Телепни
Ноготковы	Овчинины
Новосильскіе	Туренины
Оболенскіе	Рѣпнины
Одоевскіе	Пенинскіе
Пенинскіе	Горенскіе
Рѣпнены	Черные
Стригины	Тюфякины
Таруские	Золотые
Телепни	Серебреные
Тросненскіе	Щепины
Туренины	Лыковы
Щепины	Долгорукіе
Щербатовы	Кашины
Ярославовы	Щербатовы
	Тросненскіе
	Глуховскіе

Воротынскіе, Горенскіе, Корачевскіе, Одоевскіе, Серебренные, Стригины, Новольскіе, Мезецкіе вовсе не написаны въ особой родословной; а всѣ они показаны подъ № 207, въ родѣ князей Долгорукихъ. Щербатовы, сказано, произошли отъ князей Черниговскихъ, и названіе приняли отъ предка своего князя Василія Щербатова (не Щербатаго) (1) преемника князя Оболенскаго (а не сына). Отъ чего они это названіе приняли, неизвѣстно; родословная ихъ подъ № 499; въ той-же росписи показаны и Долгорукіе. Подъ №№ 295 и 401 Долгорукіе тоже показаны одноплеменными князьямъ Щербатовымъ.

Событія, относящіеся къ призванію въ Россію Рюрика и началу рода Долгорукихъ и прочихъ нашихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ, въ то время должны были быть болѣе

(1) Поэтому Щербатовъ, а не Щербатые.

извѣстны, чѣмъ впослѣдствіе. Черниговъ, какъ извѣстно, переходилъ въ княженіе изъ рукъ въ руки; многіе изъ временныхъ его владѣльцевъ не упомянуты даже въ лѣтописяхъ. Много есть потомковъ великаго князя Юрія Долгорукаго, о которыхъ нельзя доказать, отъ котораго изъ его сыновей они происходятъ, такъ какъ въ Разрядномъ Архивѣ, по приказу Бирона, уничтожена вся родословная роспись № 207; вотъ почему и произошли впослѣдствіе всѣ недоумѣнія и споры. Сказаніе о происхожденіи рода Долгорукихъ отъ Святаго Михаила князя Черниговскаго ([1]) основано на портфелѣ Мюллера и на Лобановской книгѣ. Обоимъ этимъ авторамъ угодно было выводить наши княжескіе рода по однимъ догадкамъ, вовсе несоображаясь съ лѣтописями; вотъ почему они и выводятъ родъ Долгорукихъ не отъ Долгорукаго, а отъ Оболенскаго. Показанія своего они не могутъ подтвердить ни одною лѣтописью. Вымышленный родоначальникъ рода Долгорукихъ, князь Андрей Константиновичъ, сынъ послѣдняго владѣтеля города Оболянска, потомокъ Св. князя Игоря, схимонаха, и Св. Ми-Михаила, князя Черниговскаго, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть родоначальникомъ князей Долгорукихъ, потому что во всемъ родѣ Долгорукихъ небыло ни одного Константина, а въ старину всегда давали имена по предкамъ и родственникамъ. Что потомки великаго князя Юрія (Георгія) Долгорукаго всегда носили и сохраняли его фамилію, доказываютъ всѣ древнія лѣтописи; такъ, напримѣръ, въ прологѣ житія Св. Михаила князя Тверскаго, Кіевскомъ и Московскомъ, упоминается князь Всеволодъ Георгіевичъ (Юрьевичъ) Долгорукой. Почему новѣйшіе исторіографы, говоря о нихъ, вездѣ выкидываютъ фамилію ихъ — не извѣстно.

Въ исторіи, изданной въ началѣ царствованія блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго, съ портретами россійскихъ государей, и посвященной государю императору

([1]) Читай сказаніе о родѣ князей Долгорукихъ 1840 года, С. Петербургѣ, князя Петра Долгорукаго.

съ надписью: «Помазаннику Божію» (1), между прочимъ, упоминается, что сынъ великаго князя Андрея Боголюбскаго, князь Юрій (Георгій) Андреевичъ, имѣлъ сына князя Андрея Юрьевича Долгорукаго—Переяславскаго, который имѣлъ какую-то войну съ княземъ Галицкимъ, и который никто иной, какъ родочальникъ рода князей Долгорукихъ. Тутъ надо обратить вниманіе, что какъ отецъ, такъ и родной дѣдъ великаго князя Юрія (Георгія) Владиміровича Долгорукаго, оба, до восшествія на великокняжескій престолъ, были на княженіи въ Черниговѣ; слѣдственно—опять повторимъ то, что сказали въ предисловіи—потомки ихъ могли считать себя потомками Черниговскихъ князей.

Вотъ какъ показано въ таблицѣ Хераскова:

Великій князь Юрій (Георгій) Владиміровичъ Долгорукой.

Святой благовѣрный великій князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой, по смерти названный потомками Боголюбскимъ.

Князь Юрій Андреевичъ Долгорукой; временно княжилъ въ Новгородѣ.

Князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой-Переяславскій, имѣвшій войну съ княземъ Галицкимъ.

Князь Всеволодъ, князь Андрей, князь Юрій Андрѣевичъ, князь Андрей Юрьевичъ и князь Иванъ Андрѣевичъ Долгорукой, который отъ супруги своей Маріи Всеволодовны имѣлъ князя Владиміра Ивановича.

Князь Семіонъ; отъ него пошла старшая вѣтвь.

Князь Өедоръ; — вторая вѣтвь.

Князь Тимоөей; — третья вѣтвь.

Князь Михаилъ; — угасшая вѣтвь.

Изъ грамоты Василія III Іоанновича видно, что трое княжатъ Долгорукихъ, въ 1520 году, приняты подъ высокую царскую руку: князь Семіонъ, Редоръ, да Михаилъ; двое окольничьими, а третій думнымъ.

---

(1) Книги эти изданы въ Москвѣ въ 4 долю листа и печатаны въ университетской типографіи, въ то время, какъ въ московскомъ императорскомъ университетѣ былъ кураторомъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Другая-же родословная, отысканная княземъ Алексѣемъ въ Симбирскомъ дворянскомъ собраніи, приложенная въ концѣ, также выводитъ нашъ родъ отъ князя Іоанна Юрьевича, сына великаго князя Юрія Владиміровича. Эта родословная подписана княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Долгорукимъ, сыномъ Григорія Ѳедоровича, роднаго брата князя Якова. Она представлена флота капитаномъ княземъ Григоріемъ Алексѣевичемъ, сыномъ князя Алексѣя Алексѣевича—братомъ невѣсты государя. При чемъ изображенъ гербъ Долгорукихъ съ щитодержателями (смотри приложеніе).

Есть еще писанная родословная, показывающая происхожденіе рода Долгорукихъ такъ:

Великій князь Владиміръ Мономахъ,

Великій князь Мстиславъ Владиміровичъ,

Князь Рюрикъ Мстиславовичъ,

Князь Владиміръ Рюриковичъ,

Князь Андрей Владиміровичъ Долгаяруки. Этотъ князь показанъ и въ гербовникѣ; но по гербовнику отъ него происходятъ князья Вяземскіе. По родословной-же князья Вяземскіе происходятъ отъ двухъ первыхъ его сыновей; а отъ третьяго сына его, князя Ивана Андрѣевича, показаны Долгорукіе.

Эта родословная показана списанною изъ разряда и подписана, какъ полагать должно, отцомъ князя Якова Ѳедоровича; ибо въ ней значится такъ:

«Околничій княсь Ѳедоръ княжь Долгорукой на память дѣтямъ своимъ изъ разряда».

Она безъ года.

Всѣ эти родословныя, во всякомъ случаѣ, достовѣрнѣе позднѣйшихъ выводовъ Мюллера, Новикова и проч., основанныхъ на однѣхъ только догадкахъ, потому что онѣ древнѣе ихъ выводовъ и, слѣдовательно, ближе къ эпохѣ мѣстничества, когда старшинство родовъ вызывало ежедневные споры, и поэтому постоянно заставляло прибѣгать къ справкамъ съ родословными книгами.—Словомъ, по мнѣнію нашему, должно держаться Разряднаго Архива, по которому, намъ извѣстно,

что князь Андрей Юрьевичъ, изъ рода Долгорукихъ, имѣлъ князя Ивана Долгорукаго, отъ котораго и произошелъ родъ Долгорукихъ, а не отъ вымышленнаго Лабановымъ и Мюллеромъ — Андрея Константиновича. Чтобы отвергнуть показаніе разряднаго Архива № 207, надо отыскать или актъ древнѣе его, или, по крайней мѣрѣ, хоть актъ современный ему, а не ссылаться на книгу, сочиненную въ царствованіе Екатерины II-й.

Разсказъ покойнаго Г. Фурмана, подъ заглавіемъ: «Наталья Долгорукова», тоже не можетъ быть подлиннѣе собственныхъ записокъ княгини, а также указовъ и фактовъ.

Не должно тоже забывать того, что при составленіи гербовника князь Куракинъ имѣлъ сильное вліяніе, и показалъ, что родъ его и родъ Галицыныхъ и Трубецкихъ происходитъ отъ Равноапостольнаго князя Владиміра, тогда какъ предокъ Галицыныхъ, Трубецкихъ и Куракиныхъ, Гедеминъ Литовскій, и его дѣти Любартъ, Ольгердъ и Кейстутъ, и дѣти послѣднихъ: Свидригайло, Ягелло и Витольдъ, были язычники; будь они потомки Равноапостольнаго, то они были-бы христіане.

Замѣтимъ еще, что нельзя даже, по здравому смыслу, допустить, чтобы въ ту пору, когда только что сожгли книги о мѣстничествѣ, о чемъ большая часть еще сожалѣли, что видно даже изъ Полнаго Собранія Законовъ, такъ какъ передъ тѣмъ самымъ многіе били челомъ за мѣста — что-бы въ ту пору, когда каждый за мѣсто сажалъ другаго въ тюрьму, подали-бы зарукоприкладствомъ росписи, въ которыхъ-бы производили себя отъ тѣхъ, которые отъ нихъ происходили (1), и что бы, напримѣръ, Оболенскіе, Одоевскіе, Карачевскіе и т. д. показали себя происходящими отъ рода Долгорукихъ, если бы родъ

(1) Въ указѣ 1682 года, 24 Ноября, между прочимъ, сказано: «и того же числа тѣ книги (разрядныя) преданы огню Государскія переднія Палаты въ сѣняхъ, а при томъ стояли отъ великаго государя царя и великаго князя Өедора Алексѣевича всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержца бояринъ князь Михайло Юрьевичъ Долгорукой да думный дьякъ Василій Семеновъ, а на память родовъ въ разрядной родословной книгѣ пополнить, для того взять рукописи заруками».

Долгорукихъ происходилъ отъ ихъ рода, а также, чтобы мы теперь вѣрнѣе знали родословныя, чѣмъ знали ихъ прадѣды наши?

Изъ Полнаго Собранія Законовъ видно, что былъ только одинъ случай, гдѣ Долгорукіе спорили о мѣстничествѣ, и то потому, что Пушкинъ затронулъ ихъ; приводимъ подлинный указъ:

«Въ лѣто $\frac{7160}{1652}$ Февраля 9 дня.

Именной Указъ Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, Великія, малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, сказанный разряднымъ дьякомъ Семеномъ Заборовскимъ Боярину и Оружейничему Григорію Пушкину и брату его Окольничьему Степану Пушкину. Прошлаго Ноября 22 дня сидѣлъ государь съ Бояры, а вы Григорій да Степанъ въ тое пору бранилися съ князь Юрьемъ да со Окольничьимъ князь Дмитріемъ, княжъ Алексѣевичами Долгорукими, не били челомъ вы государю, что вамъ меньше ихъ быть не можно, а Бояринъ князь Юрій да Окольничій князь Дмитрій Долгорукіе били челомъ на васъ государю о безчестьи, что вы ихъ тѣмъ обезчестили, и тебѣ Григорію и Степану меньше быть можно, потому что отецъ вашъ Гаврило былъ меньше дяди ихъ роднаго, князя Василія Долгорукаго, а Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ былъ во Брянскѣ меньше отца ихъ князи Алексѣя; и за безчестіе Боярина князь Юрья да Окольничьяго князь Дмитрія княжъ Алексѣевичей Долгорукихъ указалъ государь васъ Боярина Григорья, да Окольничьяго Степана Гавриловичей Пушкиныхъ, послать въ тюрьму, и впредь вамъ у всякихъ государевыхъ дѣлъ съ ними быть можно».

Много распространили разныхъ ложныхъ толковъ о мѣстничествѣ; но что мѣстничество не было исключительно по древности рода, очевидно доказывается тѣмъ, что иначе-бы князь Ромодановскій не сидѣлъ бы въ тюрьмѣ за то, что занялъ мѣсто выше боярина Шеина. Мѣстничество было тоже по заслугамъ, но не по однѣмъ личнымъ, но и позаслугамъ отца, дѣда и прадѣда. — Впослѣдствіе, когда оно слишкомъ разви-

лось, то надо было принять меры, чтобы уничтожить его; хотя оно было и не совсѣмъ безъ пользы; такъ, оно отчасти удерживало негодяевъ отъ дурныхъ поступковъ, могущихъ затмить ихъ родъ, честь — и безчестіе отца и дѣда падали тогда на сына и внука.

Авторъ статьи о Долгорукихъ, помѣщенной въ энциклопедическомъ лексиконѣ, назвалъ родителя царицы Маріи, Долгорукимъ-Оболенскимъ; желательно бы было, чтобы онъ указалъ, откуда онъ почерпнулъ это свѣдѣніе, ибо какъ грамота царя на избраніе, такъ и описаніе свадебнаго обряда противорѣчатъ этому, а также — и полное собраніе Законовъ.

Тутъ, кстати, надо замѣтить, что издатели кавказскаго календаря въ кроникѣ прежде постоянно показывали супругомъ грузинской царицы Тамары правнука великаго князя Юрія Долгорукаго, внука великаго князя Андрея Долгорукаго, прозваннаго, по убіенію, Боголюбскимъ; но это ни на чемъ не основано, и правнукъ великаго князя Юрія Долгорукаго не могъ быть современникомъ царицы Тамары: такъ какъ она царствовала съ 1174 года по 1201, а великій князь Юрій Долгорукой княжилъ съ 1154 года по 1157-й. Супругомъ ея былъ одинъ изъ сыновей великаго князя, отъ третьей супруги его.

Нельзя тоже не согласится съ Сергѣемъ Глинкой, что мужемъ царицы Тамары былъ Всеволодъ Юрьевичъ. Этотъ князь, вернувшись въ Россію, былъ на велико-княжескомъ престолѣ, и отъ него-то и пошла царствующая вѣтвь до дома Романовыхъ.

Изъ дѣла о гербѣ и подписи Долгорукихъ.

Въ сказаніи, изданномъ въ 1840 году, въ С.-Петербургѣ, помянутымъ нами княземъ Петромъ Владимировичемъ Долгорукимъ, онъ насъ самовольно соизволилъ переименовать, и себя въ томъ числѣ, изъ Долгорукихъ—въ Долгоруковыхъ.

1) Фамилію мѣнять только можно съ Высочайшаго соизволенія, на что мы совсѣмъ не имѣли и не имѣемъ надобности испрашивать разрѣшенія.

2) Первый предокъ нашъ именовался: Долгорукой.

3) Въ разрядномъ архивѣ мы внесены, подъ именемъ Долгорукихъ.

4) Въ грамотѣ, оберегательной печати большаго полка князя Василія Васильевича Голицына съ товарищами, королю польскому Іоанну III-му подпись: *въ лѣто 1689 года Ближайшій бояринъ и воевода князь Владиміръ Долгорукой.*

5) Въ грамотѣ святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Россіи Филарета Никитича, отъ сотворенія въ лѣта 7131, ноября 19, сказано: *князю Володимеру Тимофеевичу Долгорукому.*

6) Въ регламентѣ святѣйшаго правительстующаго сvнода, блаженныя памяти императора Петра Великаго, подпись прадѣда нашего, на 14-й страницѣ: князь Яковъ Долгорукой, который былъ украшеніемъ нашего рода, и мы не хотимъ, чтобъ современемъ потомки наши считали его другаго съ нами рода.

7) Во всѣхъ манифестахъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти императора Петра II: вездѣ *Долгорукіе*, а не *Долгоруковы.*

8) Подпись на докладѣ императрицѣ Аннѣ I. Іоанновнѣ 1739

Горенскіе
Завальскіе
Звѣнигородскіе
Золотые
Серебреные
Кашены
Лыковы
Карачевскіе
Мезецкіе
Нагіе
Ноготковы
Новосильскіе
Оболенскіе
Одоевскіе
Пенинскіе
Рѣпнены
Стригины
Таруските
Телепни
Тросненскіе
Туренины
Щепины
Щербатовы
Ярославовы

Мезецкіе
Борятинскіе
Осовицкіе
Звѣникородскіе
Курлешевы
Ноготковы
Стригины
Ярославовы
Нагіе
Телепни
Овчинины
Туренины
Рѣпнины
Пенинскіе
Горенскіе
Черные
Тюфякины
Золотые
Серебреные
Щепины
Лыковы
Долгорукіе
Кашины
Щербатовы
Тросненскіе
Глуховскіе

Воротынскіе, Горенскіе, Корачевскіе, Одоевскіе, Серебренцые, Стригины, Новольскіе, Мезецкіе вовсе не написаны въ особой родословной; а всѣ они показаны подъ № 207, въ родѣ князей Долгорукихъ. Щербатовы, сказано, произошли отъ князей Черниговскихъ, и названіе приняли отъ предка своего князя Василія Щербатова (не Щербатаго) ([1]) преемника князя Оболенскаго (а не сына). Отъ чего они это названіе приняли, неизвѣстно; родословная ихъ подъ № 499; въ той-же росписи показаны и Долгорукіе. Подъ №№ 295 и 401 Долгорукіе тоже показаны одноплеменными князьямъ Щербатовымъ.

События, относящіеся къ призванію въ Россію Рюрика и началу рода Долгорукихъ и прочихъ нашихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ, въ то время должны были быть болѣе

([1]) Поэтому Щербатовъ, а не Щербатые.

извѣстны, чѣмъ впослѣдствіе. Черниговъ, какъ извѣстно, переходилъ въ княженіе изъ рукъ въ руки; многіе изъ временныхъ его владѣльцевъ не упомянуты даже въ лѣтописяхъ. Много есть потомковъ великаго князя Юрія Долгорукаго, о которыхъ нельзя доказать, отъ котораго изъ его сыновей они происходятъ, такъ какъ въ Разрядномъ Архивѣ, по приказу Бирона, уничтожена вся родословная роспись № 207; вотъ почему и произошли впослѣдствіе всѣ недоумѣнія, и споры. Сказаніе о происхожденіи рода Долгорукихъ отъ Святаго Михаила князя Черниговскаго ([1]) основано на портфелѣ Мюллера и на Лобановской книгѣ. Обоимъ этимъ авторамъ угодно было выводить наши княжескіе рода по однимъ догадкамъ, вовсе несоображаясь съ лѣтописями; вотъ почему они и выводятъ родъ Долгорукихъ не отъ Долгорукаго, а отъ Оболенскаго. Показанія своего они не могутъ подтвердить ни одною лѣтописью. Вымышленный родоначальникъ рода Долгорукихъ, князь Андрей Константиновичъ, сынъ послѣдняго владѣтеля города Оболянска, потомокъ Св. князя Игоря, схимонаха, и Св. Ми- Михаила, князя Черниговскаго, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть родоначальникомъ князей Долгорукихъ, потому что во всемъ родѣ Долгорукихъ небыло ни одного Константина, а въ старину всегда давали имена но предкамъ и родственникамъ. Что потомки великаго князя Юрія (Георгія) Долгорукаго всегда носили и сохраняли его фамилію, доказываютъ всѣ древнія лѣтописи; такъ, напримѣръ, въ прологѣ житія Св. Михаила князя Тверскаго, Кіевскомъ и Московскомъ, упоминается князь Всеволодъ Георгіевичъ (Юрьевичъ) Долгорукой. Почему новѣйшіе исторіографы, говоря о нихъ, вездѣ выкидываютъ фамилію ихъ — не извѣстно.

Въ исторіи, изданной въ началѣ царствованія блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго, съ портретами россійскихъ государей, и посвященной государю императору

([1]) Читай сказаніе о родѣ князей Долгорукихъ 1840 года, С. Петербургѣ, князя Петра Долгорукаго.

съ надписью: «Помазаннику Божію» (1), между прочимъ, упоминается, что сынъ великаго князя Андрея Боголюбскаго, князь Юрій (Георгій) Андрѣевичъ, имѣлъ сына князя Андрея Юрьевича Долгорукаго—Переяславскаго, который имѣлъ какую-то войну съ княземъ Галицкимъ, и который никто иной, какъ родочальникъ рода князей Долгорукихъ. Тутъ надо обратить вниманіе, что какъ отецъ, такъ и родной дѣдъ великаго князя Юрія (Георгія) Владиміровича Долгорукаго, оба, до восшествія на великокняжескій престолъ, были на княженіи въ Черниговѣ; слѣдственно—опять повторимъ то, что сказали въ предисловіи—потомки ихъ могли считать себя потомками Черниговскихъ князей.

Вотъ какъ показано въ таблицѣ Хераскова:

Великій князь Юрій (Георгій) Владиміровичъ Долгорукой.

Святой благовѣрный великій князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой, по смерти названный потомками Боголюбскимъ.

Князь Юрій Андреевичъ Долгорукой; временно княжилъ въ Новгородѣ.

Князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой-Переяславскій, имѣвшій войну съ княземъ Галицкимъ.

Князь Всеволодъ, князь Андрей, князь Юрій Андрѣевичъ, князь Андрей Юрьевичъ и князь Иванъ Андрѣевичъ Долгорукой, который отъ супруги своей Маріи Всеволодовны имѣлъ князя Владиміра Ивановича.

Князь Семіонъ; отъ него пошла старшая вѣтвь.

Князь Ѳедоръ; — вторая вѣтвь.

Князь Тимоѳей; — третья вѣтвь.

Князь Михаилъ; — угасшая вѣтвь.

Изъ грамоты Василія III Іоанновича видно, что трое княжатъ Долгорукихъ, въ 1520 году, приняты подъ высокую царскую руку: князь Семіонъ, Ѳедоръ, да Михаилъ; двое окольничьими, а третій думнымъ.

---

(1) Книги эти изданы въ Москвѣ въ 4 долю листа и печатаны въ университетской типографіи, въ то время, какъ въ московскомъ императорскомъ университетѣ былъ кураторомъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Другая-же родословная, отысканная княземъ Алексѣемъ въ Симбирскомъ дворянскомъ собраніи, приложенная въ концѣ, также выводитъ нашъ родъ отъ князя Іоанна Юрьевича, сына великаго князя Юрія Владиміровича. Эта родословная подписана княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Долгорукимъ, сыномъ Григорія Ѳедоровича, роднаго брата князя Якова. Она представлена флота капитаномъ княземъ Григоріемъ Алексѣевичемъ, сыномъ князя Алексѣя Алексѣевича—братомъ невѣсты государя. При чемъ изображенъ гербъ Долгорукихъ съ щитодержателями (смотри приложеніе).

Есть еще писанная родословная, показывающая происхожденіе рода Долгорукихъ такъ:

Великій князь Владиміръ Мономахъ,

Великій князь Мстиславъ Владиміровичъ,

Князь Рюрикъ Мстиславовичъ,

Князь Владиміръ Рюриковичъ,

Князь Андрей Владиміровичъ Долгаяруки. Этотъ князь показанъ и въ гербовникѣ; но по гербовнику отъ него происходятъ князья Вяземскіе. По родословной-же князья Вяземскіе происходятъ отъ двухъ первыхъ его сыновей; а отъ третьяго сына его, князя Ивана Андрѣевича, показаны Долгорукіе.

Эта родословная показана списанною изъ разряда и подписана, какъ полагать должно, отцомъ князя Якова Ѳедоровича, ибо въ ней значится такъ:

«Окольничій князь Ѳедоръ княжъ Долгорукой на память дѣтямъ своимъ изъ разряда».

Она безъ года.

Всѣ эти родословныя, во всякомъ случаѣ, достовѣрнѣе позднѣйшихъ выводовъ Мюллера, Новикова и проч., основанныхъ на однѣхъ только догадкахъ, потому что онѣ древнѣе ихъ выводовъ и, слѣдовательно, ближе къ эпохѣ мѣстничества, когда старшинство родовъ вызывало ежедневные споры, и поэтому постоянно заставляло прибѣгать къ справкамъ съ родословными книгами.—Словомъ, по мнѣнію нашему, должно держаться Разряднаго Архива, по которому, намъ извѣстно,

что князь Андрей Юрьевичъ, изъ рода Долгорукихъ, имѣлъ князя Ивана Долгорукаго, отъ котораго и произошелъ родъ Долгорукихъ, а не отъ вымышленнаго Лабановымъ и Мюллеромъ — Андрея Константиновича. Чтобы отвергнуть показаніе разряднаго Архива № 207, надо отыскать или актъ древнѣе его, или, по крайней мѣрѣ, хоть актъ современный ему, а не ссылаться на книгу, сочиненную въ царствованіе Екатерины II-й.

Разсказъ покойнаго Г. Фурмана, подъ заглавіемъ: «Наталья Долгорукова», тоже не можетъ быть подлиннѣе собственныхъ записокъ княгини, а также указовъ и фактовъ.

Не должно тоже забывать того, что при составленіи гербовника князь Куракинъ имѣлъ сильное вліяніе, и показалъ, что родъ его и родъ Галицыныхъ и Трубецкихъ происходитъ отъ Равноапостольнаго князя Владиміра, тогда какъ предокъ Галицыныхъ, Трубецкихъ и Куракиныхъ, Гедеминъ Литовскій, и его дѣти Любартъ, Ольгердъ и Кейстутъ, и дѣти послѣднихъ: Свидригайло, Ягелло и Витольдъ, были язычники; будь они потомки Равноапостольнаго, то они были-бы христіане.

Замѣтимъ еще, что нельзя даже, по здравому смыслу, допустить, чтобы въ ту пору, когда только что сожгли книги о мѣстничествѣ, о чемъ большая часть еще сожалѣли, что видно даже изъ Полнаго Собранія Законовъ, такъ какъ передъ тѣмъ самымъ многіе били челомъ за мѣста — что-бы въ ту пору, когда каждый за мѣсто сажалъ другаго въ тюрьму, подали-бы заруко прикладствомъ росписи, въ которыхъ-бы производили себя отъ тѣхъ, которые отъ нихъ происходили (1), и что бы, напримѣръ, Оболенскіе, Одоевскіе, Карачевскіе и т. д. показали себя происходящими отъ рода Долгорукихъ, если бы родъ

(1) Въ указѣ 1682 года, 24 Ноября, между прочимъ, сказано: «и того же числа тѣ книги (разрядныя) преданы огню Государскія переднія Палаты въ сѣняхъ, а при томъ стояли отъ великаго государя царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержца бояринъ князь Михайло Юрьевичъ Долгорукой да думный дьякъ Василій Семеновъ, а на память родовъ въ разрядной родословной книгѣ пополнить, для того взять рукописи заруками».

Долгоруких происходил от их рода, а также, чтобы мы теперь вѣрнѣе знали родословныя, чѣмъ знали ихъ прадѣды наши?

Изъ Полнаго Собранія Законовъ видно, что былъ только одинъ случай, гдѣ Долгорукіе спорили о мѣстничествѣ, и то потому, что Пушкинъ затронулъ ихъ; приводимъ подлинный указъ:

«Въ лѣто $\frac{7160}{1652}$ Февраля 9 дня.

Имянной Указъ Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, Великія, малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, сказанный разряднымъ дьякомъ Семеномъ Заборовскимъ Боярину и Оружейничему Григорію Пушкину и брату его Окольничьему Степану Пушкину. Прошлаго Ноября 22 дня сидѣлъ государь съ Бояры, а вы Григорій да Степанъ въ тое пору бранилися съ князь Юрьемъ да со Окольничьимъ князь Дмитріемъ, княжъ Алексѣевичами Долгорукими, не били челомъ вы государю, что вамъ меньше ихъ быть не можно, а Бояринъ князь Юрій да Окольничій князь Дмитрій Долгорукіе били челомъ на васъ государю о безчестьи, что вы ихъ тѣмъ обезчестили, и тебѣ Григорію и Степану меньше быть можно, потому что отецъ вашъ Гаврило былъ меньше дяди ихъ роднаго, князя Василія Долгорукаго, а Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ былъ во Брянскѣ меньше отца ихъ князя Алексѣя; и за безчестіе Боярина князь Юрья да Окольничьяго князь Дмитрія княжъ Алексѣевичей Долгорукихъ указалъ государь васъ Боярина Григорья, да Окольничьяго Степана Гавриловичей Пушкиныхъ, послать въ тюрьму, и впредь вамъ у всякихъ государевыхъ дѣлъ съ ними быть можно».

Много распространили разныхъ ложныхъ толковъ о мѣстничествѣ; но что мѣстничество не было исключительно по древности рода, очевидно доказывается тѣмъ, что иначе-бы князь Ромодановскій не сидѣлъ бы въ тюрьмѣ за то, что занялъ мѣсто выше боярина Шеина. Мѣстничество было тоже по заслугамъ, но не по однѣмъ личнымъ, но и позаслугамъ отца, дѣда и прадѣда. — Впослѣдствіе, когда оно слишкомъ разви-

лось, то надо было принять мѣры, чтобы уничтожить его; хотя оно было и не совсѣмъ безъ пользы; такъ, оно отчасти удерживало негодяевъ отъ дурныхъ поступковъ, могущихъ затемнить ихъ родъ, честь — и безчестіе отца и дѣда падали тогда на сына и внука.

Авторъ статьи о Долгорукихъ, помѣщенной въ энциклопедическомъ лексиконѣ, назвалъ родителя царицы Маріи, Долгорукимъ-Оболенскимъ; желательно бы было, чтобы онъ указалъ, откуда онъ почерпнулъ это свѣдѣніе, ибо какъ грамота царя на имѣніе, такъ и описаніе свадебнаго обряда противорѣчатъ этому, а также — и полное собраніе Законовъ.

Тутъ, кстати, надо замѣтить, что издатели кавказскаго календаря въ крониклѣ прежде постоянно показывали супругомъ грузинской царицы Тамары правнука великаго князя Юрія Долгорукаго, внука великаго князя Андрея Долгорукаго, прозваннаго, по убіенію, Боголюбскимъ; но это не начемъ не основано, и правнукъ великаго князя Юрія Долгорукаго не могъ быть современникомъ царицы Тамары: такъ какъ она царствовала съ 1174 года по 1201, а великій князь Юрій Долгорукой княжилъ съ 1154 года по 1157-й. Супругомъ ея былъ одинъ изъ сыновей великаго князя, отъ третьей супруги его.

Нельзя тоже не согласится съ Сергѣемъ Глинкой, что мужемъ царицы Тамары былъ Всеволодъ Юрьевичъ. Этотъ князь, вернувшись въ Россію, былъ на велико-княжескомъ престолѣ, и отъ него-то и пошла царствующая вѣтвь до дома Романовыхъ.

Изъ дѣла о гербѣ и подписи Долгорукихъ.

Въ сказаніи, изданномъ въ 1840 году, въ С.-Петербургѣ, помянутымъ нами княземъ Петромъ Владимировичемъ Долгорукимъ, онъ насъ самовольно соизволилъ переименовать, и себя въ томъ числѣ, изъ Долгорукихъ—въ Долгоруковыхъ.

1) Фамилію мѣнять только можно съ Высочайшаго соизволенія, на что мы совсѣмъ не имѣли и не имѣемъ надобности испрашивать разрѣшенія.

2) Первый предокъ нашъ именовался: Долгорукой.

3) Въ разрядномъ архивѣ мы внесены, подъ именемъ Долгорукихъ.

4) Въ грамотѣ, оберегательной печати большаго полка князя Василія Васильевича Голицына съ татаринами, королю польскому Іоанну III-му подпись: *въ лѣто 1689 года Ближній бояринъ и воевода князь Владиміръ Долгорукой.*

5) Въ грамотѣ святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Россіи Филарета Никитича, отъ сотворенія въ лѣта 7131, ноября 19, сказано: *князю Володимеру Тимофѣевичу Долгорукому.*

6) Въ регламентѣ святѣйшаго правительствующаго сѵнода, блаженныя памяти императора Петра Великаго, подпись прадѣда нашего, на 14-й страницѣ: князь Яковъ Долгорукой, который былъ украшеніемъ нашего рода, и мы не хотимъ, чтобъ современемъ потомки наши считали его другаго съ нами рода.

7) Во всѣхъ манифестахъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти императора Петра II: вездѣ *Долгорукіе*, а не *Долгоруковы.*

8) Подпись на докладѣ императрицѣ Аннѣ I Іоанновнѣ 1739

года, іюня генералъ-фельдмаршала князя Долгорукаго: *князь Василій Долгорукой.*

9) Въ грамотѣ на орденъ Св. Владимира: князю Владиміру Долгорукому, а не Долгорукову.

10) Въ первой части гербовника 1798 года, утвержденнаго императоромъ Павломъ I, мы внесены подъ именемъ Долгорукихъ, а не Долгоруковыхъ.

12) Князь Петръ Владимировичъ Долгорукой, измѣнилъ свою фамилію на Долгоруковъ безъ всякаго согласія лицъ старшей линіи.

13) Князья: Павелъ, Александръ, Дмитрій, Алѣксей и Владимиръ Ивановичи никогда не подписывались *Долгоруковъ*, и до нынѣ Александръ Ивановичъ, старшій изъ живыхъ князей Долгорукихъ, подписывается *Долгорукой*, такъ какъ и бывшій министръ юстиціи. Недолжно писать Долгорукій, потому что фамилія не подлежитъ измѣненію правилъ языка; напримѣръ: Шереметевъ, а не пишется: Шерметьевъ.

14) Во всѣхъ сочиненіяхъ князей Долгорукихъ вездѣ написано Долгорукой, а не Долгоруковъ, исключая сочиненія князя Сергея Васильевича, сына бывшаго оберъ-шталмейстера. Наприм., князь Дмитрій Ивановичъ въ книжкѣ, изданной въ 1857 году подъ именемъ «Звуки», (1) въ одномъ стихотвореніи говоритъ (на стр. 51):

«Но гдѣ они? Они угасли —
Краса и честь своихъ временъ
Богатый сердцемъ Долгорукой
И классикъ русскій Мерзляковъ».

15) Ссылка наимянные высочайшіе указы новѣйшаго времени не есть доказательство; въ указѣ фамилія, обыкновенно, пишется такъ, какъ пишетъ ее тотъ, на имя котораго дается указъ. Но Долгорукимъ не было еще дано указа, которымъ имъ велѣно-бы было перемѣнить фамилію; къ тому-же, въ древнихъ указахъ вездѣ писано: «Долгорукіе», а не «Долгоруковы».

(1) Есть еще другое изданіе 1863 т. Спб., въ 16 д. л., стр. 155.

Такъ, напримѣръ, въ 1 томѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи встрѣчается съ 1649 по 1675 годъ первое:

«Указъ въ лѣто 7156 Іюня 16 дня великаго государя царя «и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Россіи Само«держца, при святѣйшимъ патріархѣ Іосифѣ Московскомъ и «всея Россіи, сдѣлано уложеніе, которое по сему указу чтимо «было, въ отвѣтной палатѣ по государеву указу сидѣлъ боя«ринъ князь Юрій Алексѣевичь Долгорукой слушалъ» и проч.

1665 года Марта 9, въ церемоніалѣ для выхода въ пасху, между прочимъ, сказано: «а въ Кремлѣ на троицкіе ворота за образомъ Сергія чудотворца ходилъ окольничій князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукой».

Въ договорѣ, между Россіей и Польшей, подписанномъ въ Москвѣ, сказано: (1).

«Наияснѣйшаго и великаго государя нашего Михаила, Божіею милостіею короля польскаго и великаго князя литовскаго, Русскаго и иныхъ, мы великіе его королевскаго величества государя нашего милостиваго и Рѣчи Посполитой послы Янъ Гнинской воевода, Хельмицкій, Ковалевской, Грудецкой, Родинской, староста кастелянъ Павелъ Бродставской, рефендарь и писарь великаго князя литовскаго Олнянской, Мядельской, Давговской, староста экономіи Сокельскій, администраторъ Александръ Костовичь, схолостокъ Веленскій, регентъ канцеляріи великаго княжества литовскаго, секретарь посольства объявляетъ, что будучи съ ними его королевское величество и Рѣчи Посполитой великими послы на многихъ разговорахъ, Божію милостію, великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича вся великія малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича, дѣдича наслѣдства государя и обладателя, его царскаго величества бояре и думные люди ясновельможные и вельможные, ближній бояринъ и намѣстникъ Тверской, князь его милость Юрій Алексѣевичъ Долгорукой,

(1) См. Всеобщее Собраніе Законовъ I Т., стр. 875.

боярииъ и наместникъ Суздольскій, князь его милость Дмитрій Васильевичъ Долгорукой» и проч.

Въ III Томъ полнаго Собранія Законовъ вездѣ: «Долгорукой» и очень рѣдко: «Долгоруковъ».

Въ родительномъ падежѣ, правда, иногда написано Долгоруковъ, но не надо забывать, что тогда писали *ево*, а не *его*.

Читай указы: II Томъ, стр. 888. $\frac{7195}{1686}$: князь Владиміръ Дмитріевичъ *Долгорукой;* Томъ III, стр: 158 $\frac{7201}{1693}$: князю Якову Өедоровичу *Долгорукому*;

Томъ III стр: 278. $\frac{7205}{1697}$: со княземъ Яковомъ *Долгорукимъ*.

Томъ X, ст. 14. 1700 года 18 Февраля: боярину князю *Долгорукому*;

Томъ I, ст. 16, 1700 годъ, Февраля 28-го, сказано въ имянительномъ падежѣ: воевода князь Яковъ Өедоровичъ *Долгорукой*, и въ концѣ тогоже указа: генералу ему коммисару князю *Долгорукову*.

Со времень Петра I-го фамилію Долгорукихъ въ родительномъ и прочихъ падежахъ писали съ окончаніемъ на *ву*, *ва*, но, повторяемъ, это ничего не доказываетъ. Сами же князья подписывались всегда на *ой* и въ имянительномъ падежѣ ихъ фамилію такъ обыкновенно писали, что и подтверждается подлинною запискою князя Якова, которая находится у сенатора князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго.

16) Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на указъ 1798 года, 1-го Января, изъ котораго ясно видно, что имъ дозволяется оспаривать выводы гербовника, лишь-бы доказательства основывались на сочиненіяхъ и актахъ, публично изданныхъ; но имъ же воспрещается мѣнять фамилію или оконечности ея, вопреки высочайшаго указа.

17) Петръ Владиміровичъ Долгорукой говоритъ, что всѣ отъ Рюрика происшедшіе роды, которые носили фамиліи, произведенныя отъ городовъ, подписываются на *ій*, а прочіе на *овъ*; это не вѣрно (въ концѣ прилагаемъ подлинную визитную карточку князя Одоевскаго). Поляки подписываются на *ій* да еще

князья Оболенскіе, въ чемъ легко удостовѣриться, просмотрѣвъ Общее Собраніе Законовъ.

18) Князь Петръ Долгорукой, проповѣдуя *ій* и *ей*, вмѣсто *ой*, совсѣмъ забываетъ, что въ Московскомъ нарѣчіи, древнемъ Русскомъ, вовсе не было окончаній на *ій*, что подтверждается грамматикою Ломоносова, гдѣ писалось *косой Русской, прежней Божей*; и это правило соблюдалось до 1825 года. Даже инвалидъ писался: «Русской инвалидъ» — и это находили правильнымъ. Конечно, можно оспаривать и это, или доказывать, что писать такъ было не правильно; потому что не пишутъ же теперь такъ; но, вопервыхъ, всякій языкъ измѣняется, а съ нимъ и орѳографія; во — 2, слитіе западныхъ губерній, гдѣ русское произношеніе измѣнено польскимъ нарѣчіемъ, имѣло вліяніе на русскій языкъ; 3, сверхъ того, въ послѣднее время многія слова введены въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ. Главное дѣло въ томъ, что въ старину ни кто на *ій* не подписывался. Грамматикою принято было писать на *ой*, *ей*, и потому такъ всѣ и подписывали, но если языкъ и измѣнился, то все нѣтъ никакой нужды измѣнять окончаніе своей фамиліи.

Многіе думаютъ, что до изданія гербовника русскіе князья и бояре не имѣли гербовъ; совѣтуемъ имъ прочитать указъ 1-го Января 1798 года, о гербовникѣ, императора Павла I.

Въ древности (какъ видно изъ печати временъ Іоанна Васильевича Грознаго) Долгорукіе изображали свой гербъ двумя полями; на верхнемъ, красномъ полѣ: рука со стрѣлою, выходящею изъ облаковъ, а на нижнемъ, золотомъ: стѣны кремля. Щитъ обвѣшанъ былъ золотою гривною и цѣпью съ крестомъ; надъ щитомъ была двухъ-ярусная княжеская шапка.

На трехъ печатяхъ, одной временъ воцаренія дома Романовыхъ, а другой временъ Петра I., уже видимъ измѣненія: вмѣсто гривны и креста, — мантія и общая одноярусная шапка; гербъ, сверхъ того, имѣетъ щитодержателей; одна изъ печатей о трехъ полей, въ ней прибавленъ гербъ Новгородскій. Аргутинскіе-Долгорукіе имѣли древній гербъ въ два поля; на верхнемъ, красномъ полѣ: руку съ мечемъ, выходящую изъ обла-

комъ, а на нижнемъ золотомъ: древній гербъ Персіи — левъ съ булавою и щитомъ.

При утвержденіи гербовника, императоромъ Павломъ I, у насъ щитодержатели не извѣстно почему отняты; ихъ и теперь можно видѣть въ Москѣ, въ Китай-городѣ, на гербахъ древнихъ гробницъ прадѣдовъ нашихъ; намъ при Павлѣ I утвердили гербъ о четырехъ поляхъ: первое поле золотое, съ Черниговскимъ гербомъ; второе красное, съ Кіевскимъ; третье черное, на немъ рука; четвертое голубое, съ изображеніемъ герба. Аргутинскіе, помѣщенные въ 5-ю часть гербовника, получили прибавленіемъ къ своему гербу третье поле золотое, на которомъ изображена половина всероссійскаго орла съ мальтійскимъ крестомъ на груди, въ срединѣ котораго вензель императора Павла I.

Ливрея наша красная, воротникъ, обшлага и карманы — черные, жилетъ или камзолъ—золотой; панталоны—голубые. Аргутинскихъ — красная безъ чернаго, золотой жилетъ и голубые панталоны. Кстати о ливреяхъ замѣтимъ, что нынче мало обращаютъ вниманія на значеніе ливрей, и многіе думаютъ, что всѣ князья имѣютъ право носить красную ливрею, а между тѣмъ есть и дворяне, имѣющіе ее; какъ, напримѣръ, Телегины, а есть и князья, которые не имѣютъ ее. Ливрея опредѣляется по намету — у дворянъ, а у князей — по цвѣту полей герба ихъ.

Здѣсь, прежде чѣмъ перейдемъ къ повѣтствованію о родѣ Долгорукихъ, мы кстати обратимъ вниманіе нашихъ читателей на предѣлъ Долгорукихъ въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, очень нуждающійся въ возобновленіи.

Преданіе говоритъ, что великій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукой (читай 1 часть гербовника стр. 7), возобновивъ въ Москвѣ Кремль, соорудилъ подлѣ него городъ, назвавъ его по имени сына своего Андрея, который носилъ тоже имя Китай; названіе это и досихъ поръ сохранилось въ Москвѣ. По смерти Юрія Владиміровича, набожный сынъ его соорудилъ въ Китай-городѣ, въ честь ангела своего отца, Св. Велико-

мученника Георгія побѣдоносца церковь, на мѣстѣ которой впослѣдствіе основанъ Богоявленскій монастырь.

Богоявленскій монастырь, какъ полагать должно, основанъ не позже XII-го вѣка; нельзя положительно утверждать, что бы находящійся тамъ предѣлъ Св. Георгія былъ та самая древняя церковь; но изъ главы его, проходящей сквозь паперть, видно, что онъ древнѣе собора, относящагося къ постройкамъ XII вѣка. Къ сожалѣнію, предѣлъ этотъ перестроенъ, такъ что въ немъ и слѣдовъ не осталось глубокой древности.

Соборная Богоявленская церковь надстроена въ 1696-мъ году и освящена 20-го Января патріархомъ московскимъ святѣйшимъ Андріаномъ.

Кромѣ грамадныхъ кремлевскихъ зданій, храмъ этотъ, отличающійся легкостію и красотою своей архитектуры, одинъ господствуетъ надъ Китай-городомъ. Къ сожалѣнію, эпоха междуцарствія, царствованіе Годунова и пожаръ Москвы, во время нашествія Наполеона I, уничтожили всѣ древнія монастырскія рукописи и утвари.—Въ монастырѣ этомъ митрополитъ святой Алексѣй, сынъ бояриша Черниговскаго Ѳедора Плещеева и супруги его Маріи, проходилъ всѣ монашескія послушанія и былъ постриженъ въ монашество игуменомъ Стефаномъ, братомъ св. преподобнаго Сергія.

Замѣтимъ при этомъ, что упоминаемый здѣсь бояринъ Ѳедоръ именовался виконтомъ Плещеевымъ (читай 1797. О гербѣ Плещеевыхъ); слѣдовательно, хотя онъ и считался Черниговскимъ, но нѣтъ сомнѣнія, что или отецъ его былъ французъ, или же кто нибудь изъ предковъ. Мирная эта обитель дала Россіи многихъ святителей: въ 1509 г. Нила, епископа Тверскаго, въ 1547 г. Кипріана Вологодскаго, въ 1712 года Игнатія, епископа Суздальскаго. — Настоятели же его хотя неимѣли архіерейскаго сана, все же пользовались правомъ присутствовать на соборахъ; почему на соборѣ, созванномъ въ 1572 г. Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, для полученія разрѣшенія вступить въ четвертый бракъ, — между прочими подписалъ и настоятель этого монастыря Ѳеодосій; а въ 1613 году настоя-

тель монастыря Амвросій подписалъ актъ на избраніе въ цари Михаила Θедоровича Романова, и въ 1720 году настоятель Іакинѳъ — духовный регламентъ святѣйшаго правительствующаго Сѵнода; изъ чего видно, какое значеніе эта обитель имѣла въ Іерархіи Россійской. — Въ этой обители почиваютъ 14-ть особъ изъ рода Долгорукихъ. Возобновительница предѣла св. Георгія (уничтожившая все древнее въ немъ) княгиня Елена Алексѣевна Долгорукая, урожденная княжна Долгорукая, сестра невѣсты государя, почиваетъ въ томъ предѣлѣ, который обращенъ теперь въ ризницу. Но не одни Долгорукіе погребались въ этой обители: тамъ погребено 13-ть Голицыныхъ, 3-е Шереметьевыхъ, 1 Юсупова, 1 Меньшиковъ, 1 Измайловъ, 1 Салтыковъ, 1 Савеловъ, 1 Соловыхъ, 1 Кологривовъ. Надо отдать честь братіи и настоятелямъ монастыря, что они, не смотря на то, что Долгорукіе совсѣмъ не заботятся о своемъ предѣлѣ, сохранили даже и портретъ великаго князя Юрія Владиміровича, изображеннаго молящимся, перенесенный туда возобновительницею георгіевскаго предѣла, доселѣ имянуемаго предѣломъ Долгорукихъ. — Во время коронованія нынѣ царствующаго государя, я получилъ отъ одного Долгорукаго порученіе возобновить предѣлъ этотъ, но встрѣтилъ разныя препятствія со стороны Архимандрита, завязалась переписка, до нынѣ продолжающаяся; а между тѣмъ — усердіе Долгорукихъ охладѣло.

Донской монастырь не былъ такъ добросовѣстенъ въ отношеніи Долгорукихъ. Съ давнихъ поръ обязанный этой фамиліи многимъ, онъ, противъ всякихъ правилъ долга и чести, поступилъ съ костями дѣда и бабки князей Алексѣя и Владиміра Ивановичей Долгорукихъ. Дѣдъ и бабка этихъ Долгорукихъ основали въ этомъ монастырѣ церковь и больницу; церковь эта, не смотря на уничтоженіе больницы, продолжала имяноваться больничною; въ ней они и были погребены. — Но, когда князья Голицыны, постоянно соперничевствовавшіе съ Долгорукими, пожелали имѣть свою церковь въ этомъ монастырѣ, то вмѣсто того, чтобы отвести имъ новое мѣсто, имъ

дозволили взять больничную, и вмѣсто нея построить новую. — Князья Алексѣй и Владиміръ Ивановичи Долгорукіе кинулись тогда въ монастырь, но было уже поздно: работавшіе фундаментъ объявили имъ, что кости всѣхъ погребенныхъ въ церкви собраны и погребены на общемъ кладбищѣ. Тогда Долгорукіе лично обратились къ покойному оберъ-камергеру князю Голицыну и подали прошеніе, чтò имѣло послѣдствіемъ то, что архимандритъ, устыдясь своего недостойнаго поступка, объявилъ, что кости Долгорукихъ положены подъ одною изъ стѣнъ храма, у которой и велѣно поставить доску, существующую и до-нынѣ; но, тѣмъ не менѣе, достовѣрно извѣстно, что костей тамъ нѣтъ... и послѣ этого у нѣкоторыхъ Долгорукихъ хватаетъ еще духа хоронить тамъ членовъ своего семейства!

Узнавъ про этотъ поступокъ настоятеля Донскаго монастыря, забывшаго, корысти ради, благодѣянія, оказанныя этому монастырю Долгорукими, братія Симонова монастыря предложила свою обитель Долгорукимъ. Но, по недостатку единодушія между Долгорукими, тамъ погребена одна только еще княжна.

При погребеніи этой княжны, архимандритъ въ полномъ облаченіи встрѣтилъ ея тѣло, — съ колокольнымъ звономъ, и за труды свои, не смотря на всѣ просьбы, принялъ только не большой покровъ. За мѣсто тоже взята была самая ничтожная плата.

Надъ гробницами Долгорукихъ, похороненныхъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, встрѣчаемъ слѣдующіи надписи.

1) 1750 года Декабря 25 дня преставися раба Божія, стольника князя Петра Михайловича Долгорукаго жена его, вдова княгиня Анна Ивановна.

2) 1751 года Ноября 21 дня представилася раба Божія жена Ирина, дѣвица дщерь князя Василія Михайловича Долгорукаго; житія ей было 12 лѣтъ.

3) 1724 г. Января 8 числа въ нощи представился рабъ Божій комнатный стольникъ князь Василій Михайловичъ Долгорукой; житія его было 48 лѣтъ; тутъ же погребенъ стольникъ князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, житіе его было

23 года; здѣсь же погребена и жена его, княгиня Евдокія Ивановна, 23 лѣтъ.

4) 1750 г. Декабря 17 дня представися рабъ Божій князь Александръ Михайловичъ Долгорукой; житіе его 36 лѣтъ.

5) 1743 г. Августа 30 дня представися въ день тезоименитства своего рабъ Божій Владимирскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ князь Александръ Владимировичъ Долгоруковъ; житіе его было 22 года и 11 мѣсяцевъ; погребенъ Сентября 3 дня. Противъ сей таблицы, подъ коей написано князь Александръ Михайловичъ Долгорукой:

6) Представися раба Божія 1757 г. Ноября 27 дня бригадирша княгиня Екатерина Осиповна Долгорукова; житія ей было 36 лѣтъ и 19 дней. Погребено тѣло ея противъ сей таблицы, подлѣ самаго мужа ея князя Александра Михайловича Долгорукаго. На камнякъ, гдѣ положена надпись именамъ ихъ: княгина Екатерина Осиповна Долгорукова, урожденная княжна Щербатова.

7) Представися раба Божія вдовствующая княгиня Марѳа Петровна Долгорукая, урожденная баронеса Шафирова; родилась: въ 1697 г. Іюня 28 дня;. отъ роду лѣтъ имѣя 65, отыдѣ въ вѣчное блаженство 1762 года Апрѣля 7 дня.

8) 1764 г. Марта 27 дня представися раба Божія княгиня Марія Авраамовна Долгорукая; житія ея было 75 лѣтъ.

9) Лѣта 7174 Іюня 25 дня представися раба Божія боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго жена боярыня княгиня Елена Васильевна.

10) Подъ симъ камнемъ положено тѣло стольника князя Ивана Ивановича Долгорукаго, житія его было 56 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 15 дней, представися 1737 года Генваря въ 19 день.

11) Подъ симъ камнемъ положено тѣло стольника князя Ивана Ивановича супруги его княгини Агрипины Лукинишны, житія ея было 56 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 24 дня, и представися 1738 года Генваря въ 16 день пополуночи, въ 1 часу.

12) Стихи, но стерты; изъ нихъ можно только извлечь,

что погребенъ князь Яковъ Петровичъ Долгорукой; рожденъ 1685 года Октября 7, а умеръ, показано, 1738 года 23 Апрѣля.

13) Въ георгіевскомъ предѣлѣ можно разобрать только три надписи на гробницахъ Долгорукихъ, а именно:

«1729 года Апрѣля 16 преставися раба Божія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Михаила Владиміровича Долгорукаго, жена его княжна Евдокія Юрьевна; житія ея было 54 года, погребена подъ сей таблицей. На другой надписи видно: князя Юрія Долгорукаго супруга, возобновительница этого предѣла.

Да еще Долгорукая на наружной стѣнѣ.

Изъ осмотра храма этого, по порученію Долгорукихъ, архитекторомъ Шушотовымъ, оказалось, что половина его отнята подъ кладовую, а иконостасъ обрѣзанъ и склеенъ.

Есть еще могилы Долгорукихъ во многихъ московскихъ церквяхъ и монастыряхъ, но видно, что мало обращали вниманіе на надписи; на одномъ и томъ же камнѣ часто безразлично писано: Долгорукой и Долгоруковъ; на новѣйшихъ иногда: Долгорукій; слѣдственно, памятники не могутъ быть образцами надписи. Въ Переяславѣ, Полтавской губерніи, князь Алексѣй нашелъ древній камень съ надписью: «Князь Иванъ, княжъ Долгорукой и баба его княгиня Марія Всеволодовна; житія ихъ. . . . . въ лѣто . . . . и пожи три года и у мре . . . . 72 лѣтъ». Лѣта на этомъ памятникѣ написаны славянскими цифрами. Въ Валуйкахъ я искалъ одного Долгорукаго, но не нашелъ; жаль, что неудалось поѣздить по Владимірской губерніи, и что я во время бытности моей въ Кіевѣ еще не собралъ свѣдѣній о Долгорукихъ ([1]). Вклады въ Богоявленскій монастырь Долгорукихъ слѣдующіе:

([1]) Вездѣ, гдѣ говорится отъ одного лица, — слѣдуетъ считать, что отъ имяни князя Алексѣя, какъ главнаго составителя настоящей книги.

1) Крестъ напрестольный серебрянный вызолоченный гладкой работы, на нижней доскѣ рѣзная надпись: «И сей Св. честный крестъ сдѣланъ тщаніемъ княгини Елены Алексѣевны Долгорукой. Богоявленскаго монастыря въ церковь Великомученика Георгія на память покойнаго супруга ея князя Юрія Юрьевича Долгорукаго 1747 года».

2) Потиръ, дискосъ, звѣзда, лжица и два блюдица; всѣ серебрянные вызолоченные, гладкой работы съ рѣзбою; вѣсу въ нихъ 3 ф. 12 золотниковъ; на поддонкѣ надпись: «Въ память генералъ-Поручицы Елены Алексѣевны, скончавшейся 1763 года Мая 12 дня, положеной въ Богоявленскомъ монастырѣ, отъ дѣтей покойной сіе приношеніе».

3) Евангеліе на александрійской бумагѣ, мѣры 10½ вершковъ длины и 7 вершковъ ширины; оклеено золотою парчею, которая отъ времени ветха. Это евангеліе напечатано въ Москвѣ 1681 года. Верхняя его доска серебряная эмальированная; на ней 5 круглыхъ золотыхъ бляхъ, въ которыхъ вѣсу 60 золотниковъ чистаго золота.

Надпись на Евангеліи:

«7202 г. Апрѣля въ 8 день.

По обѣщанію своему сіе св. евангеліе приложилъ князь Петръ Михайловичъ, князь Владиміръ Михайловичъ, князь Василій Михайловичъ Долгорукіе въ церковь чудотворца Алексія Митрополита, построенной на дворѣ ихъ, что на Тверской».

Послѣднее прибавленіе трудно объяснить; вѣроятно, евангеліе было сдѣлано для ихъ домашней церкви и перенесено въ монастырь ими, или другими Долгорукими. Обращенная въ ризницу церковь св. апостола Іакова Алфеева, построена въ 1754 году княгинею Маріею Александровною Долгорукой; въ ней нынѣ хранится церковная утварь. Братія этого Богоявленскаго монастыря лично передали князю Алексѣю Владиміровичу, что эта княгиня погребена въ этомъ придѣлѣ, но что доска надъ ея могилой снята.

Исторія рода Долгорукихъ.

Исторія рода Долгорукихъ не есть исторія однихъ князей Долгорукихъ, а всѣхъ родовъ, происшедшихъ отъ ихъ рода, тѣхъ, кои въ Разрядномъ архивѣ показаны подъ № 207.

Первый періодъ начинается съ великаго князя Юрія (Георгія) Владиміровича Долгорукаго и продолжается, до прекращеніи главной его вѣтви и до принятія боковыми подданства; слѣдственно, отъ 1100 до 1518 и 1613 г.

Второй періодъ заключаетъ въ себѣ собственно исторію рода князей Долгорукихъ — отъ принятія ими подданства до царствованія Екатерины I, т. е. съ 1518 до 1725 года.

Третій періодъ отъ 1725 г. до 1762, т. е. отъ начала царствованія Екатерины I до Екатерины II.

Четвертый и послѣдній періодъ съ 1762 г. до нашихъ временъ. Излагая событія послѣдняго періода, мы невольно ограничились почти одними именами, да нѣкоторыми извлеченіями изъ записокъ князя Григорія Алексѣевича да князя Владиміра Ивановича: потому-что многія интересныя событія въ родѣ Долгорукихъ, по личнымъ отношеніямъ еще живущихъ лицъ, прямо высказаны быть не могутъ.

Періодъ первый.

Дѣдъ и отецъ великаго князя Юрія (Георгія) Владиміровича Долгорукаго, прахъ котораго покоится въ Кіевѣ, въ Берестовской обители, княжили въ Черниговѣ до вступленія своего на великокняжескій престолъ, который былъ тогда въ Кіевѣ. Почему многихъ потомковъ Юрія Долгорукаго, въ томъ числѣ и Долгору-

кихъ, считали впослѣдствіе происходящими отъ Черниговскихъ князей. Великій князь Юрій Долгорукой былъ не малаго росту, лицемъ бѣлъ, глаза имѣлъ каріе, носъ длинный и нѣсколько съ горбомъ, носилъ малую, но окладистую бороду; былъ сластолюбивъ.

(Исторія Карамзина, часть 2-я стр. 494). Этотъ великій князь первый въ печати своей сталъ употреблять изображеніе Георгія Побѣдоносца; сынъ его, набожный Андрей, удержалъ эту печать, потомъ Всеволодъ. Наконецъ, печать эта перешла въ гербъ князей Московскихъ и стала Московскимъ гербомъ.

Великій князь Юрій (Георгій) Долгорукой имѣлъ 12 сыновей.

1) Старшій князь Ростиславъ Юрьевичъ Долгорукой имѣлъ двухъ сыновей:

a) Князя Мстислава Ростиславича и b) Князя Ярополка Ростиславича; какъ увидимъ дальше, они были высланы въ Грецію роднымъ своимъ дядею великимъ княземъ Андрѣемъ; когда они впослѣдствіе вернулись въ отечество, то были ослѣплены княземъ Дмитріемъ. Тогда они предались моленію у гроба святыхъ страннотерпцевъ князей Бориса и Глѣба, гдѣ и скончались.

2) Сынъ великаго князя Юрія Долгорукаго, святый благовѣрный князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой, по убіенію, названъ Боголюбскимъ; родился 1110 года въ Суздалѣ, женатъ былъ на дочери боярина Кучки-Улитѣ, помѣщика, имѣвшаго село, гдѣ нынѣ Чистые Пруды въ Москвѣ. Отъ набожности князь этотъ удалился въ основанный имъ городъ Боголюбовъ ([1]) (нынѣ село въ 11 верстахъ отъ Владиміра) и, съ того времени отказался — отъ сожитія съ супругою своею.

Недовольная этимъ, супруга его пожаловалась своимъ брать-

([1]) Городъ Боголюбовъ потому имъ такъ названъ, что когда онъ тайно отъ отца увезъ изъ Кіева образъ Божіей Матери (привезенный изъ Греціи), то лошадь, на которой онъ ѣхалъ, дойдя до мѣста, гдѣ Боголюбовъ, вдругъ остановилась и далѣе не пошла, какъ не били ее; принявъ это за знаменіе Божіе, князь основалъ тамъ городъ.

ямъ; они составили заговоръ и въ 1173 г. въ субботу, 29 Іюня, въ глубокую полночь, прибыли въ Боголюбовъ. Убійцы князя: Іакимъ-Кучка, какой-то вельможа Петръ, ключникъ Албанъ Ясинъ да чиновникъ Ефремъ Моизовичь (а не Моизовичь) ворвались сначала въ княжескій погребъ, и напившись пивомъ и медомъ, перерѣзали всѣхъ сторожей, а потомъ вломились во дворецъ и стали въ потемкахъ кликать князя. Онъ откликнулся, и они, соображаясь съ направленіемъ голоса, нанесли ему нѣсколько ударовъ мечами; но въ замѣшательствѣ и темнотѣ убили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одного изъ своихъ таварищей. Принявъ его тѣло за тѣло князя, потащили его было изъ комнаты, но стоны князя заставили ихъ вернуться, и, зажегши тогда огонь, они добили его, вонзя ему въ грудь разомъ нѣсколько мечей, такъ что князь едва успѣлъ сказать: «въ руцѣ твои, Господи, предаю духъ съ міромъ!» Тѣло его нѣсколько дней лежало въ огородѣ, но слугою его Кузьмою привезено во Владиміръ, гдѣ съ честію погребено въ каменномъ гробѣ. Мощи его почиваютъ во Владимірѣ подъ спудомъ; церковь память его совершаетъ въ день убіенія.

Сей князь имѣлъ имя Китая, но, по набожности своей, самъ вовсе не употреблялъ его.

Образъ, именуемый Боголюбская Божія матерь, есть та самая икона, о которой мы выше говорили.

Первую мысль о единодержавіи имѣлъ онъ, почему уничтожилъ кіевскій великокняжескій престолъ и посадилъ тамъ на княженіе покорнаго брата своего, князя Глѣба Юрьевича; а сыну его, князю Владиміру Глѣбовичу, отдалъ южный Переяславъ. Святой великій князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій Долгорукой выслалъ изъ Россіи мачиху свою, вдовствующую великую княгиню Ольгу, урожденную княжну греческую, ближайшую родственницу Греческаго императора, третью супругу родителя своего, великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, а съ нею всѣхъ ея дѣтей (своихъ братьевъ по отцѣ), князей Василька и Мстислава Юрьевичей Долгорукихъ; а также одноутробнаго брата своего князя Всеволода Юрьевича Долгору-

каго, да еще малолѣтняго князя Михалку (1) Юрьевича Долгорукаго, и кромѣ того, двухъ племянниковъ своихъ, князей Ярополка и Мстислава Ростиславичей. Они удалились въ Грецію, въ Царь-градъ. По чувству родства и изъ уваженія къ бѣдственному положенію изгнанниковъ, императоръ Греческій далъ вдовствующей великой княгинѣ Ольгѣ, княжнѣ греческой, вмѣстѣ съ сыномъ ея княземъ Василькомъ, въ удѣлъ четыре города съ Дунайскою областію, а князю Мстиславу Долгорукому—Аскалону, зависившую тогда частію и отъ королей Іерусалимскихъ. Прочимъ изгнанникамъ тоже дано было пристанище. Князья Всеволодъ и Михалка Юрьевичи Долгорукіе и князья Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, впослѣдствіе, обратно вернулись въ отечество.

Въ 1171 г. великій князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой посадилъ сына своего князя Юрія (Георгія) Андреевича на Новгородскій престолъ; въ 1173 году онъ посылалъ его съ 50 тысячами войска на Кіевъ; сынъ этого князя, князь Андрей Юрьевичъ Долгорукой—Переяславскій, имѣлъ какую-то войну съ княземъ Галицынымъ. У князя Андрея Юрьевича былъ сынъ, князь Юрій (Георгій) Андрѣевичъ, погибшій въ сраженіи съ татарами; сынъ его князь Андрей Юрьевичъ имѣлъ сына князя Ивана Андреевича Долгорукаго, который отъ супруги своей, княгинѣ Маріи Всеволодовны, имѣлъ единственнаго сына-князя Владиміра Ивановича; послѣдніе три князя показаны въ разрядномъ архивѣ подъ № 207, и всего

(1) Князь Михалка въ лѣтописяхъ не названъ одноутробнымъ Боголюбскому, а также и не сыномъ мачихи Боголюбскаго, высланной имъ; въ лѣтописяхъ сказано, что вдовствующая великая княгиня, изъ сожалѣнія, по материнскому чувству, взяла съ собою малолѣтняго князя Михалку, рожденнаго не отъ одной матери съ Боголюбскимъ; слѣдственно, отецъ его женатъ былъ три раза, и высланная вдовствующая великая княгиня была 3-й, а не второй супругой великаго князя Юрія Долгорукаго. Тутъ же сказано, что великій князь Юрій Долгорукой назначилъ наслѣдникомъ князя Михалку и сдѣлалъ это будто потому, что не могъ простить сыну Андрею Боголюбскому самовольнаго удаленія его изъ Вышгорода.

вѣроятнѣе, что у нихъ удѣловъ небыло. Дѣти четырехъ сыновей князя Владиміра Ивановича: князей Семіона Владиміровича, Ѳедора Владиміровича, Тимоѳея Владиміровича и Михаила Владиміровича въ 1518 году пришли въ Москву, подъ высокую руку царскую служить; слѣдственно — съ 1518 года надо считать подданство князей Долгорукихъ.

3) Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ Долгорукой, третій сынъ великаго князя Юрія (Георгія) Долгорукаго, доселѣ поминаемый въ древнемъ прологѣ Московскомъ и Кіевскомъ, въ житіе святаго благовѣрнаго князя Михаила Тверскаго, подъ именемъ князя Всеволода Долгорукаго, — былъ по смерти отца своего высланъ братомъ своимъ, Боголюбскимъ, въ Грецію (восточную Римскую имперію), а по убіеніи его (Боголюбскаго) взошелъ на велико-княжескій престолъ и умѣлъ удержать престолъ этотъ въ родѣ своемъ до дома Романовыхъ; а именно:

Дѣти его:

а) Святый благовѣрный князь Константинъ Всеволодовичъ;

б) Князь Борисъ Всеволодовичъ, бездѣтенъ;

в) Святый благовѣрный князь Юрій (Георгій) Всеволодовичъ;

г) Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ;

д) Святый благовѣрный князь Василій (Володиміръ) Всеволодовичъ;

е) Князь Святославъ Всеволодовичъ, бездѣтенъ;

ж) Князь Иванъ Всеволодовичъ;

а) Святый благовѣрный князь Константинъ Всеволодовичъ, почиваетъ въ соборной церкви въ губернскомъ городѣ Ярославлѣ, въ предѣлѣ имени его и его брата с. к. Ввасилія. Церковь память его совершаетъ 3 Іюля; онъ имѣлъ сыновей:

Князя Всеволода Константиновича, у котораго были:

Князь Борисъ Васильевичъ,

Князь Глѣбъ Васильевичъ.

Князь Борисъ Васильевичъ имѣлъ сына князя Константина Борисовича, а у него былъ сынъ князь Василій Константиновичъ; у этого князя — Константинъ Васильевичъ, а у него

князь Владиміръ Константиновичъ, у того князь Иванъ Владиміровичъ, у этого князь Александръ Ивановичъ, а у него князья Михайла Александровичъ Косатка, отъ коего пошли князья Косаткины, Иванъ Александровичъ Лобано, отъ коего пошли князья Лобановы. Князь Глѣбъ Васильевичъ имѣлъ сына князя Михаила Глѣбовича, а у него былъ сынъ князь Романъ Михайловичъ, у этого князь Василій Романовичъ, а у него князья Юрій и Иванъ Васильевичи, а у князя Ивана былъ сынъ князь Иванъ Ивановичъ Ухтомскій, отъ коего пошли князья Ухтомскіе. Князь же Юрій Васильевичъ имѣлъ князей Романа и Андрея Юрьевичей, а князь Романъ имѣлъ князя Өедора Романовича, у котораго былъ сынъ князь Гаврила Өедоровичъ Бѣлосельскій, отъ котораго пошли князья Бѣлосельскіе. Князь Андрѣй Юрьевичъ имѣлъ сына князя Ивана Андреевича Вадбольскаго, отъ коего пошли князья Водбольскіе.

б) Святый благовѣрный Георгій (Юрій) Всеволодовичъ сочетался бракомъ въ 1211 г., апрѣля 11 дня, съ дочерью Черниговскаго князя Всеволода Чернаго, княжною Агаѳіею. Нѣкоторые изъ князей Долгорукихъ считаютъ его своимъ родоначальникомъ. Когда Батый, въ 1238 г., февраля 7-го, явился подъ стѣнами Владиміра и городъ былъ взятъ приступомъ, то супруга этого князя, вмѣстѣ съ семействомъ, погибла въ пламени, а двое сыновей его, князья Всеволодъ и Мстиславъ, были убиты въ сраженіи; марта же 4-го того же года и самъ князь палъ на полѣ брани. Церковь совершаетъ ему память 4-го февраля. Мощи его открыто почиваютъ въ соборномъ храмѣ Успенія Богородицы во Владимірѣ, въ серебряной ракѣ, устроенной святѣйшимъ патріархомъ Іосифомъ, тѣмъ самымъ, котораго дѣйствія и уставъ особенно чтутъ единовѣрцы и старообрядцы. Дочь сего князя была супругою князя Василька Романовича Галицкаго (но не Голицына, какъ нѣкоторые Голицыны проповѣдуютъ); кромѣ того, у него были еще два сына: князь Владиміръ и князь Андрей, котораго сынъ, святый князь Глѣбъ Андрѣевичъ, открыто почиваетъ во Вла-

димірѣ, въ соборѣ Успенія Богородицы, въ предѣлѣ сего имени и съ 1818 г. — въ серебряной ракѣ.

в) Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ первый изъ русскихъ князей отправился, въ 1243 году, къ хану въ орду.

Сыновья его:

1) Андрей Ярославовичъ, княжилъ въ Суздалѣ;

2) Святый благовѣрный великій князь Александръ Ярославовичъ — Невскій;

3) Князь Ярославъ Ярославовичъ, княжилъ въ Твери;

4) Князь Василій Ярославовичъ, княжилъ въ Костромѣ.

5) Князь Константинъ Ярославовичъ.

Святый благовѣрный великій князь Александръ Ярославовичъ-Невскій имѣлъ сыновей Дмитрія и Андрея, да третьяго—святаго благовѣрнаго великаго князя Даніила Александровича, родившагося въ 1261 году, а скончавшагося въ 1303 году марта 4-го. Принявъ схиму, онъ первый погребенъ былъ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Мощи его обрѣтены въ 1652 году и, по высочайшему повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, перенесены въ Даниловъ монастырь, имъ сооруженный, въ храмъ седми Вселенскихъ соборовъ; память его совершается 4 марта и 30 августа; онъ имѣлъ сыновей:

1) Князя (Юрія) Георгія Даниловича,

2) Великаго князя Іоана I Даниловича.

Іоанъ I Даниловичъ Калита имѣлъ сына великаго князя Дмитрія Іоановича Донскаго, а тотъ имѣлъ сына — великаго князя Василія I Дмитріевича, который первый перестадъ ѣздить въ орду. Сынъ его, великій князь Василій Васильевичъ, ослѣпленъ былъ Шемякою, и потому извѣстенъ подъ именемъ Темнаго. Любопытно сказаніе о его смерти: онъ не велѣлъ хоронить себя семь дней; на третій день ожилъ, сѣлъ во гробѣ и пѣлъ псалмы, потребовалъ пріобщенія, и когда на порогѣ показался архипастырь московскій съ дарами, то онъ его увидѣлъ и потомъ, пріобщившись, снова умеръ. Говорятъ еще, что онъ въ это время всѣхъ узнавалъ и предсказывалъ. У Василія Темнаго былъ сынъ великій князь Іоаннъ III, сверг-

нувшій совершенно иго монгольское и подавившій удѣльную систему. Сынъ его былъ великій князь Василій III Іоанновичъ, отецъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, первою супругою котораго была дочь боярина Романа Юрьева, потомка сверженнаго короля прусскаго, Анастасія Романова; отъ нея у него были сыновья: царевичи Іоаннъ, Ѳедоръ и Дмитрій Углицкій.

5) Князь Константинъ Ярославичъ, пятый сынъ Ярослава Всеволодовича, имѣлъ сына князя Давыда Константиновича; у него былъ сынъ князь Ѳедоръ Давыдовичъ, а у этого князь Иванъ Ѳедоровичъ, а у него князь Дмитрій Ивановичъ, а у того князь Василій Дмитріевичъ, у него князь Василій Васильевичъ, а у того князь Борисъ Васильевичъ, у котораго было три сына: 1) князь Дмитрій Борисовичъ Береза; 2) князь Семенъ Борисовичъ Осина; 3) князь Иванъ Борисовичъ, отъ которыхъ пошли князья Галицкіе, а не Голицыны.

д) Святый благовѣрный князь Василій Всеволодовичъ почиваетъ во Владимірѣ, въ соборномъ храмѣ Успенія. Церковь память его совершаетъ 3 Іюля.

г) Князь Иванъ Всеволодовичъ имѣлъ князя Михайла Ивановича, а у того былъ сынъ князь Иванъ Михайловичъ, а у него князь Ѳедоръ Ивановичъ, у того князь Андрей Ѳедоровичъ, а у того сыновья князья Ѳедоръ Андреевичъ Стародубскій да князь Иванъ Андреевичъ Рополовскій. У князя Ѳедора Стародубскаго былъ сынъ князь Василій Ромодановскій, отъ коего пошелъ родъ князей Ромодановскихъ, угасшій въ мужскомъ колѣнѣ; въ женскомъ—родъ этотъ, подъ именемъ Ромодановскихъ-Ладыженскихъ, и до нынѣ существуетъ; второй сынъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ имѣлъ сына князя Ивана Ѳедоровича Лапина-Голибѣсовскаго, а у того былъ сынъ князь Михайло Ивановичъ, а у него сынъ князь Василій Михайловичъ, владѣвшій вотчиною у озера, въ которомъ водилась особенная порода дикихъ утокъ — гагаръ, почему онъ и получилъ отъ стрѣльцовъ, т. е. охотниковъ, прозваніе: «князь

Гагаръ». «Куда идешь?» «къ князю на гагаръ». Отъ этого князя пошли князья Гагарины.

У князя Ивана Реполовскаго былъ сынъ князь Михаилъ Ивановичъ, а у того сынъ Өедоръ Михайловичъ, у него Иванъ Өедоровичъ Хилокъ, отъ коего пошли князья Хилковы.

4) Князь Иванъ Юрьевичъ былъ четвертый сынъ великаго князя Юрія Долгорукаго. Одни показываютъ, что отъ него пошелъ родъ князей Долгорукихъ, другіе же говорятъ, что онъ былъ бездѣтенъ.

5 и 6) Князь Василій и Мстиславъ Юрьевичи Долгорукіе, дѣти великаго князя Юрія Долгорукаго, какъ мы выше видѣли, были съ матерью своею высланы въ Грецію (Восточную Римскую Имперію). Одинъ изъ нихъ былъ супругомъ царствующей Грузинской царицы Тамары, а по разводѣ съ нею—женился на армянской княжнѣ. Нѣкоторые изъ потомковъ ихъ приняли мухаммеданство, а другіе григоріано-армянское ученіе. Одинъ изъ нихъ былъ шахомъ персидскимъ, а другой армянскимъ патріархомъ; многіе были армянскими архіереями, и потомки ихъ извѣстны нынѣ подъ именемъ князей Аргутинскихъ — Долгорукихъ.

7) Князь Михалко Юрьевичъ, сынъ великаго князя Юрія Долгорукаго, вернувшись изъ Греціи, былъ, въ 1116 году, посланъ старшимъ братомъ своимъ, княземъ Глѣбомъ Юрьевичемъ, на Половцевъ, въ сраженіи съ которыми получилъ двѣ раны копьемъ въ ребро, а одну въ руку; но, оставшись побѣдителемъ, привелъ 1,500 человѣкъ плѣнныхъ въ Кіевъ.

8 и 9) Сыновья великаго князя Юрія Долгорукаго, князья Ярославъ и Святославъ Юрьевичи, были, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ княземъ Глѣбомъ Юрьевичемъ, родоначальниками тѣхъ родовъ, которые, подъ № 207, показаны въ родѣ князей Долгорукихъ, въ разрядномъ архивѣ.

10) Сынъ великаго князя Юрія Долгорукаго, князь Дмитрій Юрьевичъ Долгорукой, не былъ женатъ.

Окончивъ періодъ первый, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько о Романовыхъ-Юрьевыхъ.

По прекращеніи дома царскаго, всѣ вѣтви дома Рюрика имѣли такъ мало вліянія и были такъ удалены отъ престола, что даже и думать не могли объ избраніи; почти всѣ занимали должности второстепенныя, ниже прочихъ бояръ, а иные вовсе не имѣли чиновъ; отъ всего этого Россія была въ такомъ положеніи, что, для счастія ея, для успокоенія всѣхъ партій, надо было, чтобы избранный въ цари имѣлъ такое положеніе, чтобы избраніе его небыло обидно для самолюбія потомковъ удѣльныхъ князей, которыхъ бояре не допустили бы царствовать, привыкши, послужбѣ, считать себя старѣе ихъ. Всякому изъ нихъ угрожала участь Годунова или Шуйскаго, изъ которыхъ первый погибъ отъ козней князей, а второй былъ выданъ боярами. Михаилъ Өедоровичъ одинъ соединялъ въ себѣ условія, необходимыя, по родству своему съ царскимъ домомъ; родная тетка его была за Грознымъ; онъ не обижалъ самолюбіе князей, потомковъ Рюрика, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сынъ однаго изъ старшихъ бояръ. Отецъ его тогда-же былъ митрополитомъ Ростовскимъ и притомъ имѣлъ большое вліяніе на народъ. Одинъ этотъ выборъ и могъ излечить раны народа: вотъ истинная причина избранія на царство Михаила Өедоровича.

Періодъ II.

От принятія подданства Долгорукими до воцаренія Екатерины I, т. е. отъ 1518 до 1725 года.

Приступая къ повѣствованію этого періода, по раздѣленіи Долгорукихъ на четыре вѣтви, мы, по случаю принятія второю и третьею линіями фамиліи Долгоруковыхъ, вмѣсто Долгорукихъ, чему, впрочемъ, не слѣдовали ихъ дѣды и прадѣды, будемъ въ каждомъ періодѣ отдѣльно говорить о каждой линіи; въ этой же части о старшей и четвертой, угасшей со смертію защитника лавры.

Дѣти старшаго сына князя Владиміра Ивановича, князя

Семена Владимировича, пришли въ 1518 г. съ прочими Долгорукими въ Москву, служить подъ высокую царскую, или великокняжескую руку.

Князь Михайло Семеновичъ принятъ былъ стольникомъ, а Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ пожалованъ былъ въ воеводы, и въ званіи этомъ участвовалъ, въ 1544 г., въ казанскомъ походѣ. Братъ его, князь Андрей Семеновичъ, — принятъ былъ охотничимъ, потомъ пожалованъ въ окольничіи, а Грознымъ въ воеводы, и въ званіи этомъ участвовалъ въ походахъ — въ 1544 г. въ казанскомъ, а въ 1549 г. въ шведскомъ. Младшій ихъ братъ, князь Юрій Семеновичъ, былъ принятъ сокольничимъ, произведенъ потомъ въ воеводы, и въ званіи этомъ былъ въ походахъ—казанскомъ 1544 г. и въ шведскомъ 1549 г., а 1551 г.—подъ Полоцкомъ.

Князь Иванъ Андреевичъ имѣлъ офиціальное, по бумагамъ прибавленное къ его фамиліи —Долгорукой, прозвище Шабанъ; онъ вступилъ въ службу стольникомъ, въ 1543 г. былъ назначенъ воеводою въ Черниговѣ, участвовалъ въ 1544 г. въ казанскомъ походѣ, а въ 1551 въ полоцкомъ; въ 1578 г. снова занялъ мѣсто воеводы въ Черниговѣ, въ 1585 г. переведенъ въ передовой полкъ, стоявшій на берегахъ Оки; за отличіе въ 1587 г. назначенъ начальникомъ сторожеваго полка, расположеннаго въ то время въ Тулѣ, на рѣкахъ Плавѣ и Соловѣ. Съ этимъ полкомъ онъ отразилъ набѣгъ крымцевъ. Въ 1589 г. онъ былъ переведенъ воеводою въ Воронежъ, гдѣ въ 1590 г., во время набѣга козаковъ на этотъ городъ, 30 апрѣля, убитъ въ сраженіи. По смерти Ѳедора Іоанновича, царя и самодержца, въ 1598 году, Годуновъ, обагривъ руки въ крови младенца Димитрія, похитилъ престолъ, разъигравъ, впрочемъ, очень-искусно комедію избранія.

Хотя онъ и былъ въ родствѣ съ царскимъ домомъ, но все же былъ изъ бояръ, выслуживщихъ свое *благородство* придворной службой у бывшихъ князей, ибо названіе *дворянинъ* родилось отъ слова *дворъ*; служители князя, слѣдственно потомки удѣльныхъ князей, волей или неволей, подчинившіеся

Борису Годунову, все-же въ душѣ своей питали къ нему болѣе или менѣе ненависть, видя въ немъ еще сверхъ того убійцу. Это обстоятельство много способствовало успѣху Димитрія Самозванца.

Со смертію Годунова и убіеніемъ сына его, прекратилось обладаніе Годуновыхъ россійскимъ престоломъ. Дума бояръ Московскихъ признала Димитрія, церковь короновала его, и Долгорукіе присягнули ему, а присягнувъ разъ, служили вѣрно. Но присяга ихъ была слѣдствіемъ приговора бояръ и благословенія самой церкви. — Лжедимитрій былъ не ими возведенъ, и не по ихъ стараніямъ или кознямъ, и потому, какъ мы увидимъ далѣе въ повѣствованіи о другихъ линіяхъ князей Долгорукихъ, князя Ѳедора Тимоѳеевича поэтому неправильно обвиняютъ за то, что онъ вѣрно служилъ самозванцу. Дума, или, лучше сказать, вельможи, должны сначала хорошо обдумывать, что дѣлаютъ и во что вовлекаютъ народъ, а не надѣяться на разрѣшеніе присяги въ случаѣ ошибки. Они предъ Долгорукими слишкомъ молоды на Руси, чтобы тѣ по ихъ произволу играли присягой, кому бы то ни было разъ данной. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, изъ потомковъ Рюрика, былъ орудіемъ сверженія и смерти Димитрія Самозванца, и потомъ самъ взошелъ на престолъ, провозглашенный царемъ, пріуготовленной имъ партіею бояръ и черни Московской.

Шуйскій, взошедшій на престолъ чрезъ пронырство и интриги, не правильнымъ избраніемъ всей Россіи, а только происками нѣсколькихъ бояръ и временнымъ увлеченіемъ Московскихъ гражданъ и черни, не имѣя къ тому же на своей сторонѣ даже старшинство рода и будучи притомъ нетвердаго характера,—тѣми же боярами былъ выданъ полякамъ, безъ малѣйшаго, впрочемъ, участія Долгорукихъ, ничѣмъ не содѣйствовавшихъ ни избранію, ни сверженію его.

Наконецъ, къ Москвѣ подступилъ королевичъ Владиславъ. Сыну Шибана-Долгорукаго, князю Даніилу Ивановичу, поручили защищать калужскія ворота, а между-тѣмъ—бояре присягнули королевичу, и ему велѣно было положить оружіе.

Долгорукіе скорбѣли, видя въ боярахъ безпрерывное неуваженіе къ присягамъ и о томъ, что судьба имъ судила быть товарищами людей безхарактерныхъ и такъ легковѣрно играющихъ своею присягою. Наконецъ, по милости Божіей, Россія избавилась отъ враговъ, но много еще было въ ней глубокихъ ранъ. Историки, въ защиту бояръ, говорятъ, что виновниками всѣхъ несчастій были: Годуновъ, Шуйскій, Самозванецъ и поляки. Нѣтъ! сами бояре своею невѣрностію и непостоянствомъ были главною причиною этихъ несчастій; но только не Долгорукіе: они смѣло, предъ небомъ и землею, предъ Богомъ и народомъ русскимъ, умываютъ руки свои; они никогда не были участниками тѣхъ вѣроломствъ и никогда ими не будутъ...

Дума боярская раздѣлилась на партіи. Сильная партія желала видѣть на престолѣ князя Мстиславскаго, но ограниченнаго въ своей власти думою бояръ. Мстиславскій, которому хорошо извѣстно было непостоянство бояръ, ихъ вѣроломство, торжественно отказался отъ престола; еще до провозглашенія Владислава царемъ, Голицыны всячески интриговали, чтобы возвести на престолъ князя Василія Голицына, для чего обманывали народъ, называли себя потомками Св. Равноапостольнаго Владиміра, тогда какъ Ольгердъ и его дѣти Свистригайло, Ягейло, отъ которыхъ они происходятъ, были язычники и, слѣдственно, они немогли быть потомками Св. Равноапостольнаго Владиміра.

Молодые боярскіе роды и средній классъ народа желали возвести на престолъ сына Филарета, Михаила Θедоровича. Долгорукіе, удаленіемъ отъ всѣхъ партій, болѣе сочувствовали послѣдней. Родство Михаила съ послѣднимъ царемъ давало ему болѣе правъ; притомъ онъ происходилъ отъ одного изъ старшихъ боярскихъ родовъ, а не отъ такого, члены котораго служили удѣльнымъ князьямъ. Онъ былъ потомокъ боярина, выѣхавшаго изъ Прусіи въ Россію и производившаго свой родъ отъ курфюрстра прусскаго. Не отъ недоброжелательства или какихъ-либо видовъ, но единственно изъ осторожности, Дол-

горукіе держали себя поодаль. Когда воспослѣдовалъ общій приговоръ о избраніи Михаила Θедоровича на всероссійскій престолъ, то, вмѣстѣ съ прочими, пригласили Долгорукихъ явиться для подписи избирательной грамоты; но изъ Долгорукихъ никто неявлялся; тогда, по приказанію бояръ, схватили дьяка Долгорукихъ (писца) со двора боярина князя Григорія Долгорукаго и заставили его подписаться за родъ Долгорукихъ, а за стольника князя Андрея Долгорукаго — велѣно было подписаться дьяку Осипу Грязному, тоже насильно схваченному по приказанію Думы.

Возмущенный этимъ поступкомъ, князь Даніилъ Ивановичъ первый явился въ думу боярскую и сказалъ тамъ слѣдующую рѣчь, до насъ дошедшую въ рукописи: «Думные бояре! долго-ли вы будете играть присягою? Вы потребовали присяги Годунову, боярину среди васъ, вами выбранному; мы присягнули ему, и были вѣрны ему до его смерти; вы же первые не только покинули его, но и обагрили руки въ крови невиннаго сына его. Среди васъ нашлись люди, поднявшіе руки и на младенца царевича; вы насъ увѣрили, что онъ убитъ, но не вы ли потомъ присягнули человѣку, котораго назвали именемъ этого младенца? Мы, вѣря вамъ и церкви, присягнули и ему. Не вы ли опять стали увѣрять народъ, что онъ самозванецъ, и, предводимые Шуйскимъ, вломились въ Кремль, убили самозванца, провозгласили царемъ Шуйскаго, присягнули ему и вѣнчали его? Мы повиновались, но потомъ вы же предали его въ руки враговъ отечества... Такъ знай-же, растакая ваша мать, мы присягаемъ теперь послѣдній разъ, худъ-ли онъ будетъ или хорошъ, но ему, его дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ надо вѣрно служить, а не картавить. Мы первые на васъ, если осмѣлитесь идти противъ него, или дѣти ваши, внуки и правнуки пойдутъ противъ дѣтей его, внуковъ и правнуковъ; мы будемъ тогда не съ вами, а съ православнымъ народомъ всегда за него противъ васъ. Вы заставили дьяковъ подписаться за насъ, да будетъ же это свято!»

Эта рѣчь, болѣе или менѣе отъ переписокъ измѣненная,

сохранилась въ родѣ Долгорукихъ; они ей до-селѣ вполнѣ держались.

Этотъ князь Данило Ивановичь, былъ въ 1615 г. пожалованъ царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ воеводою и посланъ въ Калугу, а въ 1616 г. переведенъ въ Брянскъ; въ 1627 г. онъ былъ посланъ въ городъ Валуйки (нынѣ Воронежской губерніи), для переговора съ крымскими гонцами, и по пріѣздѣ туда — скончался. Отъ супруги своей, княгини Маріи Алексѣевны, имѣлъ одного сына — князя Григорія Даниловича, который поступилъ на службу стольникомъ, а въ 1640 году поставленъ воеводою въ Мценскъ, въ 1642 г. переведенъ въ Брянскъ и въ 1645 г. въ Елецъ; потомъ въ 1648 переведенъ въ Калугу, откуда въ 1649 былъ вызванъ въ Москву. Въ 1652 г. онъ получилъ новое назначеніе въ Брянскъ, а въ 1654 г. былъ смѣненъ. Въ началѣ 1657 г. снова поставленъ воеводою въ Путивль, съ приказаніемъ учавствать въ ливонскомъ походѣ. Въ 1660 году, 5 Января, онъ уволенъ отъ службы. Сынъ его, князь Прохоръ Григорьевичъ, имѣлъ чинъ стольника; у него было два сына: князь Иванъ Прохоровичъ и князь Григорій Прохоровичъ, которые не оставили по себѣ потомства и скончались имѣя чины стольниковъ. Младшій сынъ Шабана, князь Θедоръ Ивановичъ, тоже только дослужился до стольника; сыновья его: стольникъ князь Алексѣй Θедоровичъ, скончался въ 1636 году, а князь Θедоръ Θедоровичъ вступилъ въ 1627 г. въ службу постельничьимъ, въ 1630 г. онъ пожалованъ сокольничьимъ, а въ 1640 г.—стольникомъ. Онъ былъ посылаемъ въ разные города воеводою, а 3 Апрѣля 1655 г. пожалованъ въ окольничіе. Въ Декабрѣ 1663 г. онъ, послѣ 36 лѣтней службы, скончался, оставивъ по себѣ четырехъ сыновей. Старшій, князь Яковъ Θедоровичъ, родился въ 1639 году. Получивъ отличное, по тому времени, образованіе и зная латинскій языкъ, онъ въ 1658 году вступилъ въ службу. 1659 г. онъ пожалованъ стряпчимъ, чинъ въ родѣ камеръ-пажей, а въ 1660 году—стольникомъ. Его разсудительность обратила на него вниманіе царя Алексѣя

Михайловича, и въ 1661 году онъ былъ пожалованъ комнатнымъ стольникомъ. Государь, найдя его достойнымъ управлять Казанскимъ разрядомъ, пожаловалъ его въ 1664 году воеводой и поручилъ ему управлять этимъ разрядомъ, съ титуломъ сибирскаго намѣстника. Ему было въ это время 25 лѣтъ и, несмотря на это, ему поручено было начальствовать надъ войскомъ, собиравшимся въ Симбирскѣ и Путивлѣ.

Тутъ скончался царь Алексѣй Михайловичъ; осталось двое царевичей и царевны. Стрѣльцы, привыкшіе въ мутной водѣ рыбу ловить, взбунтовались и требовали возведенія на престолъ Іоанна Алексѣевича, за малолѣтствомъ котораго хотѣли вручить правленіе царевнѣ Софіи. Въ Москвѣ тогда были двѣ главныя партіи: князья Милославскіе и Хованскіе, и всѣ люди властолюбивые, желавшіе видѣть на престолѣ Іоанна Алексѣевича; Нарышкины-же и Долгорукіе, Матвѣевы и народъ — Петра Алексѣевича. Стрѣльцы, подучаемые Голицыными, сильными по связямъ съ царевною Софіею Алексѣевною, желали главное, чтобы правленіе было въ рукахъ царевны. Двое Долгорукихъ, впрочемъ не первой линіи, защищали право юнаго Петра I и пали подъ мечами стрѣльцовъ. Наконецъ, 26 Мая 1682 года, бунтъ утихъ; воцарились оба царевича и бразды правленія, благодаря успѣхамъ пронырства Голицыныхъ, приняла царевна Софія.

Князь Яковъ Өедоровичъ въ это время почти безотлучно былъ при царевичѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, что и спасло его отъ погибели. Не взирая на то, что Долгорукой былъ отъявленнымъ врагомъ любимца царевны Голицына, а особливо государственнаго казначея Петра Щегловитова-Сапбулова, онъ не разъ обращалъ на себя вниманіе ея высочества, и на вопросъ князя Голицына, однажды сказалъ: «Напрасно ея высочество имѣетъ такую полную довѣренность къ Щегловитому и оказываетъ ему такія милости; онъ совсѣмъ того не стоитъ, имѣетъ злое сердце и разоряетъ государственную казну для своего кармана». Голицынъ, отдавая справедливость Долгорукому, все-же желалъ избавится отъ него, а потому князь Яковъ

Өедоровичъ и былъ посланъ во Францію и Испанію. Цѣлію этого посольства было пригласить эти державы присоединиться къ союзу, заключенному уже между Россіею, Австріею, Польшею и Венеціанскою республикою противъ Турецкой имперіи. Февраля 27 1687 г. князь Яковъ Өедоровичъ выѣхалъ съ этою цѣлію изъ Москвы, а Апрѣля 30 сѣлъ въ Ригѣ на корабль. Іюня 17 русскіе послы прибыли въ Сенъ-Дени. Князь Яковъ Долгорукой, товарищъ его князь Мышецкій и прочіе члены посольства, по старинному обычаю, долго спорили о церемоніалѣ, вслѣдствіе чего они не ранѣе 30 Іюня имѣли въѣздъ въ Парижъ, а 2 Августа аудіенцію у короля въ Версалѣ. Посольство это, не имѣя желаннаго успѣха, принесло болѣе всего пользы самому князю Якову Өедоровичу, обогативъ его познаніями и познакомивъ практически съ Европою. Гордый король французскій Лудовикъ XIV употребилъ всѣ свои силы, чтобы унизить австрійскій домъ, почему и вступилъ въ союзъ съ султаномъ. Не смотря на это, король на прощаніе подарилъ князю Якову Өедоровичу табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную бриліантами, съ надписью: «Лудовикъ XIV, король французскій, русскому послу, князю Якову Долгорукому, въ знакъ уваженія, 1687 г. Августа 7-го, Парижъ.» 31 Августа посольство отправилось изъ Франціи въ Мадритъ, куда и прибыло 26 Ноября.

Испанія, въ это время, волновалась внутренними раздорами, и угрожаемая, сверхъ того, сосѣдственною державою, она помышляла лишь о собственныхъ интересахъ; но замѣчательно то, что король Карлъ II, въ отвѣтной грамотѣ своей къ россійскимъ государямъ, изъявляетъ свое удовольствіе за поступки князя Якова Долгорукаго, который возвратился въ Москву 15 Мая 1688 г.; между тѣмъ, въ Москвѣ, въ отсутствіе его, былъ страшный заговоръ на жизнь Петра, въ которомъ Шегловитый былъ одинъ изъ главныхъ участниковъ. Августа 12 дня 1687 г. разыгралось послѣднее дѣйствіе коварной политики знаменитаго любимца царевны Софіи, бояриина князя Голицына, имѣвшей цѣлію поддержать права ея высочества. Лефортъ и

бояринъ Шеинъ, преимущественно способствовали паденію правленія царевны и удаленію ея въ Дѣвичій монастырь. Когда пришли брать князя Голицына, котораго царевна спрятала, то вытащили его изъ подъ кровати; ноги ему измѣнили, высунулись...

Но мы съ историками не согласны, чтобы послѣ паденія царевны Петръ царствовалъ одинъ. Общее Собраніе Законовъ противорѣчитъ этому. До смерти Іоанна Алексѣевича, Петръ, во всѣхъ указахъ, всегда писался послѣ Іоанна; есть не только отдѣльные указы, но даже одинъ указъ Іоанна, отмѣняющій указъ Петра I. Вообще царя Іоанна Алексѣевича нельзя ставить ниже другихъ царей; добровольно сознаться въ слабости, уступить первенство младшему брату—это тоже доказываетъ не малую силу духа и много истинной любви къ своему отечеству. Посмотрите на Бурбоновъ: не смотря на то, что народъ ихъ отвергъ, они вообще все еще дѣлятся и спорятъ, кому считаться королемъ. Но воротимся къ князю Якову Ѳедоровичу. Встрѣтя однажды во дворцѣ боярина князя Бориса Алексѣевича Голицына, онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и тотъ сказалъ ему, что почиталъ его прежде умнымъ и преданнымъ отечеству человѣкомъ, а теперь не вѣритъ этому; а притомъ прибавилъ: «удивляюсь, князь, какъ это вы, будучи издревле знатнаго рода, дружитесь съ нехристемъ Лефортомъ и вступаетесь въ дѣла невѣрныхъ иностранцевъ?» Отъ этого произошла брань; слово-за-слово, наконецъ—Долгорукой сказалъ Голицыну: «Да чего государю ожидать отъ тебя, измѣнническаго внука, когда прадѣдъ твой при Растригѣ II въ Яузскихъ воротахъ былъ проводникомъ, противъ воли законной, и уговорилъ народъ покуситься на жизнь государя ихъ, Василія Шуйскаго!» Въ тогдашнее время такая укоризна была самымъ крайнимъ оскорбленіемъ. Голицынъ сейчасъ отправился къ царю Петру I-му съ жалобою и расказалъ по своему разговоръ. Государь, выслушавъ его, велѣлъ не медля за безчестіе взыскать съ Долгорукаго, въ пользу Голицына, существовавшій въ то время штрафъ, и сверхъ того отправить

Долгорукаго въ темницу. Услышавъ объ этомъ, Лефортъ догналъ князя Якова Өедоровича и, узнавъ отъ него всю истину, кинулся къ Петру и слово-отъ-слова все передалъ его величеству. Тогда царь приказалъ немедленно освободить Долгорукаго.

Въ 1691 году князь Яковъ Өедоровичъ назначенъ былъ судьею Московскаго Суднаго Приказа, а когда Петръ I-й въ 1695 г. предпринялъ походъ противъ Азова, то назначилъ князя Якова волонтеромъ при корпусѣ боярина Шеина; во второмъ же походѣ туда, въ 1696 г., князю уже поручено было командовать 700 гвардейцами. 14 Іюля того же года, онъ перешелъ съ ними въ бродъ Донъ (по плеча въ водѣ) и первый приступилъ къ городской башнѣ, на которой находилось около двухъ тысячъ человѣкъ непріятелей; несмотря на превосходство силъ непріятеля, Долгорукой взялъ ее приступомъ и положилъ на мѣстѣ всѣхъ, за исключеніемъ 15 человѣкъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ. 18-го числа того же мѣсяца, когда султанъ Нурадинъ, переправясь чрезъ рѣку съ 30 тысячами войска, приближался къ русскому лагерю, то князя Якова послали ему на встрѣчу съ 10 тысячами пѣхоты и 3 тысячами запорожскихъ казаковъ. Долгорукой первый открылъ сраженіе, продолжавшееся семь часовъ сряду съ равнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, турки должны были отступить, оставивъ до 15,000 убитыхъ. Съ нашей стороны потеря показана до 5 тысячъ человѣкъ. Но турки на другой день получили значительное подкрѣпленіе, такъ-что у нихъ опять было до 60,000 человѣкъ, съ кторыми они, окольными дорогами, чрезъ нѣсколько дней обошли русскій станъ и неожиданно явились въ тылу у самого обоза. Тогда Петръ I-й приказалъ боярину Шейну и генералу Львову двинуться противъ нихъ, пославъ для выручки обоза князя Якова съ авангардомъ, состоящимъ изъ 3,000 человѣкъ кавалеріи, съ цѣлію—быстрымъ движеніемъ пріостановить непріятеля. Долгорукой тотчасъ же разсыпалъ свое войско такъ, чтобъ турки могли принять ввѣреной ему авангардъ за всю русскую армію. Турки дѣйствительно обманулись и вмѣсто того, чтобъ кинуться на обозъ и

на отрядъ князя, они остановились и стали приготовляться къ бою. Этою хитростію, Долгорукой спасъ обозъ, потому-что бояринъ Шейнъ имѣлъ чрезъ то время обойти съ восточной стороны и неожиданно ударить на турокъ, отъ чего тѣ пришли въ смятеніе и обратились въ бѣгство. Получивъ вовремя этого дѣла тяжелую рану въ плечо, Шейнъ передалъ команду князю Якову, который, преслѣдуя бѣгущихъ до 10 верстъ, взялъ въ плѣнъ 12,000 человѣкъ; съ убитыми непріятель потерялъ 18,900 человѣкъ, съ нашей же стороны потеря простиралась до 4000 человѣкъ. Послѣдствіями этого дѣла была сдача 19 іюля Азова, на капитуляцію. Предпринявъ путешествіе въ чужіе края, Петръ I-й, указомъ отъ 22-го 1697 г., поручилъ князю Якову Долгорукову начальство надъ корпусомъ, расположеннымъ близъ Бѣлгорода. Тутъ вѣрный еще въ то время Россіи гетманъ Мазепа присоединился къ нему. Когда турки осадили нашу пограничную Тованскую крѣпость, Долгорукой съ Мазепою съ общаго согласія двинулись къ Крыму, чтобъ отвлечь турокъ отъ крѣпости. — Узнавъ объ этомъ, сераскиръ-паша пошелъ имъ на перерѣзъ, но мая 25-го Долгорукой съ помощію Мазепы разбилъ его подъ Очаковымъ наголову. Жестокою бурею, бывшею на Днѣпрѣ, разбило всѣ суда, шедшія къ русскимъ войскамъ съ провіантомъ, не смотря на это, наша армія осадила Перекопъ, тогда турки, стянувши войска, оставленныя у Таванской крѣпости, дали русскимъ сраженіе. Съ ихъ стороны легло до 20,000, а съ нашей до 10, несмотря на это, часть ихъ войска, подъ командою сына крымскаго хана, пробилась въ осажденную нами крѣпость. Армія наша терпѣла недостатокъ въ продовольствіи и, сверхъ того, была обременена ранеными; почему княземъ Долгорукимъ вмѣстѣ съ Мазепою рѣшено было прекратить осаду и удалиться. Въ 1698 г. 20 іюля Петръ I пожаловалъ князю Якову боярское званіе, въ указѣ сказано: «За воинскія достоинства, правду и безкорыстіе». Уничтоживъ, 1700 г. 18 февраля, именнымъ указомъ приказы Иноземный и Рейтарскій, Петръ I приказалъ князю Якову учредить, подъ его управленіемъ, по-

вый приказъ и принять названіе генералъ-коммисара. Затѣмъ князь Яковъ былъ посланъ набирать рекрутъ въ Бѣлгородъ; тутъ онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника съ назначеніемъ посломъ въ Швецію; но это не состоялось, по случаю смерти короля Шведскаго Карла XI. Вмѣсто князя Якова, посланъ былъ стольникъ князь Хилковъ, извѣстный своимъ девятнадцатилѣтнимъ тамъ заключеніемъ и сочиненіемъ «Ядра Россійской Исторіи».

При осадѣ Нарвы Петромъ I-мъ, въ сентябрѣ, въ числѣ генераловъ, былъ и князь Яковъ. Когда царь, 17 ноября, уѣхалъ и увезъ съ собой генерал-фельдмаршала Головина, главнокомандующимъ остался генерал-фельдмаршалъ герцогъ Де-Кроа, который, по гнусной измѣнѣ съ прочими иностранными генералами, сдался безъ боя шведамъ. Будучи ободрены этою измѣною, шведы окружили весь станъ русскій. Тогда всѣ прочіе начальники русскіе обратились къ князю Якову Долгорукому, который, видя невозможность къ сопротивленію, послалъ генерала Бутурлина къ королю, чтобы заключить капитуляцію, на которую король словесно согласился; она состояла въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Чтобы шведы дозволили свободно отступить всѣмъ генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ съ войскомъ съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ, съ оружіемъ и полевыми орудіями.

2) Чтобы съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ освободить и тѣла мертвыхъ погребсти.

3) Всю остальную артиллерію оставить шведамъ; багажъ же, какъ принадлежащій офицерамъ, такъ и войску, пропустить свободно.

Такъ какъ договоръ съ Бутурлинымъ былъ изустный, шведы на письменный несогласились, то Долгорукой изъявилъ желаніе предварительно видѣть самаго короля, который, при свиданіи съ нимъ, въ знакъ своего согласія, подалъ руку Долгорукому.

Поспѣшно навели чрезъ Нарову мостъ, и когда гвардія

съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ перешла уже на другой берегъ, шведы кинулись на остальныхъ и, обезоруживъ ихъ, отпустили, удержавъ всѣхъ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, въ числѣ которыхъ были: Долгорукой, Бутурлинъ и царевичъ Имеретійскій. Шведы, мало того, что нарушили слово, данное королемъ, но еще трехъ вышеупомянутыхъ генераловъ цѣлые сутки содержали безъ пищи, запертыми въ холодномъ строеніи, потомъ всѣхъ ихъ отправили въ Ревель, а оттуда въ Стокгольмъ, гдѣ съ пристани до самой темницы ихъ, въ видѣ тріумфа, пѣшихъ, съ не покрытою головою, вели среди толпы черни; въ темницѣ этой они содержались до ноября 1710 г. Въ ноябрѣ того же года ихъ перевезли въ Якобштадтъ, а въ началѣ 1711 года 40 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ Долгорукой, отправлены были на шкунѣ въ Готтенбургъ. Долгорукой скоро замѣтилъ, что на шкунѣ число русскихъ плѣнныхъ превышаетъ число шведовъ, и это дало ему мысль завладѣть шкуною; онъ сообщилъ свой планъ всѣмъ русскимъ и назначилъ для исполненія день субботній и въ часъ всенощной, когда русскіе вмѣстѣ будутъ молиться и запоютъ: «дерзайте, убо дерзайте, людіе Божіе. .» Это было въ точности исполнено. При послѣднемъ словѣ: «Дерзайте, людіе Божіе,» русскіе неожиданно кинулись на шведовъ, нѣкоторыхъ сбросили въ море, другихъ убили, а остальныхъ, связавъ, заключили въ трюмъ. Послѣ того Долгорукой бросился къ шкиперу съ отнятою имъ у шведскаго офицера шпагою, приставилъ ее къ груди шкипера и сказалъ: «Или смерть, или вези насъ въ Кронштадтъ, но бойся измѣны!» Судно сначала прибыло къ острову Даго, завоеванному уже русскими; спустили тутъ плѣнныхъ шведовъ, а 19 Іюня 1711 г. прибыли въ Ревель, и оттуда въ С. Петербургъ. Петръ I-й былъ тогда въ Прутскомъ походѣ и лишь въ сентябрѣ мѣсяцѣ узналъ о ихъ освобожденіи. Тотчасъ же онъ назначилъ Долгорукаго генералъ-пленипотенціоннымъ кригсъ-коммиссаромъ, а въ 1712 году, 27 февраля, пожаловалъ ему дворцовыя волости въ Юрьевѣ-Повальскомъ

уѣздѣ (вѣроятно, въ Юрьевѣ-Польскомъ), и назначилъ его президентомъ Ревизіонъ-Коллегіи (должность равная нынѣ государственному контролеру). Въ 1713 г. Долгорукой пожалованъ сенаторомъ. Въ 1714 г. Петръ I на одномъ знатномъ пиру завелъ рѣчь о дѣлахъ царя, своего родителя; придворные, желая воспользоваться случаемъ польстить самолюбію Петра I, начали сравнивать дѣла его съ дѣлами царя Алексѣя Михайловича, выставляя дѣла послѣдняго ничтожными въ сравненіи съ дѣлами Петра Великаго, да и тѣ приписывали Морозову. Тогда Петръ I сказалъ: «Унижая отца моего лицемѣрною мнѣ похвалою, вы меня болѣе браните, чѣмъ я стерпѣть могу», и, вставши изъ за стола, подошелъ къ Долгорукому и, ставъ за его студомъ, началъ говорить: «Дядя, я знаю, что ты больше всѣхъ меня бранишъ и такъ тяжко спорами своими досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть, но какъ разсужу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя прошу и вѣрно, что о дѣлахъ отца моего и моихъ не лицемѣрную правду скажешь». «Хорошо, государь, сядь, а я подумаю» — отвѣчалъ Долгорукой; потомъ, помолчавъ, началъ, такъ: «Главныя дѣла государей, по коимъ они отличаются другъ отъ друга, суть три: 1) Внутренняя расправа, и главное дѣло ваше есть правосудіе; въ семъ отецъ твой больше сдѣлалъ, нежели ты: онъ далъ намъ Уложеніе, которое несовсѣмъ-то нынѣ исполняется, но когда и ты о семъ прилежать будешь, то, можетъ быть, и превзойдешь его, и пора уже тебѣ о томъ подумать. 2) Военныя дѣла. Отецъ твой много чрезъ оныхъ хвалы удостоился, и пользу великую государству принесъ, и тебѣ устроеніемъ нѣсколькихъ регулярныхъ войскъ путь показалъ, хотя это по немъ несмысленные разорили, и ты, почитай, все вновь дѣлалъ, однакожь, я, много думая отомъ, еще не знаю, кого болѣе хвалить. 3) Въ устроеніи флота, въ союзахъ съ иностранными государями ты далеко большую пользу государству и себѣ честь пріобрѣлъ, нежели отецъ, и все сіе самъ, надѣюсь, за правду пріймешь; что жь касается Морозова, то я противно разумѣю. Мудрый

государь умѣетъ мудрыхъ совѣтниковъ выбирать и вѣрность ихъ наблюдать; и такъ, у мудраго немогутъ быть глупые министры».

Государь съ большимъ вниманіемъ выслушалъ Долгорукаго и, расцѣловавъ его, сказалъ: «Благій рабе и вѣрный! въ малѣ былъ ми сей вѣренъ, надъ многими тя поставлю».

По неустройству еще правильныхъ сообщеній съ недавно построеннымъ Петербургомъ, случился въ немъ недостатокъ хлѣба въ казенныхъ магазинахъ, котораго оставалось не болѣе, какъ на мѣсяцъ, а тотъ, который шелъ снизу водою, не могъ поспѣть во время. Петръ I предложилъ Сенату сдѣлать нужныя по этому распоряженія и Сенатъ положилъ собрать въ Новгородской губерніи, какъ самой близкой къ Петербургу, по четверику съ души; государь утвердилъ это опредѣленіе. Долгорукой не присутствовалъ при этомъ; но когда послѣ того пріѣхалъ въ Сенатъ, ему представили опредѣленіе, утвержденное уже государемъ, то онъ, прочитавъ его, спросилъ сургучу и огня и, собравъ всѣ заготовленные указы, сложилъ ихъ вмѣстѣ съ опредѣленіемъ и запечаталъ, потомъ молча вышелъ, сѣлъ въ одноколку и уѣхалъ къ обѣднѣ. Товарищи его, сенаторы, не мало удивлялись такому поступку и, тотчасъ написавъ рапортъ, послали его къ государю, который въ то время былъ въ Адмиралтействѣ; въ рапортѣ было сказано, что Долгорукой всегда дѣлаетъ подобныя остановки безпрестанными своими сопротивленіями, и что изъ этого поступка видно, какъ онъ дерзокъ, когда не боится остановить даже высочайшие повелѣніе. Враги его, называя его умникомъ, торжествовали, считая паденіе его неизбѣжнымъ. Прочитавъ рапортъ Сената, Петръ I немедленно поѣхалъ туда, и, не найдя тамъ Долгорукаго, послалъ за нимъ. Посланный нашелъ князя Якова въ церкви и объявилъ ему высочайшее повелѣніе, на что Долгорукой отвѣчалъ «слышу», и спокойно остался въ церкви. Петръ I вторично посылаетъ за нимъ, и посланный получаетъ прежній отвѣтъ. Гнѣвъ монарха усилился тѣмъ болѣе, что сенаторы всячески старались еще болѣе раздражать

царя противъ Долгорукаго, выставляя его какъ ослушника царя. Раздраженный монархъ посылаетъ въ третій разъ, съ приказаніемъ сказать Долгорукому, что съ нимъ будетъ поступлено какъ съ ослушникомъ верховной власти, если онъ сейчасъ же не явится. Но Долгорукой продолжаетъ молиться, и нѣсколько разъ въ-слухъ повторяетъ: «Воздадите Кессарево Кесареви и Божія Богови». Тогда посланный спрашиваетъ его, что онъ прикажетъ донесть государю. «Донеси», сказалъ князь, «то что видишь и слышишь». Обѣдня была на исходѣ и посланный едва успѣлъ передать государю слова Долгорукаго, какъ тотъ, достоявъ обѣдню, самъ пріѣхалъ. Въ пылу гнѣва, Петръ I выхватываетъ кортикъ и кидается на Долгорукаго, говоря: «Ты долженъ умереть, какъ ослушникъ царской воли и ослушникъ его повелѣнія!» Долгорукой, раскрывъ грудь свою, безъ страха отвѣчаетъ: «Я готовъ принять смерть за правду, и ты будешь Александръ, а я Клитъ». Слова эти совершенно обезоружили государя; онъ, какъ будто испугавшись, отскочилъ на нѣсколько шаговъ отъ Долгорукаго и, поглядѣвъ ему прямо въ глаза съ полминуты, сказалъ: «Какъ ты осмѣлился остановить опредѣленіе, утвержденное мною?» «Ты самъ велѣлъ мнѣ, государь,» отвѣчалъ князь: «представить тебѣ истину и стараться о пользѣ твоей и народа!» «Но гдѣ же взять хлѣба? Развѣ ты хочешь допустить до голода?» «Боже сохрани, государь! и отвращеніе мнимой опасности не стоитъ такого безпокойства твоего и сихъ господъ (указавъ на сенаторовъ). Средство это въ нашихъ рукахъ, съ тою еще выгодою, что Новгородская губернія, которая болѣе другихъ испытала тягость войны, не будетъ обременена сильнымъ налогомъ. Сядь государь и выслушай. У меня, у Меньшикова и прочихъ сколько кулей муки, что для собственнаго продовольствія довольно и половины; провіантъ твой будетъ сюда, по-крайней мѣрѣ, чрезъ два мѣсяца, такъ пока, взявъ этотъ лишній хлѣбъ отъ насъ, слишкомъ довольно для твоего войска и гражданъ бѣдныхъ, и не на два мѣсяца. Ты же какъ получишь, то намъ и возвратишь, и мы вмѣсто лежалой по-

лучишь свѣжую. Да и не думаешь-ли ты, государь, продолжалъ Долгорукой, чтобъ крестьянинъ въ подобномъ случаѣ могъ-бы раздѣлаться однимъ четверикомъ? Нѣтъ: ему мало будетъ на раздѣлку и двухъ; воры-коммиссары сыщутъ къ тому средство: подъ предлогомъ муки дурной не станутъ ея принимать, и крестьянинъ принужденъ будетъ съ поклонами просить, чтобъ хоть вдвое, да взяли, только-бы не мучили».

Петръ, выслушавъ это, сказалъ: «Гг. сенаторы, чтожъ вы теперь молчите и не противорѣчите? Правду-ль онъ говоритъ, или нѣтъ?» Тогда всѣ признали, что Долгорукой правъ, и изъявили готовность отдать всѣ свои избытки, а государь благодарилъ Долгорукаго.

Однажды Петръ I, желая раньше вывесть флотъ въ море и нуждаясь для сего въ не маломъ количествѣ хлѣба, прислалъ въ Сенатъ указъ, коимъ повелѣвалось доставить къ веснѣ съ низовыхъ мѣстъ нужное для сего количество. По прочтеніи въ Сенатѣ этого указа, Долгорукой покачалъ головой и сказалъ: «Спустя лѣто, да въ лѣсъ по малину; время осталось мало, доставка станетъ вдвое дороже, а государь имѣетъ нужду въ деньгахъ» и, сказавъ это, положилъ указъ подъ сукно.

Государь, которому тотчасъ донесли объ этомъ, немедленно прибылъ въ Сенатъ и спросилъ съ досадою: «Исполнено-ли по послѣднему моему указу?» «Не исполнено», отвѣчалъ Долгорукой: «потому что исполнить не можно». Государь съ гнѣвомъ перебилъ его рѣчь. «Отъ тебя я слышу только противорѣчіе, но съ чѣмъ же мнѣ мой флотъ вывести въ море?» «Не гнѣвайся, государь, но выслушай сперва. Время уже упущено; къ веснѣ не иначе можно доставить хлѣбъ, какъ за двойную цѣну, а ты и въ деньгахъ имѣешь нужду, а если еще хлѣбъ, что и полагать должно, не поспѣетъ, къ назначенному времени, то ты на насъ еще болѣе будешь гнѣваться. А можно и безъ того исправиться, и флоту твоему своевременно выйдти въ море. Ко мнѣ скоро сюда будетъ больше хлѣба, чѣмъ для дома моего нужно, къ Меньщикову тоже

да чай и у всей нашей братьи тоже. Такъ ты, государь, можешь у всѣхъ насъ избытки отобрать, а въ свое время, когда хлѣбъ прійдетъ, ты намъ всѣмъ вернешь; тогда и мы безъ убытка будемъ. А хлопотъ уже никакихъ; вотъ почему указа твоего исполнить было неможно». Государь поцѣловалъ Долгорукаго въ голову и сказалъ: «Спасибо, дядя, ты, право, умнѣе меня, и не напрасно называютъ тебя умникомъ».— «Нѣтъ, государь», отвѣчалъ Долгорукой: «неумнѣе, а у меня дѣла меньше, и потому есть время обдумать, да и тутъ иногда ошибаюсь; у тебя же дѣлъ безъ числа, такъ и не диво, что ты иногда не обдумаешь». Послѣ этого государь, взявъ свой указъ, при всѣхъ разодралъ его.

Въ другой разъ Петръ I прислалъ указъ о наборѣ рекрутъ; Долгорукой его опять положилъ подъ сукно; оберъ-прокуроръ и сенаторы стали представлять ему, какъ онъ осмѣливается останавливать имянной указъ; Долгорукой отвѣчалъ: «Знаю, что дѣлаю». Доложили государю, и тотъ потребовалъ Долгорукаго къ себѣ. «Государь», сказалъ Долгорукой: «ты отецъ своихъ подданныхъ, а сколько рукъ каждый разъ отнимаешь отъ семействъ, тогда какъ по спискамъ видно, что у тебя въ бѣгахъ болѣе того числа, чѣмъ тебѣ нужно, объяви прощеніе, и всѣ явятся».— Выслушавъ это, государь сказалъ: «Добро, дядя! отвѣдаю поступить по твоему, и увидимъ, будетъ-ли такъ, какъ ты сказалъ». Прощеніе было обнародовано, и дѣйствительно явилось столько, что наборъ былъ отложенъ.

Разъ Петръ I, присутствуя въ Сенатѣ, приказалъ написать указъ для наряда изъ губерніи рабочихъ. Всегда вѣрный своимъ правиламъ, Долгорукой останавливаетъ его, говоря: «Пора-бы тебѣ губерніи отъ сего освободить». «Такъ по твоему», возразилъ государь: «надо и работы остановить?» — «Время уже обѣдать», отвѣчалъ Долгорукой, «а хлѣбъ-соль не бранится; пожалуй ко мнѣ, государь, откушать, такъ я тебѣ докажу, что и наряду работниковъ изъ губерніи не надобно, и работы твои неостановятся». «Хорошо», сказалъ монархъ: «поѣдемъ; что-то я отъ тебя услышу?» По пріѣздѣ въ домъ Долгорукаго, на

Васильевскій островъ, и послѣ рюмки водки, Долгорукой такъ сказалъ: «Теперь, государь, война приходитъ къ окончанію; почти половина твоей арміи будетъ безъ дѣла; отправь-ка ихъ на работы и сверхъ жалованья давай заработанныя деньги, какъ работникамъ платятся; губерніи будутъ благословлять тебя, а солдаты, занятые дѣломъ, не избалуются». Государь согласился и далъ новый указъ.

Гвардія, при Петрѣ I, имѣла плащи зеленые, по гербу Романовыхъ, а армія—синіе, національнаго цвѣта. Однажды Долгорукой, по недостатку синяго сукна, отпустилъ на полкъ князя Меншикова зеленое; тотъ, принявъ это за волю государя и отличіе, крайне удивился, когда на слѣдующій годъ снова отпустили синее; почему послалъ къ Долгорукому полковника спросить, для чего Долгорукой отпусилъ не такого колера. Полковникъ, посланный къ Долгорукому, былъ изъ выслужившихся и обязанъ своимъ возвышеніемъ ходатайству Меншикова. Не понявъ слова *колеръ*, онъ сказалъ: «Отчего ваше сіятельство отпустили на полкъ его свѣтлости сукна не такого *колибра*?»—Что ты говоришь?—спросилъ Долгорукой. «Не такого колибра», повторилъ полковникъ. «Глупъ, братъ, ты!» сказалъ князь Яковъ: «да и тотъ таковъ же, кто тебя и въ полковники произвелъ», и съ тѣмъ его отпустилъ.

Узнавъ этотъ отвѣтъ, князь Меншиковъ не преминулъ излить свою желчь при первомъ удобномъ случаѣ, который вскорѣ представился при спускѣ корабля, построеннаго Меншиковымъ. Государь былъ очень веселъ и пировалъ у него. Меншиковъ подводитъ къ государю полковника, который, упавъ на колѣни, приноситъ Петру жалобу на Долгорукаго, говоря, что онъ не его одного обругалъ, а сказалъ, что «дуракъ тотъ, кто тебя произвелъ въ полковники». Долгорукой сидѣлъ за особымъ столомъ, но адъютантъ его, Наумовъ, бывъ свидѣтелемъ этого, успѣлъ все передать князю. Выслушавъ жалобу, Петръ подошелъ прямо къ Долгорукому и съ гнѣвомъ спросилъ: «Давно-ли и я у тебя въ дураки попалъ?» Долгорукой всталъ и отвѣчалъ, что этотъ вопросъ удивляетъ его. «Да развѣ ты не ска-

залъ присланному отъ Меншикова полковнику, что онъ дуракъ, а также и тотъ, кто произвелъ его? А ктожь жалуетъ въ полковники? Вѣдь, это я; слѣдовательно, и я у тебя дуракъ?» — «Нѣтъ, государь, этого ты на свой счетъ принять неможешь. Ты знаешь, какъ я тебя разумѣю; а сіе сказано мною о Меншиковѣ, который дурака этого, изъ подлости взявъ, довелъ, по дарованной ему отъ тебя власти, до подполковниковъ, а тамъ убѣдилъ тебя произвести его и въ полковники. Спроси, гдѣ онъ служилъ и чѣмъ отличался?» Затѣмъ Долгорукой пересказалъ государю требованіе Меншикова и разговоръ свой съ полковникомъ. Тогда государь сказалъ: «Хорошо дядя; я все сказанное тобою изслѣдую», и тутъ же приказалъ полковника посадить въ крѣпость.

На другой день утромъ къ Долгорукому пріѣхалъ князь Меншиковъ, чтобы просить за полковника. «То-то и есть, князь», отвѣчалъ Долгорукой: «надо-бы вамъ сначала со мной переговорить, а потомъ уже идти къ государю; а теперь я не буду имѣть случая ходатайствовать раньше спуска моего корабля. Работниковъ у меня маловато, да и достать ихъ нельзя». Тогда Меншиковъ предложилъ своихъ работниковъ, еще нераспущенныхъ, и чрезъ нѣсколько дней корабль былъ готовъ. Петръ I присутствовалъ при спускѣ каждаго корабля; ему обыкновенно сопутствовали государыня и знатныя особы, которыя потомъ вмѣстѣ съ ихъ величествами обѣдали у строителя корабля; такъ было и теперь. Послѣ стола государь былъ очень веселъ; взявъ подъ руку государыню, онъ подошелъ къ Долгорукому и сѣлъ съ ней подлѣ князя. «Дядя нашъ больше намъ другъ, нежели подданный; правда, мнѣ говоренная имъ, это доказываетъ; и ты должна его любить столько же, какъ и я», и, обратясь къ Долгорукому, сказалъ: «Проси, дядя, у меня что только угодно». — «Такъ прости же арестованнаго полковника, я больше ни о чемъ тебя нетружу».

Петръ I, похваливъ его великодушіе, тотчасъ же велѣлъ исполнить его просьбу.

По неизвѣстному доносу, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго

1716 года, учреждена была коммиссія для изслѣдованія поступковъ Долгорукаго, которая, невзирая на всѣ старанія Меншикова, совершенно его оправдала. Тогда Петръ I-й въ присутствіи всей коммиссіи со слезами обнялъ его и сказалъ: «Дядя! прости, но доносчика съ тобой будетъ судить Богъ, а выдать его не могу».

Полковникъ Блеклый имѣлъ въ Сенатѣ тяжебное дѣло съ богачемъ Зотовымъ, Долгорукой лично увѣрялъ Блеклаго, что онъ въ Сенатѣ долженъ его выиграть, потому что онъ правъ; но Сенатъ отказалъ Блеклому, и Долгорукой это рѣшеніе подписалъ. Узнавши это, Блеклый пришелъ къ Долгорукому, и тотъ сказалъ ему: «ты, братецъ, правъ, а Зотовъ виноватъ; проси государя», и самъ продиктовалъ Блеклому па Сенатъ прошеніе.

Въ то время коммиссіи прошеній небыло, и всякій могъ прямо государю подавать на Сенатъ прошеніе.

Блеклый засталъ государя въ Адмиралтействѣ, съ топоромъ въ рукахъ. Замѣтя, что у Блеклаго бумага, государь сѣлъ на обрубокъ и, спросивъ, въ чемъ жалоба и на кого, прибавилъ: «А! Долгорукой подписалъ, такъ возьми обратно жалобу». «Государь», сказалъ Блеклый: «самъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукой мнѣ самъ ее правилъ, и, несмотря на то, что и онъ противъ меня рѣшилъ, а все находитъ мое дѣло правымъ». Это заставило государя взять жалобу. Прочитавъ ее, онъ сказалъ: «хорошо, разсмотрю», и сейчасъ-же послалъ за Долгорукимъ. Лишь только вошелъ князь Яковъ, Петръ I-й спросилъ. «Кто виноватъ, Блеклый или Зотовъ?»— «Зотовъ, ваше величество». «Да какъ же ты подписалъ опредѣленіе, въ которомъ Блеклый обвиняется?» — «Сильная рука Зотова превозмогла», сказалъ Долгорукой. «Нынѣ наступили святки, а онъ и то брата моего, по злобѣ на него, уже опоилъ, то если-бы и я его обвинилъ, было-бы и мнѣ то же; а какъ ты, государь, обвинишь, не на кого сердится». Но государь не былъ доволенъ этимъ и, перерѣшивъ дѣло, наложилъ на всѣхъ виновныхъ штрафъ, а на Долгорукаго двойной.

Въ дѣлѣ князя Гагарина, князь Меншиковъ былъ на его

сторонѣ, и государыня чрезъ него принимала въ Гагаринѣ участіе; но боялись Долгорукаго. Тогда чрезъ деньги подкупили его управляющаго, который склонилъ князя Якова купить у Гагарина палатку за 1000 р., которая стоила 5000 руб.

Когда казнили Гагарина, то донесли на Долгорукаго, что онъ взялъ взятку. Долгорукой отвѣчалъ: «это неправда». «Отчего у тебя палатка Гагарина?», сказалъ ему Петръ. «Она куплена за 1000 р., я самъ и деньги платилъ». «Знаю», отвѣчалъ царь: «но она стоитъ 5000, а деньги, тобою заплаченныя, твой управитель взялъ себѣ». Князь сознался, что онъ дурно поступилъ. Уличенный въ лихоимствѣ, управитель былъ сосланъ.

Задумавъ рыть Ладожскій каналъ, Петръ I въ Сенатѣ подписалъ указъ посылать для рытія онаго помѣщичьихъ крестьянъ Новгородской и С.-Петербургской губерній. На другой день пріѣхалъ въ Сенатъ Долгорукой и, узнавъ объ этомъ, сталъ спрашивать, и въ пылу спора разорвалъ указъ; въ самое это время входитъ Петръ I и видитъ смятеніе. Генералъ-прокуроръ съ трепетомъ подаетъ ему подписанное имъ и разодранное Долгорукимъ опредѣленіе. Долгорукой опомнился, просилъ за дерзость свою прощенія и предложилъ вмѣсто крестьянъ посылать на работы плѣнныхъ шведовъ, на что Петръ и согласился.

Узнавъ, что Петру крайне нуженъ милліонъ рублей, голландцы, бывшіе въ Петербургѣ, предложили царю эту сумму съ тѣмъ, чтобы дать имъ на откупъ, на 16 лѣтъ, внутреннюю торговлю, увѣряя, что отъ этого Россіи не будетъ никакого вреда.

Долгорукой возсталъ противъ этого предложенія и доказалъ, что голландцы разорятъ государство и подорвутъ всю торговлю. Чтобы болѣе убѣдиться въ справедливости мнѣнія Долгорукаго, государь пригласилъ на совѣщаніе московскаго гостя Евреинова и прочихъ знаменитыхъ купцовъ, и всѣ они подтвердили слова Долгорукаго, почему голландцамъ и было отказано.

Вслѣдъ за этимъ Долгорукой, прибывъ однажды въ Сенатъ и прочитавъ указъ, подписанный Петромъ, разодралъ его на мелкія части. Сенаторы ужаснулись, встали и спрашивали его: знаетъ-ли онъ, что сдѣлалъ? «Знаю», отвѣчалъ Долгорукой съ жаромъ: «что я сдѣлалъ, и буду отвѣтствовать за сіе предъ Богомъ, государемъ и отечествомъ». Когда государь прибылъ и узналъ случившееся, то съ гнѣвомъ спросилъ Долгорукаго: «Что побудило тебя къ столь дерзкому поступку противу моей особы?» «Ни что иное», отвѣчалъ Долгорукой: «какъ ревность къ твоей славѣ и къ благосостоянію твоихъ подданныхъ. Не поставь мнѣ во зло, государь, ежели смѣю уповать на мудрость твою, и что ты собственную свою землю не хочешь такъ разорять, какъ король шведскій».

Петръ I обнялъ и разцѣловалъ Долгорукаго. «Хорошо, дядя, но впредь говори, но драть не должно». «Горячь, батюшка-государь!» «И за мною, дядя, тотъ-же грѣхъ, а потому впредь остерегайся».

Было время, когда старшая линія Долгорукихъ была въ славѣ; всѣ Долгорукіе тогда въ ней заискивали; и не удивительно: она всегда сочувствовала и радостямъ, и горю прочихъ линій, чѣмъ тѣ ей никогда не платили и не платятъ. Князь Яковъ былъ старшей линіи, о которой мы теперь повѣствуемъ. Узнавъ, что князья Михайло и Василій Владиміровичи Долгорукіе (со всѣмъ другой, чѣмъ онъ линіи), впали въ подозрѣніе и взяты подъ стражу (¹), онъ, сочувствуя ихъ несчастію, написалъ нижеслѣдующее письмо къ государю, называя ихъ въ немъ даже родственниками:

«Премилосердный государь! скорѣе-бы я чаялъ отверзти землѣ челюсти своя и поглотите мя, нежели, пришедши на западъ живота моего, впасти во имя злодѣйскаго рода, якобы былъ съ стороны злодѣйствія, понеже въ томъ утверждаюся Богомъ и чистою совѣстію, ибо непоколебимо весь мой

(¹) По дѣлу царевича Алексѣя Петровича.

родъ пребывалъ отъ начала и до нынѣ, въ чемъ свидѣтельствуютъ и дѣла.

«Первое съ начала Богомъ даннымъ тебѣ державы зложелающимъ, оное дѣло опровергнуто богомерзкимъ бунтомъ, въ которомъ родственники мои злую смерть приняли, и тѣло мертвое, духъ ихъ ругательски на части изсѣчено было и съ навозомъ смѣшено, ни за что иное, токмо за благожеланіе и истинную вѣрность къ высокой вашего величества державѣ, и мы, я и всѣ три брата моихъ, еще въ незастылой крови сродниковъ нашихъ, не устрашась смерти, какъ было въ Троицкомъ монастырѣ, такъ и всегда, — противны злу были; не боясь, явно показали себя въ вѣрной службѣ вашего величества; не взирая на объявленныя намъ за то казни и смерти, готовы всегда были умрети, и въ томъ намѣреніи прежде были и нынѣ пребываемъ и должны пребывать до смерти нашей и не токмо за дѣло, но и за слово души своя полагать всегда готовы, о чемъ свидѣтельствуюсь явно (1), ибо недавно, въ прошедшее время, въ поученіи нѣкоемъ явилися не пристойныя слова, которыя, услышавъ, не устрашася и не разсуждая лица сильнаго (2) вмѣнится мнѣ за благо, утверждаемъ токмо единою правою совѣстію моею, принявъ дерзновеніе обличилъ и явно запретилъ, о чемъ вашему величеству извѣстно, за что мнѣ въ воздаяніе обѣщана лютая на колѣ смерть; и въ иныхъ во всякихъ дѣлахъ какъ Богу, такъ и вашему величеству желаетъ явится въ правдѣ и въ вѣрности. Но все оное вышеупомянутое не есть предъ вашимъ величествомъ яко бы излишняя служба, но наша рабская должность и милость вашего величества, изливаемая на насъ токмо по единому милосердію. Нынѣ принужденъ я недостойнымъ моимъ воплемъ отягчить вашего величества дрожайшія ушеса. Пре-

---

(1) Это относится къ слѣдующему случаю; когда, во время правленія царевны Софіи, одинъ священникъ сталъ говорить возмутительную проповѣдь народу противъ Петра I, то Долгорукой, согнавъ его, вмѣсто него сказалъ сильную рѣчь — въ защиту Петра.

(2) То-есть царевны Софіи; она угрожала посадить Долгорукаго на колъ.

клони, господи, ухо твое и услыши гласъ раба твоего, въ день зла моего вопіюща къ тебѣ!

«Вижу нынѣ сродниковъ моихъ впадшихъ въ нѣкое прегрѣшеніе, и аще дѣлъ ихъ подлинно не вѣдаю, однако то вѣдаю: никогда они ни въ какихъ злохитрыхъ умыслахъ не были, чему и причины есть, понеже весь мой родъ ни чрезъ кого не имѣлъ себѣ происхожденія къ добру, токмо чрезъ единую вашего величества высокою милость, о ней же до нынѣ живемъ есьмы. Развѣ явилась вина ихъ въ какихъ дерзновенвенныхъ словахъ, можетъ быть, неразсудными безъ умыслу злаго словами предъ Богомъ и вашимъ величествомъ винны. Извѣстно вашему величеству оное дерзновенное состояніе и слабость не обузданнаго языка, который иногда съ разумомъ не согласуется; ибо не только то не могъ удержать, что имѣлъ въ умѣ своемъ, но иногда и то, можетъ быть, не обузданный языкъ произносилъ, чего никогда и въ умѣ не имѣлъ, но, яко премилосердный государь, благоволи милостивому разсужденію предложить: ино есть дѣло злое, ино есть слово съ умысломъ и намѣреніемъ злымъ, а ино есть слово дерзновенное безъ умыслу, и хотя не безвинное, аще бы и въ меньшемъ изъ того погрѣшили и достойное мѣсти явились, обаче не такой, какой достойны злодѣи умысломъ винные, дабы оное за вину ихъ было имъ однимъ тяжко, а насъ бы, безвинныхъ, во время престарѣнія нашего, тѣ ихъ вины не сгубили, зане намъ собою всенароднаго обычая перемѣнить невозможно, понеже порокъ одного злодѣя виннаго привязывается и къ невиннымъ угодникамъ. Того ради падая, яко неключивые раби молимъ: помилуй, премилосердный государь, да не снидемъ въ старости нашей во гробъ, во имяни рода злодѣевъ, которое можетъ не только отнять доброе имя, но и безвременно вервь живота пресѣчь, и паки вопію со слезами: помилуй, премилосердный государь!

Вашего Величества
вѣрный рабъ
«князь Яковъ Долгорукой».

Письмо это, однако, не спасло ихъ: они были сосланы, но чрезъ нѣсколько лѣтъ возвращены изъ ссылки. Первый умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, въ 1750 году, а второй — генералъ-фельдмаршаломъ, въ 1746 году.

Смерть царевича Петра Петровича, сына Петра I, отъ второй его супруги, такъ огорчила императора, что онъ заперся въ кабинетѣ и трое сутокъ оставался безъ пищи, никого къ себѣ не допускалъ, даже и супругу свою, сколько она не стучалась въ дверь и не просила его. И безъ того уже убитая горемъ, государыня отъ этого еще болѣе приходила въ отчаяніе. Опасеніе лишиться супруга — заставило ее ночью послать за Долгорукимъ, зная его рѣшительный характеръ и любовь къ нему государя. Когда князь Долгорукой пріѣхалъ, государыня сообщила ему свой страхъ и отчаяніе и просила его совѣта.

«Лягъ, матушка, и успокойся, а завтра, Богъ милостивъ, все перемениться», сказалъ князь, и уѣхалъ.

Пріѣхавъ домой, Долгорукой отъ имени государыни разослалъ всѣмъ сенаторамъ записки, что, дескать, она желаетъ чрезвычайнаго собранія въ Сенатѣ.

Когда утромъ всѣ сенаторы съѣхались, Долгорукой объявилъ имъ, въ какомъ опасномъ положеніи государь и государыня, и просилъ имянемъ ея явиться во дворецъ и вывесть изъ уединенія государя.

Тогда всѣ сенаторы отправились во дворецъ. Дойдя до двери той комнаты, въ которой заперся государь, Долгорукой постучался; но государь молчалъ; Долгорукой сталъ сильнѣе стучаться и просилъ отпереть, крича, что весь сенатъ пришелъ до его величества съ докладомъ о чрезвычайно-важномъ дѣлѣ.

Петръ I подошелъ къ дверямъ, но все еще ни слова не говорилъ; Долгорукой сталъ стучаться еще сильнѣе, крича, что дѣло не терпитъ отлагательства, и если государь не отопретъ,—то они выломаютъ дверь, и онъ, продолжая упорствовать, можетъ лишиться престола.

Тогда государь отперъ дверь, и, выйдя изъ кабинета, весьма удивился, увидя весь Сенатъ. «Чего вамъ надо?» спросилъ онъ. «Странное твое отъ насъ удаленіе и безполезная печаль твоя государство привели въ замѣшательство и, если ты не выйдешь изъ своего уединенія и еще далѣе отъ правленія будешь уклоняться, то государственные чины вынуждены будутъ избрать правителя вмѣсто тебя».

Государь, обѣщая сенаторамъ разсѣять свою печаль, тотчасъ съ ними пошелъ къ государынѣ, и, обнявъ ее съ нѣжностію, сказалъ: «Такъ и быть, Катенька, не станемъ больше роптать па то, что Богъ сдѣлалъ». Государь оставилъ всѣхъ сенаторовъ у себя обѣдать и, съ того времени, опять принялся за дѣла.

Въ 1720 году у Долгорукаго открылась водяная, обнаружившаяся опухолью груди. Іюня 24 князь скончался, не взирая на всѣ старанія врачей и самого императора. По увѣренію г. Постникова, внука Ивана Ивановича Постникова, который служилъ у князя Якова Ѳедоровича, государь самъ прописывалъ рецепты. Гдѣ князь Яковъ Ѳедоровичъ погребенъ— ни кто навѣрное на знаетъ; одни говорятъ: у Андрея Первозваннаго, но это опровергается крѣпостнымъ журналомъ, гдѣ сказано, что тѣло везено мимо крѣпости; другіе:—у Троицы, на Петербургской Сторонѣ. Князь Петръ Долгоруковъ думаетъ, что князь Яковъ Ѳедоровичъ погребенъ въ лаврѣ. Бурное время Бирона и гоненія его на родъ Долгорукихъ поглотили много дорогаго для потомства. Князь Яковъ былъ женатъ два раза: первая супруга была Ульяна Наумова, отъ которой у князя Якова одна дочь, княжна Анна, супруга поручика Алексѣя Петровича Шереметева; она скончалась 1746 г.; вторая супруга его была княжна Ирина Михайловна Черкаская, отъ которой онъ имѣлъ дочь, княжну Екатерину, которая была крестницею императрицы Екатерины I и скончалась въ малолѣтствѣ. Слѣдственно, ясно видно, что послѣ князя Якова не осталось мужскаго потомства; и такъ, князь Сергій Васильевичъ, недавно воспѣтый какимъ-то біографомъ, не есть

послѣдній потомокъ князя Якова; онъ даже не принадлежитъ къ этой линіи [1].

Князь Яковъ былъ высокого роста, лицо имѣлъ полное, глаза черные, носъ нѣсколько-сгорбленный, волосы темнорусые, станъ стройный; до смерти неимѣлъ большаго живота. Домъ князя Якова въ С.–Петербургѣ былъ на Васильевскомъ островѣ, въ 13 линіи, а въ Москвѣ –на Покровкѣ; уцѣлѣвши отъ пожара 1812 г., онъ до 1835 г. оставался безъ большихъ передѣлокъ; нынѣ принадлежитъ какому-то купцу. Одно изъ имѣній князя Якова, село Яковлевка, перекупками перешло къ дѣду Твороговой, которая по сему вздумала выводить свой родъ отъ старшей линіи князей Долгорукихъ. Еще замѣчательнѣе ея продѣлка при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. При учрежденіи государственныхъ имуществъ, при описяхъ казенныхъ имѣній открылось, что лѣсъ подъ Тулою принадлежалъ сенатору князю Якову Ѳедоровичу Долгорукому. Какими-то судьбами, на него никто не предъявлялъ еще правъ; пошло дѣло въ Государственный Совѣтъ, и онъ нашелъ, что лѣсъ и населенная земля могли наслѣдниками быть оставлены безъ управленія. Но такъ какъ не отыскано, были ли сдѣланы вызовы наслѣдниковъ, то Совѣтъ присудилъ лѣсъ этотъ отдать тому, кто изъ потомковъ князя Якова окажется ближайшимъ наслѣдникомъ. Изъ ближайшихъ наслѣдниковъ никто объ этомъ не узналъ. Творогова, провѣдавъ объ этомъ и боясь публикаціи, явилась въ Министерство, представила наслѣдственный раздѣлъ отъ отца о селѣ Яковлевкѣ, что оно перекуплено, представляя и то, что село это было князя Якова, и предложила уступить казнѣ за 100 тысячъ рублей ассиг. этотъ милліонный лѣсъ; дѣло такъ и кончилось. Министерство, видя дешевизну, не стало много разъискивать; а той нужно было, чтобы Долгорукіе, Шереметевы и Черкаскіе не узнали-бы. Прошло цѣлыхъ

---

(1) Князь Яковъ, какъ честная личность, ярко рисуется въ эпоху царствованія Петра I. Честность его -- вошла въ поговорку. См. о немъ въ приложеніи. Прим. К. В. Д.

10 лѣтъ прежде, чѣмъ эта продѣлка Твороговой стала извѣстна прямымъ наслѣдникамъ князя Якова.

Кресло Якова Долгорукаго подарено Твороговою князю Василію Васильевичу Долгорукову, т. е. Долгорукому 3 линіи.— Подлинный портретъ въ миніатюрѣ, въ медальонѣ, находится у князя Алексѣя Владиміровича, [1] а также печатный портретъ того времени, грубо-гравированный. Портретъ масляными красками (большой овальный) былъ у Голенищевой — Кутузовой, Елены Ивановны, урожденной княжны Долгорукой, но куда онъ послѣ смерти ея вмѣстѣ съ прочими фамильными портретами дѣлся — неизвѣстно.

Князь Лука Ѳедоровичъ вступилъ на службу стольникомъ, пожалованъ былъ воеводою съ назначеніемъ въ казанскій разрядъ; въ 1691 году переведенъ въ Кіевъ, оттуда въ 1693 году, въ Астрахань, въ 1697 г. въ гордъ Сѣвскъ, а въ 1703 г. назначенъ былъ судьею Казанскаго приказа. О бытности его въ казанскомъ приказѣ свидѣтельствуетъ имянной указъ, отъ 12 декабря 1706 г. (Тома II стр. 358 общ. Соб. Законовъ). Изъ этого приказа князь Лука Ѳедоровичъ уволенъ въ 1708 г.; гдѣ послѣ былъ и когда именно скончался — не извѣстно; можно только сказать, что онъ умеръ въ Москвѣ до 1725 г., оставивъ двухъ сыновей: князя Василія Лукича и князя Александра Лукича.

Князь Василій Лукичъ, въ 1673 г., вступилъ въ службу стольникомъ, въ 1687 г. назначенъ въ свиту посольства въ Парижъ и Испанію, состоящимъ при князѣ Яковѣ Ѳедоровичѣ. Но при выѣздѣ князя Якова изъ Парижа, ему велѣно было остаться тамъ, для изученія языковъ и наукъ. Здѣсь его связь съ одною придворною дамою и потомъ вниманіе самой королевы — дали ему случай сблизиться съ Лудовикомъ XIV, королемъ французскимъ, который самъ невольно увлекся благородною наружностію, блистательнымъ умомъ и рѣдкими способностями этого молодаго князя, которому, при прощаніи, пожаловалъ на память

[1] Одного изъ составителей настоящей книги.

портретъ свой. Современники говорятъ, что во Франціи ни одна особа не могла устоять противъ него, если онъ обращалъ на нее вниманіе. Мужья и всѣ вообще мужчины невольно послѣ первыхъ свиданій привязывались къ нему. По возвращенію въ Россію, участвовалъ въ обоихъ Азовскихъ походахъ, а въ 1697 г. назначенъ товарищемъ отцу своему, воеводѣ города Сѣвска, гдѣ и находился до 1700 г. Въ 1700 г. онъ назначенъ состоять при посольствѣ другаго дяди своего, Григорія Ѳедоровича, отправленнаго въ Варшаву. Въ 1701 г. князь Василій Лукичъ былъ свидѣтелемъ свиданія короля Польскаго съ царемъ въ Бирзинѣ, потомъ возвратился въ Варшаву и былъ на этомъ посту до возвращенія дяди своего князя Григорія Ѳедоровича. Послѣ мира Алт-Ранштадтскаго онъ былъ пожалованъ комнатнымъ стольникомъ, намѣстникомъ Бѣлозерскимъ и потомъ—чрезвычайнымъ посланникомъ въ Данію.

Въ 1715 г. князь Василій Лукичъ, за успѣшное посольство, былъ награжденъ отъ Петра I чиномъ тайнаго совѣтника. Въ грамотѣ короля датскаго къ Петру I Долгорукой осыпанъ лестными похвалами. Въ 1720 году, онъ назначенъ посломъ во Францію, съ цѣлію склонить эту державу быть посредницей въ мирѣ между Россіею и Швеціею, и присутствовалъ при коронованіи Лудовика XV.

По указу Петра I, Василію Лукичу Долгорукому, возвратившемуся въ Россію, велѣно вмѣстѣ съ вызваннымъ изъ Берлина посланникомъ графомъ Головинымъ, пріѣхать въ одинъ и тотъ же день въ С. Петербургъ, гдѣ Петръ I съ Сенатомъ, генералитетомъ и со всѣмъ дворомъ встрѣтилъ за заставою Долгорукаго и Головина, и, посадивъ ихъ въ золотую карету, цугомъ запряженную, велѣлъ ихъ везти по главной улицѣ къ дворцу въ сопровожденіи гвардіи; по пріѣздѣ куда, пожаловалъ обоихъ въ сенаторы.

1724 г. 7-го іюня онъ былъ посланъ въ Варшаву; того-жъ года 10 сентября вернулся въ С. Петербургъ, въ день свадьбы царевны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ. 1725 г., мая 21 дня, пожалованъ въ дѣйствительные тайные

совѣтники и посланъ снова въ Варшаву. Единственный сынъ его, князь Ѳедоръ Васильевичъ, извѣстный своими несчастіями и постоянствомъ въ любви, своимъ высокимъ благородствомъ и дружбою съ Сапѣгою, все время находился за границей и уже въ царствованіе Екатерины I-й, вызванный (какъ увидимъ въ III періодѣ) отцемъ, прибылъ въ Россію.

Князь Александръ Лукичъ вступилъ въ службу стольникомъ; пожалованъ въ 1710 году капитаномъ, въ 1715 году майоромъ; въ 1724 году полковникомъ, съ назначеніемъ командиромъ Тверскаго драгунскаго полка; онъ имѣлъ сына князя Якова Александровича и дочерей княжну Аграфену, супругу Алексѣя Ѳедоровича Шереметева, и княжну Марію, погребенную въ Москвѣ, въ Донскомъ Монастырѣ, гдѣ день рожденія показанъ 1713, а кончина 1786 — годовъ.

Князь Борисъ Ѳедоровичъ, герой и министръ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, прославилъ себя побѣдами надъ татарами, а при Алексеѣ Михайловичѣ въ думѣ составилъ, по высочайшей волѣ, уложеніе о управленіи государствомъ, дѣйствовавшее во все время царствованія Петра I. Онъ былъ такъ любимъ и уважаемъ иностранцами, жившими тогда въ Москвѣ, что еще при жизни его, съ высочайшаго соизволенія, ими воздвигнутъ былъ ему монументъ въ Китай-городѣ на лобномъ мѣстѣ; онъ, по преданію, стоялъ лѣвѣе монумента Минина и Пожарскаго и правѣе эшафота Пугачевскаго.

Изъ всѣхъ Долгорукихъ царевна Софья Алексѣевна уважала только его, да князя Якова Ѳедоровича. Она даже дозволяла ему прямо выражать свое мнѣніе о Голицынѣ, и онъ совѣтывалъ ей выдти замужъ и оставить правленіе. «Не лучше ли», говорилъ онъ: «быть супругою принца крови, чѣмъ въ чужія дѣла мѣшаться?» «Ну, хорошо! поставлю тебя вмѣсто Голицына», сказала Софія. — «Не прочь бы отъ чести», отвѣчалъ Долгорукой: «и любить, ваше величество, можно, но вы мѣшаетесь въ правленіе; рано или поздно, и мнѣ и вамъ прійдется поклониться, и потому не могу согласиться, ваше величество. Оставьте правленіе; я головой вамъ ручаюсь, что

Петръ Алексѣевичъ васъ оставитъ въ покоѣ и дозволитъ вамъ распоряжаться какъ вамъ угодно».

Долгорукой умеръ отъ яда, поднесеннаго ему въ винѣ на обѣдѣ царевны, по приказанію князя Голицына. Единственная дочь его, княжна Анна, была за Васильемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ, братомъ царицы Прасковьи Ѳедоровны и роднымъ дядею императрицы Анны.

Князь Григорій Ѳедоровичъ родился въ 1656 г.; въ 1670 г. вступилъ въ службу стольникомъ, безъ особаго значенія и отличія; участвовалъ въ обоихъ Азовскихъ походахъ, послѣ которыхъ пожалованъ въ комнатные стольники. Въ 1698 г. онъ назначенъ намѣстникомъ Ростовскимъ, а въ 1700 г. генералъ-адъютантомъ его величества; того же года былъ посланъ въ Варшаву. Въ 1701 г., послѣ свиданія короля съ царемъ въ Бирзенѣ, при чемъ онъ находился, князь Григорій оставленъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при польскомъ дворѣ. Король Августъ, при всемъ желаніи своемъ соединиться съ Россіею, не могъ этого сдѣлать, не имѣя достаточныхъ силъ даже два мѣсяца противостоять шведскимъ войскамъ; нанятыя же войска короля Саксонскаго не только не принесли ему ни какой пользы, но еще раздражили умы поляковъ и самихъ ихъ возтановили противъ короля. Тутъ послу дѣлать было нечего. Король шведскій, Карлъ XII, занявъ Варшаву, объявилъ Августа отрѣшеннымъ отъ престола, а на мѣсто его возвелъ Станислава Лещинскаго въ Варшавѣ, и короновалъ его. На сторонѣ Лещинскаго были двѣ сильныя партіи: гетмана князя Любомірскаго и примаса Радзіевскаго. Долгорукой, удалясь въ Сендоміръ, составилъ партію въ пользу законнаго короля, и, несмотря на силы шведовъ и мятежный духъ поляковъ, успѣлъ-бы поддержать Августа, если-бы могъ преодолѣть его малодушіе. Августъ ни на что не рѣшался; къ тому же, договоръ Алтъ-Ранштадскій, по коему поляки выдали представителя русскаго государя, генералъ-лейтенанта Паткуля, заставилъ Долгорукаго возвра-

титься въ Россію. Вслѣдствіе измѣны Мазепы, Долгорукой былъ посланъ въ Малороссію съ слѣдующею грамотою.

«1708 г. Ноября 1 дня.

«Божію споспѣшествующею милостію, мы, пресвѣтлѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и прочая. Наше царское величество объявляетъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ войска Запорожскаго:

«Полковникамъ, есауламъ, сотникамъ, атаманамъ и всей полковой старшинѣ и всему войску и народу, къ избранію новаго Гетмана, по указамъ нашего царскаго величества, съѣхавшимся, что понеже бывшій гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и свою къ намъ, великому государю, при крестномъ цѣлованіи присягу, измѣнилъ намъ, великому государю, безъ всякой данной ему къ тому причинѣ, и переѣхалъ къ королю шведскому, въ такомъ намѣреніи проклятомъ, дабы Малороссійскій край отдать въ порабощеніе еретикамъ, шведамъ и подъ иго полякамъ; о чемъ, какъ мы, великій государь, извѣстились, учиненъ у него съ королемъ шведскимъ и отъ него выбраннымъ на королевство польское Лещинскимъ договоръ. Того ради мы, великій государь, наше царское величество, яко государь и оборонитель всея Малыя, Россіи и народа сего, милосердуя о васъ, вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, намѣрены высокою особою своею всѣми силами васъ и весь народъ малороссійскій оборонять войсками своими великороссійскими. И дабы опередить сіе злое намѣреніе, того богоотступнаго измѣнника Мазепы, и ко исполненію онаго и Малороссійскаго краю до разоренія, церкви же святыя до оскверненія, и превращенія въ римскую вѣру и унію — не допустить: того ради посланы отъ насъ, великаго государя, нашего царскаго величества, во всѣ полки наши указы за подписаніемъ собственныя руки и печати нашея, дабы съѣзжались на избраніе новаго Гетмана, вольными голосами, по правиламъ и вольностямъ вашимъ, и уповаемъ, что вы, вѣрные наши подданные, разсуждая цѣлость отчизны своей и показуя намъ, великому го-

сударю, вѣрность по тѣмъ указамъ немедленно ко избранію новаго гетмана приступите, и единаго изъ вѣрныхъ знатныхъ и искусныхъ особъ, вольными голосами, по правамъ своимъ, на гетманство немедленно изберите, понеже нынѣшній случай ускореніе того дѣла требуетъ, дабы единодушно противъ общаго непріятеля, короля шведскаго, стать, и онаго войска, которыя уже отъ нашихъ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ бо́льшею частію побито и гладомъ и хладомъ померло, и до конечнаго разоренія привесть, и того измѣнника Мазепа прелести и замыслы пресѣчь и упредить, и тако свою отчизну отъ всякихъ опасностей и разоренія избавить и освободить. А мы, великій государь, наше царское величество, обѣщаемъ вамъ, вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, тому вольными голосами новоизбранному гетману, такожъ и генеральной старшинѣ, полковникамъ и есауламъ, сотникамъ и всей полковой старшинѣ и всему войску запорожскому, нашимъ царскаго величества словомъ, всѣ вольности права и привилегіи, которыя вы отъ времени принятія блаженныя и достохвальныя памяти отца нашего великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, подъ свою высокодержавную руку, гетмана Богдана Хмельницкаго съ войскомъ запорожскимъ и совсѣмъ малороссійскимъ народомъ приняли и потомъ при нашемъ царскаго величества государствованіи гетманы и всѣ войска имѣли свято ненарушимо и цѣло содержать; а васъ, вѣрныхъ своихъ подданныхъ, отъ нападенія всѣхъ непріятелей оборонять, и весь малороссійскій народъ въ непремѣнной своей милости содерживать, въ чемъ-бы вамъ, вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, на нашу царскаго величества милость быти благонадежнымъ. А на сіе избраніе новаго гетмана посланъ къ вамъ, вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, отъ насъ, великаго государя, министръ нашъ, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій.

Не взирая на то, что большинство желало вручить булаву полковнику Черниговскаго полка, Павлу Леонтьевичу Полуботкѣ, Долгорукой, боясь его ума и твердости и духа, опас-

ныхъ въ то время для Россіи въ человѣкѣ, занимающимъ санъ гетмана, склонилъ малороссійскихъ казаковъ выбрать гетманомъ полковника Стародубскаго полка, Ивана Ильича Скоропадскаго, который, при всей храбрости, былъ человѣкъ слабый и нерѣшительный. Онъ былъ утвержденъ Петромъ I, который, выразивъ въ письмѣ къ Долгорукому свое благоволеніе, назначилъ его начальникомъ части войска, съ которымъ князь, за двѣ недѣли до полтавской битвы, 1709 г. 14 іюня, напалъ на обозъ шведскій и, разбивъ генерала Крузе, гналъ его до мѣстечка Жуки, гдѣ была главная квартира Карла; того же года 27 іюня, Долгорукой участвовалъ въ полтавскомъ сраженіи, а 7-го іюля получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и нѣсколько деревень. Въ томъ же году, сопровождая Петра I, князь былъ свидѣтелемъ его свиданія, въ Торунѣ, съ королемъ Августомъ и въ Маріенвердерѣ — съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ I, а 7 Октября получилъ андреевскую ленту и снова полавъ посланникомъ въ Варшаву. Здѣсь онъ первый настоялъ у польскаго сейма роспускъ войскъ и подтвержденіе прежнихъ договоровъ 1686 и 1704 годовъ. Въ 1711 году онъ убѣдилъ польско-саксонскаго министра дѣйствовать союзными войсками противъ шведско-германскаго союза. Въ 1712 г. князь былъ отозванъ въ Петербургъ, и вмѣсто него дѣлами посольства правилъ—сначала князь Александръ Лукичъ Долгорукой, а потомъ Дашковъ. Впослѣдствіе опять князь Григорій Ѳедоровичъ возвратился къ своему посту, и въ 1717 г. истребовалъ для Бѣлорусской православной епархіи привилегіи въ огражденіе притѣсненій католиковъ и уніатовъ; но чрезъ то пріобрѣлъ много враговъ, что вынудило его просить объ отозваніи изъ Варшавы. Внимая его просьбѣ, Петръ I сдѣлалъ его сенаторомъ, а сына его, князя Сергѣя Григорьевича, назначилъ вмѣсто него.

Князь Григорій Ѳедоровичъ скончался скоропостижно, 15 Августа 1723 г., 66 лѣтъ отъ роду. Преданіе говоритъ, что будто-бы онъ былъ отравленъ въ Петербургѣ католиками. Онъ погребенъ въ Невской лаврѣ. Государь самъ провожалъ гробъ

его и плакалъ, когда опускали въ землю. Отъ супруги своей, княгини Маріи Ивановны Голицыной, онъ имѣлъ дѣтей: князей Алексѣя, Ивана, Сергѣя и Александра, и княжну Александру Григорьевну, супругу Салтыкова.

Князь Алексѣй Григорьевичъ всупилъ во флотъ 1709 г. и получилъ чинъ капитана отъ Петра I. Въ 1713 году онъ былъ посланъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а въ 1723 году Петръ I назначилъ его президентомъ главнаго магистрата. Отъ супруги своей, княжны Прасковьи Юрьевны Хилковой, онъ имѣлъ дѣтей: князей Ивана, Николая и Александра Александровичей, и княженъ — Екатерину и Анну Алексѣевенъ.

Князь Иванъ Алексѣевичъ родился въ 1708 г.; записанъ въ службу въ 1716 году, при посольствѣ дѣда своего; считаясь въ гвардіи, въ преображенскомъ полку поручикомъ, онъ воспитывался въ Варшавѣ при отцѣ до 1720 г., а съ 1723 г. былъ назначенъ къ нему, по особымъ порученіямъ.

Князь Николай Алексѣевичъ родился въ 1713 г., а въ 1724 г. записанъ въ службу при дворѣ.

Князь Алексѣй Алесѣевичъ родился въ 1716 г., а 1720 г. былъ записанъ во флотъ и 1724 г. получилъ отъ Петра I чинъ мичмана. Князь Александръ Алексѣевичъ родился 1718 года.

Князь Иванъ Григорьевичъ вступилъ въ службу въ гвардію, участвовалъ, при родственникахъ, во второмъ Азовскомъ походѣ; въ 1717 г. пожалованъ стольникомъ, въ 1720 г. поручикомъ, въ 1722 г. подполковникомъ и въ 1724 г.—полковникомъ.

Князь Сергій Григорьевичъ службу свою началъ при посольствѣ во Франціи, откуда переведенъ былъ въ посольство въ Австрію, а потомъ—въ Англію. Въ 1721 г. онъ назначенъ посломъ въ Вршаву, вмѣсто отца своего. Отъ супруги своей, княгини Мареы Петровны, урожденной боронесы Шафировой, имѣлъ сыновей: князей Николая, Василія, Петра и Григорія, и дочь княжну Анну, супругу князя Алексѣя Сергѣевича Голицына.

Князь Александръ Григорьевичъ службу началъ во флотѣ; въ 1724 г. былъ флота капитаномъ.

Второй періодъ нашей родословной няжъ, по настоящему, должно-бы окончить смертію дѣтей князя Ѳедора Ѳедоровича, умершихъ не задолго до смерти Петра I; но, желая обнаружить ябеду и клевету, взводимую сочинителями различныхъ статеекъ о родѣ Долгорукихъ, мы окончили II-й періодъ смертію Петра I, или, вѣрнѣе сказать, 1725 г., чтобы ясно можно было видѣть, въ какихъ отличіяхъ и чинахъ Долгорукіе остались послѣ его смерти.

Періодъ третій.

От 1725 г., или отъ смерти Петра I, до 1762 г., или до воцаренія Екатерины II.

При вступленіи на престолъ Екатерины I, изданъ былъ, 28 Января 1725 г., въ С. Петербургѣ, слѣдующій манифестъ:

«1725 года 28 Января. С. Петербургъ. Вѣдомо да будетъ всѣмъ, что по волѣ Всемогущаго Господа Бога, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій Петръ Великій императоръ и самодержецъ Всероссійскій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій, чрезъ двѣнадцатидневную жестокую болѣзнь отъ сего временнаго житія въ вѣчное блаженство отъиде и о наслѣдствіи престола Россійскаго не только единымъ его императорскаго величества блаженной и вѣчной достойной памяти манифестомъ, Февраля 5 дня прошлаго 1722 года, въ народъ объявлено, но и присягою подтвердили всѣ чины государства Россійскаго, дабы быть наслѣдникомъ тому, кто по волѣ императорской будетъ избранъ. А понеже въ 1724 году удостоилъ короною и помазаніемъ любезнѣйшую свою супругу, великую государыню нашу императрицу Екатерину Алексѣевну, за ея къ Россійскому государству мужественные труды, какъ о томъ

довольно объявлено въ народѣ печатнымъ указомъ 1723 года, Ноября 15 числа; того для:

Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ,

Высокоправительствующій Сенатъ и Генералитетъ,

Согласно приказали: во всенародное извѣстіе объявить печатными листами, дабы всѣ, какъ духовнаго, такъ воинственнаго и гражданскаго всякаго чина и достоинства люди о томъ вѣдали и ей всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержицѣ Всероссійской вѣрно служили». На подлинномъ подписано Сенатомъ, Сѵнодомъ и Генералитетомъ въ три столбца. Изъ подписавшихся въ числѣ генералитета, князь Василій Лукичъ Долгорукой подписался генералъ-лейтенантомъ и майоромъ гвардіи.

Изъ сего манифеста видно, что Екатерина I взошла на престолъ не по духовному завѣщанію Петра I, а — по избранію ея, но не народомъ, а чинами государственными, вопреки права: ибо коронованіе ея, въ званіе супруги Петра I, еще не давало ей права на Россійскій престолъ, тѣмъ болѣе, что были наслѣдники Петра Великаго — великій князь и царевны. Въ день брака царевны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ, 1725 г. 21 Мая, Екатерина I пожаловала князя Василія Лукича Долгорукаго въ дѣйствительные тайные совѣтники и затѣмъ отправила его на короткое время въ Варшаву, по домогательству Меншикова на курляндскій престолъ; но курляндское дворянство, подъ предлогомъ, что князь Меншиковъ православнаго вѣроисповѣданія, а по ихъ закону — глава ихъ правленія долженъ быть лютеранинъ, — отказало князю Меншикову въ его домогательствѣ.

«Премилосердая Государыня!

«Обрати око Твое на заслуги родственника моего князя Василія Владиміровича, который доселѣ служитъ полковникомъ, возврати ему все лишенное, аще оклеветанъ былъ предъ ли-

цемъ супруга твоего, неимѣвшаго даже для кормленія, ибо все отнято бысть.

Вашего Величества, Милосердая Государыня,
вѣрный рабъ
«Князь Василій княжъ Лукичъ Долгорукой».

Вслѣдствіе этого ходатайства, 4 Октября того же года, возвратили ему изъ отписанныхъ родовыхъ деревень его тѣ, которыя еще не были розданы; а 10 Октября былъ пожалованъ чиномъ генералъ-майора. Въ то же время императрица Екатерина I пожаловала князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, поручика гвардіи, въ каммеръ-юнкеры и назначила ко двору великаго князя Петра Алексѣевича; а посла князя Сергія Григорьевича отозвала изъ Варшавы.

Князь Василій Лукичъ привезъ сына своего, князя Өедора Васильевича, вернувшагося изъ-за границы, къ князю Василію Владиміровичу, человѣку уже испытавшему превратности судьбы; и тотъ сказалъ ему: «Зачѣмъ ты вернулся, любезный другъ? Неужели и это сердце», продолжалъ онъ съ кроткою улыбкою: «должно перестать биться для радости, любви и счастія? Неужели тебя соблазнило поприще славы? Имя, которое ты носишь, еще заранѣе вызываетъ тебя на бурное море и приведетъ тебя къ скаламъ и подводнымъ камнямъ».

По вторникамъ у князя Василія Лукича обыкновенно бывали гости, и князь Василій Владиміровичъ всегда бывалъ у него въ эти дни. При первомъ посѣщеніи, князь Василій Владиміровичъ взялъ за руку князя Өедора Васильевича и, отведя его въ сторону, сказалъ: «Ты видишь здѣсь всѣхъ вельможъ твоего отечества; а тамъ (указывая на Меншикова) — самаго сильнаго между всѣми; но повѣрь, что звѣзда, блестящая на груди его, покрываетъ заботами отягченное сердце, а легкая лента стоила ему нѣсколько лѣтъ тревожныхъ ночей; не смотря на то, что онъ кажется счастливымъ и веселымъ, онъ не имѣетъ спокойнаго сна; онъ рабъ — честолюбія и корысти».

Вечеромъ, когда остались одни Долгорукіе, князь Василій

Лукичъ обратилъ вниманіе своего сына, князя Ѳедора, на фамильные портреты: «Вотъ твои предки; начиная съ великаго князя Юрія Долгорукаго, всѣ они честно выполнили свои обязанности; сначала какъ владѣтели, а потомъ какъ подданные, они были вѣрны своему назначенію, полезны ближнимъ, царю и церкви».

При этихъ словахъ, князь Василій Владиміровичъ, нахмуривъ брови, сказалъ: «Лукичъ! укажи своему сыну того, который между всѣми Долгорукими только одинъ былъ счастливъ, только одинъ жилъ и умеръ спокойно, не испытавъ превратностей счастія; посмотри на него: онъ жилъ усдиненно въ своихъ помѣстьяхъ».

— Полно тебѣ, Владимірычъ, сердито сказалъ Лукичъ: — напѣвать всѣмъ несчастіе, посмотри на свой портретъ: чай, къ нему и жезлъ фельдмаршалскій не лишній-бы былъ; отчего этого не желать и другимъ?»

— Тому нѣсколько лѣтъ, Лукичъ, отвѣчалъ князь Василій Владиміровичъ, какъ я съ братомъ оставилъ Москву; насъ привезли однажды къ хижинѣ бѣднаго крестьянина для ночлега. Крестьянинъ сидѣлъ подлѣ своей жены и любовался дѣтьми, которыя около него играли. Тутъ пришелъ его братъ, только-что пріѣхавшій изъ столицы, и сталъ разсказывать о страшномъ происшествіи — о смерти великаго князя Алексѣя Петровича. Нашъ хозяинъ поблѣднѣлъ; онъ и жена его съ трепетомъ прижали къ груди дѣтей своихъ. Тогда я сказалъ брату на-ухо: «Этотъ человѣкъ можетъ быть супругомъ, отцомъ и братомъ, но великіе и сильные на землѣ — никогда!» А когда они узнали, что и мы были по сему дѣлу въ числѣ изгнанниковъ, то съ видомъ сожалѣнія сказали намъ: «Конечно, если-бы вы получили свободу, то никогда уже не пристали-бы ко двору». Мой отвѣтъ былъ: «Никогда нога моя не ступитъ опять на это опасное мѣсто». Но ты меня, Лукичъ, съ государыней вынудили нарушить клятву, такъ позволь хоть сыну исполнить ее за меня.

Тутъ, обнявъ князя Ѳедора, онъ всталъ и, прощаясь,

сказалъ: «Падалъ я въ пропасть несчастія и, избавившись изъ нея, хотѣлъ въ уединеніи умереть спокойно, но судьба невольно опять вызвала ко двору и, Богъ-вѣсть, на добро-ли!»

Не взирая на желаніе Лукича сдѣлать изъ сына придворнаго человѣка, не взирая на угрозы, на всѣ лестныя предложенія, князь Ѳедоръ добивался одного — уѣхать изъ Петербурга.

Разъ на обѣдѣ у князя Ивана Григорьевича, когда были и прочіе Долгорукіе, князь Ѳедоръ Васильевичъ сказалъ: «Я не могу смотрѣть на то, чтò здѣсь представляется глазамъ моимъ: я не рожденъ изгибаться горбомъ предъ вельможей изъ мужиковъ и, въ ту же самую пору, питать къ нему скрытную ненависть; я желалъ-бы лучше рубиться. Нельзя уже намъ возвыситься надъ Меншиковымъ, и я спрашиваю васъ, не такъ же ли и мы-бы поступили, еслибъ были на его мѣстѣ?»

— Не думаю, мой другъ, отвѣчалъ князь Василій Владиміровичъ: — но такъ-какъ ты хочешь рубиться, то я за тебя берусь хлопотать.

На слѣдующій же день князь Ѳедоръ получилъ повелѣніе ѣхать на Кавказъ и состоять волонтеромъ при генералѣ Матюшкинѣ. Меншиковъ радъ былъ просьбѣ: онъ всегда искалъ случая выжить Долгорукихъ изъ столицы; вотъ почему желаніе князя Ѳедорова такъ скоро исполнилось.

Генералъ Матюшкинъ былъ человѣкъ добрый; онъ съ радостію принялъ къ себѣ молодаго, хорошо-воспитаннаго князя.

На девятый день его прибытія въ главную квартиру, на нашъ передовой отрядъ напало до 8 тысячъ горцевъ. Собравъ, по приказанію генерала, боковые и задніе пикеты наши, состоящіе изъ драгунъ, Долгорукой кинулся съ этою горстью въ тылъ непріятелю, который, не взирая на значительное большинство силъ, отъ этого нечаяннаго нападенія обратился въ бѣгство. Тутъ подоспѣли другія наши войска, и на другой день заняли городъ Тархи, столицу шамхала Тарховскагó. Генералъ Матюшкинъ послалъ Долгорукаго къ императрицѣ съ донесе-

ніемъ, вопреки его желанію и намѣренію не возвращаться въ Петербургъ. Проѣхавъ Москву и приближаясь къ Петербургу, онъ обогналъ два экипажа, ѣхавшіе почти такъ же скоро, какъ и онъ; въ полдень подъѣхалъ онъ къ одному мосту, который былъ затопленъ водою, разлившейся отъ прорвавшей-ся выше плотины; недалеко стояла хижина. Долгорукой приказалъ остановиться и потребовалъ вожатаго, который-бы указалъ, гдѣ можно проѣхать затопленный мостъ. Но крестьянинъ и жена его объявили, что надо или ждать, или вернуться: другой дороги нѣтъ, но что вода къ утру уйдетъ; тутъ подъѣхали упомянутые экипажи; въ одномъ, заграничной работы, сидѣли дамы, въ другомъ ихъ люди, которымъ, повидимому, была эта сторона знакома; и они тоже совѣтовали дожидаться утра, когда вода сбудетъ.

Три дамы вышли изъ экипажа; лица ихъ были закрыты покрывалами; впрочемъ, по дорожнымъ шубамъ, Долгорукой заключилъ, что онѣ знатныя особы. Онѣ вмѣстѣ съ Долгорукимъ хотѣли войти въ хижину, но, отворивъ дверь, почувствовали тяжелый запахъ. Тогда одинъ изъ людей, бывшихъ съ дамами, закричалъ на крестьянина: «Сейчасъ сыщи другую избу, или я тебя палкою!» и поднялъ ее на него; дамы испугались, вскрикнули; но Долгорукой удержалъ дерзкаго; онѣ поблагодарили его.

Устрашенный крестьянинъ, стоялъ, между-тѣмъ, съ униженнымъ и покорнымъ видомъ. Чтобы ободрить крестьянина, дамы подарили женѣ его платокъ, а малюткамъ дали по золотому рублю. Тутъ крестьянинъ оживился и сказалъ, что въ лѣсу есть двѣ незанятыя избы съ мебелью, построенныя для охотниковъ, господъ его, и что у него отъ нихъ ключъ.

Долгорукой предложилъ дамамъ сѣсть въ экипажъ, доѣхать туда, а самъ поѣхалъ впередъ, выбралъ ту избу, въ которой были каминъ и мебель, и велѣлъ своему слугѣ разложить огонь въ каминѣ и приготовить чай, а когда чай былъ готовъ, то просилъ дамъ, сидѣвшихъ пока въ экипажѣ, войти. Тутъ онѣ, поблагодаривъ Долгорукаго, стали снимать шубы;

одна изъ нихъ, которую звали Марія, подошла къ камину и сняла съ себя капотъ. Красота ея произвела на Долгорукаго сильное впечатлѣніе. Вотъ подлинное его письмо къ его другу, молодому графу Сапегѣ:

«Я стоялъ, какъ-будто окаменѣлый, передъ симъ ангеломъ... видѣлъ я прекрасныя лица, но никогда еще такого, никогда еще такихъ глазъ, въ которыхъ-бы горѣлъ кроткій огонь всѣхъ добродѣтелей.

«Я пилъ съ нею изъ одного стакана попеременно, а изъ другаго ея мать съ другой. Не ребенокъ-ли я, что упоминаю о такой малости! Однакожь, съ-тѣхъ-поръ я у себя дома изъ другаго — чаю не пью...

«Мы начали говорить съ большой откровенностью, и она въ каждомъ словѣ столько обнаруживала ума и образованости, что невольно спросилъ я: «Кто былъ вашимъ воспитателемъ?» — «Мать наша», отвѣчала она и обняла ее нѣжно. Тогда я бросился на колѣни передъ матерью и цаловалъ у нея руки. «Вы шутите», съ усмѣшкою сказала сія почтенная дама, стараясь тѣмъ скрыть свои слезы.

Пожелавъ имъ покойно отдохнуть, Долгорукой ушелъ въ другую избу. Всячески старался онъ узнать ихъ фамилію, но напрасно: прислуга ни за какія деньги не соглашалась исполнить его желаніе, говоря, что барыни строго заказали.

Въ это время человѣкъ Долгорукаго съ крестьяниномъ доложили, что по лѣсу идетъ свистъ въ родѣ сигналовъ и что крестьянинъ, идя къ себѣ домой, издали замѣтилъ подозрительныхъ людей, и потому вернулся предостеречь ихъ.

Тогда Долгорукой велѣлъ безъ шума свезти всѣ экипажи въ одно мѣсто и снова запречь лошадей и поодаль въ четырехъ мѣстахъ разложить огни. Осмотрѣвъ потомъ свое ружье и свои два пистолета, а также оба ружья прислуги путешественницъ, онъ роздалъ ихъ людямъ, которыхъ всего было шестеро, считая въ томъ числѣ ямщика, оставленнаго имъ при экипажахъ, и крестьянина, которому онъ далъ водки и поставилъ съ топоромъ у дверей дома, гдѣ помѣщались дамы;

четыремъ же слугамъ приказано было стоять дозоромъ, по одному съ каждой стороны, и дано имъ — двумъ по ружью, а двоимъ по пистолету. Какъ ни тихо все это дѣлалось, но дамы все-же замѣтили тревогу и велѣли своей служанкѣ, Авдотьѣ, попросить къ нимъ Долгорукаго. Долгорукой думалъ увидѣть сцену, исполненную смятенія и страха, но—ошибся. Дѣвицы были только нѣсколько блѣдны, а мать почти съ равнодушіемъ спросила, что замѣчено въ лѣсу и какія имъ приняты мѣры. Долгорукой разсказалъ все, что имъ сдѣлано; дѣвицы успокоились и мать, поблагодаривъ его, просила его не оставлять ихъ однѣхъ, и потомъ, высылала его почти каждые полчаса осматривать людей, чтобъ не заснули. Между-тѣмъ, Долгорукой разсказалъ имъ куда, откуда и зачѣмъ ѣдетъ, и потомъ, по просьбѣ ихъ, о дѣлѣ, въ коемъ участвовалъ. Такъ протекло время до утра. Жена крестьянина дала знать, что вода сбыла и что двѣ тройки уже по мосту изъ Питера проѣхали; тѣ хотѣли еще часа два отдохнуть, только мать и Марія провожали его до повозки; потомъ Марія выбѣжала на дорогу и, въ знакъ прощанья, махала своимъ зеленымъ вуалемъ до-тѣхъ-поръ, пока Долгорукой скрылся изъ вида. У заставы Долгорукой переодѣлся и, узнавъ что государыня у Меншикова празднуетъ день рожденія, поѣхалъ прямо туда.

Долгорукаго тотчасъ же, по докладу, допустили къ государынѣ; онъ вручилъ ей депеши отъ своего генерала, и когда она прочла нѣсколько строкъ, въ глазахъ ея заблистала радость. «Ты былъ», сказала она: «въ числѣ героевъ, какъ пишетъ генералъ, такъ поздравляю тебя поручикомъ гвардіи. Разскажи же мнѣ, какъ все было».

Долгорукой исполнилъ ея желаніе; она повела его въ залу, остановила танцы и сама велѣла бить литаврамъ, положила руку на плечо Долгорукаго, подозвала къ себѣ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и сказала: «Вотъ герой вашей фамиліи; благодари за меня его отца, Лукича», и, обратясь къ Меншикову, продолжала: «Какой счастливый нынѣшній день! Ты долженъ благодарить Долгорукаго; онъ пріѣхалъ кстати:

по милости его, день празднуемаго у тебя рожденія обратился въ торжественный день побѣды».

Подали вино; государыня чокнулась съ княземъ Ѳедоромъ и, отхлебнувъ, подала свой бокалъ князю Василію Владиміровичу Долгорукому, сказавши: «Пей за славу русскаго оружія!»

Принужденную веселость при этомъ случаѣ и очевидную грусть Меншикова приписали зависти; но онѣ происходили, вѣроятно, оттого, что онъ давно не имѣлъ писемъ отъ своего семейства и что оно не пріѣхало ко дню его рожденія; онъ думалъ, что кто-нибудь изъ членовъ его или захворалъ, или умеръ.

Меншиковъ казался какимъ-то неловкимъ, взоръ его безпрестанно обращался къ дверямъ и онъ то и дѣло начиналъ говорить и не договаривалъ. Ѳедору Долгорукому стало его жаль, и когда онъ, отъ князя Василія Владиміровича, узналъ причину грусти, то сказалъ: «Вы всѣ и отецъ мой называете его самымъ честолюбивымъ человѣкомъ, но теперь сами видите, что онъ болѣе отецъ, нежели вельможа». Владиміровичъ усмѣхнулся презрительно и отвѣчалъ: «Онъ царевича Алексѣя Петровича для своихъ будущихъ видовъ погубилъ и готовъ погубить весь міръ, если онъ противиться будетъ его замысламъ и планамъ». — «Чего жь вы отъ него хотите?» — «Мы хотимъ», отвѣчалъ Владимірычъ: «чтобъ онъ былъ справедливъ, не грабилъ казны и не примѣрялъ на себя мономаховой шапки».

Тутъ въ ближайшей комнатѣ сдѣлался шумъ. Меншиковъ поблѣднѣлъ; начали суетиться, растворились двери, и, вмѣстѣ съ императрицей, взошла Марія съ матерью. Вотъ что́ Ѳедоръ Долгорукой на другой день писалъ Сапѣгѣ:

«Я долженъ былъ держаться за каминъ, чтобы не упасть; тутъ я только узналъ, что Марія, милая Марія, была дочь врага нашей фамиліи; мнѣ казалось, что все на меня обрушилось; я лишился памяти; общее смятеніе спасло меня и дало время опомниться».

«Видите, князь», сказала государыня, обратясь къ Меншикову: «каковъ нынѣшній день: одинъ вѣстникъ радости слѣ-

дуетъ за другимъ! Гдѣ же мой Долгорукой? и, подозвавъ князя Ѳедора Васильевича Долгорукаго, сказала: «Какъ герольдъ моей храброй арміи, справедливость требуетъ, чтобы ты вмѣстѣ съ Маріею открыли прерванный балъ».

Марія бросила на Долгорукаго веселый взглядъ, улыбнулась и покраснѣла.

Государыня продолжала: «Мой поручикъ пріѣхалъ вѣстникомъ отъ моей побѣдоносной арміи»; на что княгиня Меншикова отвѣчала: «Мы, ваше величество, уже съ нимъ знакомы; прекрасный, благороднѣйшій молодой человѣкъ». Музыка прервала дальнѣйшее объясненіе; государыня сама подала руку Маріи — Долгорукому, ихъ руки задрожали и тѣмъ крѣпче сжали другъ друга.

Марія была еще въ дорожномъ платьѣ и держала въ рукѣ прежнею зеленую вуаль, ту самую, которой махала, прощаясь съ Долгорукимъ. Она только-что скинула шубу, потому, что въ ту самую минуту, когда она съ матерью вышла изъ дорожнаго экипажа, государыня встрѣтила ихъ въ переднихъ комнатахъ и, не смотря на всѣ извиненія, вывела ихъ, какъ мы видѣли, къ гостямъ.

Долгорукой, обнявъ рукою станъ княжны Маріи, леталъ съ нею по залѣ; нѣжная, легкая рука ея лежала въ его рукѣ и огненный взоръ ея былъ устремленъ на него. Долгорукой позабылъ все; ему казалось, что онъ носится съ богинею въ пространствѣ другаго міра. Въ пылу страсти и разгоряченнаго воображенія, онъ сказалъ: «Марія, я твой, ты моя!» Она бросила на него пламенный взоръ, поблѣднѣла и упала на руки Долгорукаго, крѣпко держа его руку. Ихъ сейчасъ окружили: княгиня, мать ея, государыня и другіе. Первая, кинувъ пристальный взглядъ на Долгорукаго, сказала: «Тебѣ дурно, Марія?» Марія, сдѣлавъ усиліе, произнесла томнымъ голосомъ: «Ничего, мама», и, пожавъ руку Долгорукаго, лишилась чувствъ и, какъ мертвая, охладѣла; прибѣжали два доктора; но Марія уже успѣла придти въ себя и просила у государыни извиненія. «Ваше величество, позвольте ей съ дороги отдох-

нуть», сказала княгиня Меншикова: «и удалиться», на что императрица отвѣчала: «Да, да вы устали: и ей, и вамъ надобенъ покой; я васъ болѣе не удерживаю». «Я сейчасъ вернусь, ваше величество», отвѣчала княгиня. Марія, поцаловавъ руку у государыни, обратилась къ Долгорукому съ томнымъ пламеннымъ взглядомъ, и съ улыбкою тихо сказала: «Доброй ночи вамъ, князь». Потомъ она удалилась. Зеленую вуаль Долгорукой спряталъ; на другой день написалъ письмо княгинѣ Меншиковой, она прочла его съ видомъ замѣшательства, прочла другой разъ, въ третій и прослезилась, потомъ дрожащею рукою подала его дочери и сказала: «Пусть проститъ мнѣ отецъ твой; я хоть на этотъ разъ хочу быть матерью, а не княгиней Меншикой». Княгиня прочла его и, скрывъ внутренное волненіе, спокойно сложила письмо, подала его обратно матери и, вставъ, хотѣла идти. «Я сейчасъ буду отвѣчать Долгорукому», сказала княгиня. «Для того-то, мама, я и хотѣла васъ оставить». «Но ты ничего мнѣ не сказала», возразила ей мать. «Долгорукіе и Меншиковы не премиримые враги, а Ѳедоръ и Марія другъ друга любятъ, чтожъ я вамъ буду говорить?» «Но останешься-ли ты довольна моимъ рѣшеніемъ!»—«Рѣшеніе это зависитъ только отъ Бога; вы знаете батюшку; рѣшеніе-же ваше будетъ для меня свято».

«Но если я только велю молчать?» «Тогда мы замолчимъ — и умремъ съ Ѳедоромъ!» прибавила она унылымъ голосомъ.

Въ день святой Екатерины, 24 Октября, импоратрица произвела князя Василія Владиміровича Долгорукаго въ генералъ-лейтенанты, князя Ивана Григорьевича въ генералъ-майоры, капитана гвардіи князя Николая Алексѣевича въ камеръ-юнкеры, а князя Алексѣя Алексѣевича, за компанію за границу, въ лейтенанты.

Князь Ѳедоръ удалился отъ двора и отъ службы, вопреки совѣта родственниковъ и настоянія отца его, и жилъ одной мечтою о своей любви. Свѣтъ непонималъ, какъ человѣкъ, будучи такъ обласканъ государыней и имѣя столь сильныя связи, — не пользуется ими. При дворѣ были Меншиковы,

Долгорукіе, Өедора небыло; напрасно взоръ Маріи постоянно искалъ его, она сдѣлалась скучна и задумчива.

Однажды княгиня до окончанія придворнаго бала уѣхала съ дочерьми, извиняясь государынѣ слабостію здоровья дочери своей Маріи. Когда она сѣла въ карету, княгиня сказала: «Я охотно-бы пожертвовала всѣми милостями и всѣмъ имѣніемъ, которое императрица пожаловала намъ, если-бы, вмѣсто этого Марія, она сдѣлала тебя счастливой; но какъ мнѣ ей доложить? Отецъ вашъ тогда пожертвуетъ мною; меня, пожалуй, постригутъ и я лишусь васъ».

Пріѣхавъ домой, княгиня сказала: «Ты, мой другъ Саша, иди къ себѣ, а мнѣ съ Маріею есть кой-о-чемъ поговорить». И, войдя въ кабинетъ, она отворила дверь въ боковую комнату, изъ которой вышелъ Өедоръ Долгорукой и палъ къ ея ногамъ.

«Встаньте, князь; я давно въ душѣ назвала васъ сыномъ; доказательство тому то, что вы здѣсь, чего я недолжна-бы была дѣлать, потому что, Богъ знаетъ, приведетъ-ли судьба, при всемъ моемъ расположеніи къ вамъ и любви моей дочери, назвать васъ сыномъ». Чрезъ полчаса княгиня сказала Долгорукому: «Не требуйте болѣе того, чего ни я, ни дочь моя не въ силахъ исполнить, будьте довольны малымъ; можетъ быть, судьба сжалится надъ обоими вами и дастъ вамъ съ Маріею больше. Прощайте; скоро отецъ вернется; вы должны насъ оставить». Долгорукой опять кинулся къ ея колѣнамъ; она благословила его; Марія кинулась цаловать мать свою; Долгорукой удалился.

1726 года, Февраля 8 дня, императрица обратила вниманіе на долговременную службу князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и пожаловала его сенаторомъ; того же дня, она учредила верховной тайный совѣтъ.

13 Февраля того же года, по проэкту Меншикова, имяннымъ указомъ велѣно Сvноду имяноваться просто святѣйшимъ безъ слова правительствующій, а Сенату — Высокимъ, вмѣсто правительствующаго.

Меншиковъ, замѣтя въ государынѣ такое расположеніе къ князю Василію Владиміровичу, уговорилъ ея послать его главнокомандующимъ на Кавказъ.

На прощальномъ обѣдѣ князя Василія Владиміровича, Лукичъ сталъ жаловаться на сына, что онъ ничего нехочетъ дѣлать и ищетъ значенія къ свѣтѣ. «Батюшка, я не люблю двора», отвѣчалъ князь Θедоръ. «Тѣмъ лучше, молодой человѣкъ,» перебилъ Владиміровичъ: «я назначенъ на Кавказъ; ты поѣдешь со мной». «Я не поѣду», отвѣчалъ князь Θедоръ съ твердостію: «что я не трусъ — это я доказалъ».

«Императрица велитъ тебѣ ѣхать». «Императрица можетъ послать меня въ Сибирь, а на Кавказъ не поѣду».

«Да что же у тебя за планъ, Θедоръ?» «Мой планъ помирить горностаевъ съ бобромъ и взять себѣ куницу».

«Ого!...» Тогда Владиміровичъ сказалъ: «Оставь его, Лукичъ; видишь, онъ затѣваетъ миры, опытъ разувѣритъ его».

Сенаторъ князь Алексѣй Григорьевичъ, 1727 г. 29 Іюля, получилъ орденъ Александра Невскаго. Θедоръ Долгорукой, по волѣ княгини Меньшиковой, болѣе двухъ мѣсяцевъ не видалъ Маріи; онъ жилъ въ деревнѣ подъ Петербургомъ. Княжна Марія скучала и съ нетерпѣніемъ желала видѣть друга князя Θедора, графа Сапѣгу, чтобъ узнать отъ него что-либо о князѣ Θедорѣ.

Въ Петергофѣ былъ данъ праздникъ при дворѣ; на немъ были всѣ знатныя особы и посланники; весь садъ былъ иллюминованъ.

Графъ Сапѣга, ангажировавши Марію, умѣлъ ловкимъ образомъ послѣ танца отдѣлить ея отъ прочихъ и имянемъ Θедора уговорилъ ее скрыться въ аллеяхъ; когда они удалились отъ дворца, то онъ свисткомъ подалъ сигналъ, и вдругъ 10 гайдуковъ, какъ будто изъ-подъ земли, явились передъ нимъ. Сапѣга приказалъ имъ занять всѣ ходы и выходы къ этому мѣсту; одинъ изъ молодыхъ гайдуковъ кинулся въ объятія Маріи: это былъ — Θедоръ Долгорукой. Вскорѣ къ нимъ

подошелъ Сапѣга и взялъ княжну за руку, потому что кто-то былъ не далеко отъ нихъ; гайдуки, по его приказанію, слѣдовали за нимъ поодаль; княжна съ спутниками своими углубилась въ чащу; гайдуки снова заняли свои мѣста, и Марія опять была въ объятіяхъ Долгорукаго.

Наконецъ, Сапѣга сказалъ: «Яхта стоитъ здѣсь близко, и въ такомъ мѣстѣ, что никто не знаетъ; она отъ меня снабжена нужнымъ числомъ матросовъ и припасами; чрезъ 20 минутъ ты и Марія будете за Кронштадтомъ, въ открытомъ морѣ, а до разсвѣта вы скроетесь изъ виду. Васъ спустятъ въ Данцигѣ, а оттуда вы проберетесь въ Швейцарію. Тамъ въ уединеніи и неизвѣстности вы будете счастливы вдали отъ всѣхъ бурь. Въ этой карманной книжкѣ векселя и паспорты для васъ; не бойтесь: за васъ все обдумано, всѣ мѣры приняты. То, что я вамъ совѣтую, есть единственное средство». Тутъ Сапѣга взялъ обоихъ за руки и привелъ къ морю, гдѣ ожидала у берега лодка для перевоза ихъ на Яхту. Вдругъ княжна остановилась. «Не мѣшкайте, княжна, сказалъ Сапѣга: будте мужественны въ рѣшительную минуту, васъ ожидаетъ полнѣйшее счастіе».

Княжна прижалась къ Ѳедору и сказала: «Я готова съ тобой броситься въ пропасть; но какъ могу я оставить маменьку?» — «Марія», сказалъ Ѳедоръ: «мнѣ твое спокойствіе дороже моего счастія».

«Благородное сердце», сказалъ Сапѣга: «но вы, женщины, всегда будете женщинами!» И, съ сими словами, выхватя изъ рукъ Ѳедора трепетную княжну, молча возвратился съ нею во дворецъ. На другой день княжна писала къ Долгорукому, между прочимъ, слѣдующее:

«Когда я разсказала маменькѣ о вчерашнемъ случаѣ, то она «сказала нѣчто весьма похожее на ея согласіе и прибавила: «Марія, онъ тебя любитъ болѣе чѣмъ ты».

Въ 1726 году, 5 Сентября, государыня, согласно представленію Меншикова, послала отца князя Ѳедора, князя Василія Лукича, посломъ въ Стокгольмъ.

Удаливъ двухъ самыхъ вліятельныхъ Долгорукихъ изъ Петербурга, Меншиковъ сталъ еще сильнѣе и началъ еще самовластнѣе распоряжаться казною, дѣлалъ грубости герцогинѣ Голыштейнской, которая отъ этого должна была удалиться.

Въ это время къ Меншикову пріѣхалъ другъ его, Брукенталь; онъ принадлежитъ къ рѣдкимъ людямъ. Еще въ молодости подружился онъ съ княземъ Меншиковымъ; тѣсная дружба ихъ не прерывалась и тогда, когда Меншиковъ быстро взошелъ на самую высокую степень знатности. Брукенталь всегда выхвалялъ счастіе покойной частной жизни, надъ которой Меншиковъ смѣялся. Меншиковъ самъ говаривалъ: «Брукенталь одинъ меня любитъ, потому что самъ не ищетъ возвыситься».

Не видя успѣха въ своихъ совѣтахъ, Брукенталь удалился изъ Россіи и постригся въ монахи въ Данцигѣ. Теперь, послѣ долговременной разлуки, онъ пріѣхалъ повидаться съ своимъ другомъ.

Княгиня Меншикова и Марія прибѣгли къ помощи Брукенталя и, разсказавъ ему все подробно, просили его содѣйствія. Выслушавъ все, онъ сказалъ: «Я вижу, что я никогда никого такъ не любилъ, какъ любитъ васъ княжна, Ѳедоръ Долгорукой; а потому берусь быть вашимъ ходатаемъ; хотя князь никогда не послѣдуетъ моему совѣту, если онъ противорѣчитъ его плану; но я вижу въ этомъ союзѣ его пользу». Брукенталь нашелъ князя одного, въ положеніи самомъ задумчивомъ. «Ты считаешь себя счастливымъ, а между тѣмъ, всегда въ тревожномъ состояніи; такъ не лучше-ли помириться тебѣ съ врагами своими; напримѣръ, начать съ Долгорукихъ?» — «Не думаю, чтобы можно было помириться съ Долгорукими. Я и они ищутъ славы». «Пусть такъ, ты и они ищите славы, такъ пользуйтесь вмѣстѣ».

«Дочь твоя Марія любитъ одного Долгорукаго, вы всѣ были-бы счастливы, если-бы ты....» — «Дочь моя, Марія, любитъ Долгорукаго!» прервалъ Меншиковъ: «котораго именно?» «Сына посла князя Василія Лукича». «Гмъ! отъ него

Долгорукіе очень много ожидали; да и первый шагъ его былъ хорошъ, побѣда на Кавказѣ, самъ молодецъ видный, лепечетъ на многихъ языкахъ! Теперь понимаю, для чего онъ вдругъ пропалъ, оставилъ Долгорукихъ и живетъ въ уединеніи: онъ хочетъ явиться опять на сцену не иначе, какъ мужемъ Меншиковой! Планъ не дурной. Прекрасно: влюбленная дочка, мать, которая помогаетъ ей, и услужливый другъ, который превращается въ сгрянчаго; думаютъ Богъ знаетъ, куда завести отца».

«Вотъ, читай сокровенныя тайны мои, цѣль моей жизни, родившаяся еще тогда, когда я отца возстановилъ противъ сына!» Онъ подалъ Брукенталю пачку бумагъ. (¹)

Брукенталь прочиталъ одну за другою бумаги, потомъ сказалъ: «Ты ни когда не былъ великимъ и не будешъ; тотъ, кто жертвуетъ всѣмъ и всѣми, тотъ, для котораго ничего нѣтъ священнаго, для достиженія своего мнимаго величія, тотъ низкій человѣкъ».

«Ты смѣешься, Брукенталь! Государыня хирѣетъ, кто же не будетъ дѣлать, если можно сдѣлать?»

«Послушай, Меншиковъ, ты все строишь да строишь, а не думаешь, крѣпки-ли корни того дуба, на которомъ ты устраиваешь гнѣздо. Одна буря, одинъ сильный порывъ вѣтра — и все пропало.

Тебя ненавидятъ вельможи, ненавидитъ вся царская фамилія; ты дѣлишься доходами съ государствомъ, пользуясь довѣренностію государыни; кинь свои неумѣстные планы; дочь твоя любитъ Долгорукаго, отдай ее за него. Лучше, если ты такъ могучъ, жени сына на царевнѣ, тогда Долгорукіе будутъ тебя поддерживать.» — «Нельзя, Брукенталь, я дѣло уже началъ у Европейскихъ дворовъ; ты читалъ все; Австріи и Польшѣ я обѣщалъ уступить земли, если они меня поддержатъ. Императрица тоже дала свое согласіе».

Брукенталь все передалъ княгинѣ и Маріи; вслѣдъ за нимъ вошелъ самъ Меншиковъ и, кинувъ грозный взглядъ на нихъ

(¹) Это почерпнуто изъ записокъ графа Сапѣги.

сказалъ: «Марія. я все знаю, и не хочу знать, только прошу оставить твои шалости, въ противномъ случаѣ Долгорукой пропалъ, а съ тобой, матушка, справлюсь. (Обращаясь къ женѣ.) Ты, дочь Меншикова, готовся быть женою великаго князя, а не князька изъ враговъ».

«Батюшка, я буду повиноваться, только-бъ матушка и Долгорукой были внѣ всякой опасности; но берегитесь, батюшка, въ противномъ случаѣ я на все рѣшусь!» — «Что мнѣ до твоихъ амуровъ? была-бы на тебѣ корона; но помни, что отъ твоего благоразумія зависитъ жизнь и счастіе Долгорукаго».

Послѣ этого княгиня Меншикова сама вошла въ сношеніе съ Сапѣгою, и съ общаго согласія сдѣланъ былъ планъ побѣга; убѣдили Марію, что это единственное средство.

Чтобъ отклонить себя отъ подозрѣнія, молодой графъ Сапѣга уѣхалъ въ Тверь, предварительно устроивъ все для побѣга.

Планъ былъ слѣдующій:

На берегу Невы, въ саду у Меншикова стояла мраморная статуя Умирающій боецъ, къ которому всегда расчищались дорожки. Марія должна была придти туда къ калиткѣ въ назначенный часъ; позади калитки должны были ожидать крестьянскія сани, съ переодѣтымъ въ крестьянина Ѳедоромъ Долгорукимъ и съ крестьянскимъ верхнимъ платьемъ для Маріи. Оттуда Ѳедоръ поѣхалъ-бы съ нею за заставу, тамъ они пересѣли-бы въ экипажъ, и съ билетами на имя поляковъ Грабовскихъ проѣхали до Варшавы, а оттуда въ Швейцарію.

Такъ какъ со стороны княгини и Маріи нельзя было впередъ назначить для побѣга удобнаго дня, то положено было съ утра у извѣстнаго окна вывѣсить черный платокъ въ случаѣ задержки, красный — въ случаѣ исполненія. Крестьянина окликъ былъ: «Ну моя!» Отзывъ княжны: «великій». Мать сдѣлалась нарочно больна и все время проводила съ Брукенталемъ, который ничего не зналъ. Но напрасно три дня сряду красный платокъ висѣлъ и княжна выходила освѣдомляться: ни крестьянина и никого не было видно. Напрасно кричала она: «великій!» — Она только простудилась и занемогла. Тогда кня-

гиня выздоровѣла. Въ это время пріѣхалъ Сапѣга и сказалъ, что онъ ждалъ ихъ въ Новгородѣ и, не дождавшись, вернулся узнать, что случилось. Долгорукой вышелъ со двора въ тотъ день, который назначенъ былъ къ побѣгу, и пропалъ. Княгиня залилась слезами, а княжна упала въ обморокъ. Когда первый моментъ испуга прошелъ, княжна спросила, гдѣ Долгорукой.

Сапѣга съ матерью полагали, что, вѣрно, Меншиковъ узналъ планъ Догорукаго и посадилъ его въ крѣпость, или «спустилъ»... Такъ тогда выражалось, когда кто, по приказу Меншикова, пропадалъ безъ вѣдома и возврата.

На другой день княжна рѣшилась прямо идти къ отцу. Какъ только онъ вернулся изъ дворца, она вошла къ нему съ покойнымъ видомъ и сказала: «Долгорукой арестованъ?» Меншиковъ пристально поглядѣлъ ей въ глаза, но княжна не смутилась и продолжала: «Вы знаете, батюшка, на что я отважусь, если онъ за меня пострадаетъ!»

«За тебя, Марія? Однако, видно, не должно шутить твоею страстью. Кажется, недѣли съ двѣ арестованъ какой-то молодой офицеръ. Не знаю, твой-ли это рыцарь, но когда онъ выбралъ тебя защитницей, то, конечно, должно-быть твой. Но я все-же, право, не знаю, въ чемъ онъ виноватъ?» — «Ни въ чемъ болѣе, батюшка, какъ только въ любви ко мнѣ». «Но государыня за это не велѣла-бы посадить его въ крѣпость!» Меншиковъ позвонилъ.

Взошелъ адъютантъ.

«Чего вашей свѣтлости угодно?»

«Нынче узналъ я», сказалъ Меншиковъ съ видомъ суровымъ: «что сынъ посла Лукича, князь Ѳедоръ Долгорукой, арестованъ на твоемъ дежурствѣ; для чего ты не рапортовалъ мнѣ объ этомъ?» «Рапортъ лежитъ здѣсь на столѣ съ того же дня», отвѣчалъ адъютантъ: «вѣроятно, ваша свѣтлость его просмотрѣли».

«Быть-можетъ; но разскажи, что онъ напроказилъ?»

«Императрица, изъ рапорта Преображенскаго полка, счи-

тала князя Өедора Долгорукаго на Кавказѣ, состоящимъ при генералъ-аншефѣ князѣ Долгорукомъ, а между прочимъ, на вопросъ его сіятельству о немъ, узнала что князя Өедора Васильевича тамъ нѣтъ. Тогда императрица пригласила сенатора князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и отъ него узнала, что этотъ молодой князь не хочетъ ни служить, ни на Кавказъ ѣхать, а живетъ праздно въ деревнѣ подъ Петербургомъ. Императрица сказала тогда: «Хочу у молодаго упрямца заступить мѣсто отца,» и послала привезти Долгорукаго изъ деревни, но тамъ его не нашли; онъ сказывался больнымъ, и человѣкъ его розъигрывалъ роль больнаго князя. Наконецъ, князя нашли здѣсь у Невы, живущаго у дровосѣка съ крестьянскимъ билетомъ и въ платьѣ крестьянина. — «Такъ вотъ за что», сказалъ Меншиковъ и, взглянувъ на дочь, прибавилъ: «Такъ это и въ самомъ дѣлѣ любовныя шалости!» Княжна покраснѣла и вышла.

Государыня Екатерина I-я скончалась въ 1727 г., 6 Мая въ 9 часовъ по полудни; по ея завѣщанію, великій князь Петръ Алексѣевичъ провозглашенъ императоромъ Петромъ II, подъ опекою Меншикова, а княжна Марія—его невѣстою. 13 лѣтняго императора Меншиковъ перевезъ на Васильевскій островъ въ свой домъ, себя ввелъ въ календарь съ царскими особами, произвелъ себя въ генералиссимусы. Закрывъ присутствіе верховнаго совѣта, онъ сталъ имянемъ малолѣтняго императора почти самодержавно управлять государствомъ

Вслѣдъ затѣмъ, въ 1727 года, изданъ былъ манифестъ отъ имени Петра II, которымъ объявлялось о заговорѣ, коимъ умышляли нарушить волю покойной императрицы и воспрепятствовать браку императора съ дочерью свѣтлѣйшаго князя Меншикова, за что симъ манифестомъ Толстыхъ и проч. велѣно сослать въ Сибирь. Меншиковъ не пощадилъ даже сестры своей, которая ползала у ногъ его, прося себѣ и мужу помилованіе; въ томъ же манифестѣ камеръ-юнкеръ гвардіи поручикъ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой объявленъ въ числѣ этихъ злоумышленниковъ, за что ему мани-

фестомъ назначена отставка отъ двора и переводъ въ армію ниже чиномъ.

Но князь Иванъ, бывшій неотлучно при императорѣ, показалъ его величеству печатный манифестъ. Тогда юный государъ, не взирая на свои лѣта, попросилъ къ себѣ Меншикова и твердо объявилъ: «Чтобы князя Ивана оставили; а если его тронуть, или изъ полка выключать, то я уйду отъ тебя къ сестрѣ и твоей дочери не хочу», прибавилъ императоръ.

Вотъ истинная причина, по которой манифестъ этотъ относительно Долгорукаго остался неисполненнымъ.

Между тѣмъ, князь Ѳедоръ, за день до смерти императрицы, былъ съ курьеромъ отправленъ на Кавказъ прямо изъ крѣпости. Но, узнавъ о смерти государыни, онъ ушелъ съ дороги въ Петербургъ, и когда послѣ обрученія стали поздравлять невѣсту императора, княжну Марію Меншикову, то онъ въ числѣ прочихъ подошелъ по установленной формѣ и, прикладываясь къ рукѣ, тихо сказалъ: «Вѣроломная!» Княжна упала въ обморокъ.

Разумѣется, никто не зналъ истинной причины того, исключая матери и отца ея, да Сапѣги.

Когда княжна опомнилась, то Долгорукаго уже не было. Но адъютантъ неосторожно доложилъ Меншикову, сидѣвшему рядомъ съ дочерью, что Долгорукой арестованъ. Хотя разговоръ былъ шопотомъ, княжна все-же расслышала слѣдующія слова изъ отвѣта своего отца: «Хорошо, молчи! бойся смерти», и тотъчасъ-же поняла, въ чемъ дѣло; а потому, когда императоръ занялся лакомствами, а Меншиковъ сѣлъ поодаль играть въ карты, княжна Марія, ускользнувъ изъ комнаты, пошла искать адъютанта, и, найдя его одного въ боковой комнатѣ, сказала: «Вы арестовали Долгорукаго?»

«Такъ вашему высочеству уже извѣстно?»... сказалъ испуганный адъютантъ.

«Куда вы его отправили, въ Кронштадтъ или на Кавказъ?»

Еще болѣе пораженный адъютантъ сказалъ, запинаясь: «Нѣтъ... ваше высочество... его свѣтлость не приказалъ»...

«Молчать!» перебила его княжна, топнувши ногою: «я вамъ приказываю говорить!»

«Въ Шлиссельбургъ, ваше высочество!» Чрезъ 10 минутъ будьте готовы, я васъ буду ждать у зеленаго павильйона въ саду; смотрите, я на васъ полагаюсь; бойтесь измѣнить вашей будущей императрицѣ, и, съ сими словами, Марія исчезла. Вбѣжавъ въ кабинетъ отца, княжна написала слѣдующую записку къ Долгорукому: (подлинная записка находится въ рукахъ автора этой книги) (1).

«Успокойся, Өедоръ! рука императора! а сердце, бѣдное сердце, вѣчно останется твоимъ!

«Марія»

Чрезъ 10 минутъ она была у павильйона; тройка и адъютантъ ждали ее.

«Вы исполняли приказаніе своего начальника, отца моего, теперь исполните приказаніе невѣсты вашего государя: догоните арестанта Долгорукаго, передайте ему эту записку, и безъ письменнаго его руки отвѣта не смѣйте явиться обратно ко мнѣ».

«Боюсь вашего родителя, ваше высочество».

«Меня-ли не слушаете?» перебила его княжна строгимъ голосомъ: «а еслибъ я приказала арестовать отца моего, то вы-бы арестовали меня вмѣсто него?»

«Могу-ли приказаніе ваше объявить его свѣтлости?»

«Коль скоро я получу чрезъ васъ отвѣтъ на эту записку, то можете доложить самому императору». Тутъ адъютантъ поклонился и сказалъ: «Приказаніе вашего высочества будетъ исполнено».

На другой день княжна получила отвѣтъ:

«Я спокоенъ и не сомнѣваюсь болѣе; спокоенъ, если-бы хотя теперь повели меня на эшафотъ.

«Өедоръ»

P. S. «Офицеръ спѣшитъ; прости!»

(1) Т. е. князя Алексѣя Владиміровича.

Меншиковъ узналъ обо всемъ, но взыскать съ кого-бы ни было боялся и только адъютанта перевелъ въ полкъ, впрочемъ съ производствомъ въ слѣдующій чинъ. Что же касается Долгорукаго, то, чтобы дать видъ законной мѣры его ареста, отдалъ по гвардіи приказъ, что князь Ѳедоръ Долгорукой посаженъ въ крѣпость за то, что онъ, вопреки высочайшей волѣ, самовольно вернулся съ дороги. — 1727 года 21 Іюня отецъ его, князь Василій Лукичъ, возвратился въ Петербургъ.

Считая себя достигшимъ своей цѣли — высшей власти, Меншиковъ пересталъ быть осторожнымъ. Домъ свой назвалъ онъ императорскимъ дворцомъ, и себя окружилъ ингерманландскимъ полкомъ. Между тѣмъ, невѣста императора, страдая страстію къ Долгорукому, не только не гармонировала съ императомъ, но и мало съ нимъ занималась. — Сынъ Меншикова, нравившійся сначала царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, на бракъ съ которою было уже тайное согласіе первенствующаго члена Сѵнода, Ѳеофана Прокоповича, но не имѣвшій къ ней ни малѣйшей склонности, вмѣсто того, чтобы заниматься ею, являлся только разъигрывать заученыя роли. Все это былъ зародышъ распаденія сооруженнаго Меншиковымъ зданія; чуть связи его ослабли, и оно само по себѣ должно было рушиться и подавить своего соорудителя. — Князь Иванъ Алексѣевичъ спалъ всегда въ одной спальнѣ съ императоромъ; но, несмотря на это, если княжна Марія, или кто-либо изъ домашнихъ Меншикова, спрашивали его, что государь дѣлаетъ, онъ всегда отвѣчалъ, низко поклонившись, что онъ бываетъ у его величества тогда только, когда его государь самъ позоветъ, или по обязанности службы.

Меншиковъ откладывалъ коронованіе государя до брака, а Петръ II, напротивъ, желалъ короноваться. Между тѣмъ царевны перемѣнили свой тонъ съ невѣстою императора, а Петръ II охладѣлъ къ ней съ того дня, какъ Меншиковъ взялъ себѣ деньги, подаренныя императоромъ Елизаветѣ Петровнѣ. Наконецъ, запрещеніе допускать къ императору народъ окончательно вооружило всѣхъ противъ временщика.

Въ это время, въ концѣ августа, сдѣлался пожаръ на Невѣ. Магазины и нѣсколько кораблей ночью загорѣлись. Долгорукіе разбудили императора, и онъ первый разъ явился среди народа, какъ-бы молодой орелъ, пробовавшій свои крылья. Государь былъ встрѣченъ съ восторгомъ и громкимъ: ура! самъ лично, съ княземъ Иваномъ, кидался во всѣ опасности, дѣлалъ распоряженія и безпрестанно кричалъ: «Спасайте народъ, а товаръ я не жалѣю, я за все заплачу».

Только къ концу пожара прибылъ удивленный Меншиковъ и сталъ было говорить: «Вашему величеству лучше-бы отправиться». — «Ваша свѣтлость», перебилъ императоръ, «будете мнѣ отвѣчать, если мои повелѣнія не будутъ въ точности исполняться». Съ этого дня государь сталъ дѣйствовать самостоятельно и часто, не говоря ни слова Меншикову, ѣздилъ на охоту.

Въ началѣ Сентября Меншиковъ, пробывъ два дня въ Ораніенбаумѣ, возвратился 4 Сентября въ Петербургъ.

Императоръ, бывшій въ это время на охотѣ, прислалъ слѣдующій указъ:

«1727 года Сентября 6-го дня. Нашему верховному тайному совѣту.

«Понеже мы намѣрены немедленно въ С. Петербургъ «возвратиться и по возвращеніи нашемъ стоять на лѣтнемъ «нашемъ дворѣ, того ради о томъ нашему верховному тайному «совѣту чрезъ сіе объявляемъ, чтобы оный нашъ лѣтній домъ «немедленно къ пріѣзду нашему былъ изготовленъ и отъ гвар«діи нашей къ оному приставить караулъ пристойный, какъ «мы о томъ изустно приказали нашему генералъ-лейтенанту и «маіору отъ гвардіи Семену Салтыкову. И понеже мы такожде «всемилостивѣйше намѣрены, для лучшаго отправленія всѣхъ «государственныхъ дѣлъ и лучшей пользы вѣрноподданныхъ «нашихъ, сами въ верховномъ нашемъ тайномъ совѣтѣ при«сутствовать, и для того потребно дабы оный совѣтъ всегда «отправлялся при боку нашемъ, того ради изволите въ томъ «же нашемъ лѣтнемъ дворѣ занять одну палату, въ которой«бы по пріѣздѣ нашемъ оный совѣтъ отправляемъ быть могъ».

Не взирая на этотъ указъ, ослаблявшій власть его, князь Меншиковъ осмѣлился самъ отдавать повелѣнія и, вопреки совѣта Брукенталя, не перевезъ вещей императора въ лѣтній дворъ. Вмѣсто того, чтобы покориться, онъ, надѣясь на свой ингерманландскій полкъ, удвоилъ у себя караулъ и послалъ по городу патрули отъ этого полка.

7-го Сентября, очень рано утромъ, къ Меншикову вбѣгаетъ его адъютантъ и дрожащимъ голосомъ говоритъ: «Государь въ лѣтнемъ дворцѣ, гвардія вся подъ ружьемъ; ей приказано ни отъ кого не принимать приказаній, кромѣ отъ государя и генералъ-лейтенанта Салтыкова». Меншиковъ вскочилъ съ кровати и, бѣгая по комнатѣ, кричалъ: «Какъ! гдѣ? что такое?»

Затѣмъ все его семейство поднялось на ноги.

Въ 9 часовъ, безъ доклада вошелъ къ нему съ гордою миною гвардейскій офицеръ и, поклонясь почтительно княжнѣ Маріи, обратясь къ Меншикову, сказалъ: «Ваша свѣтлость, его величество приказали мнѣ перевезти ихъ венци въ лѣтній дворецъ» — Отъ кого повелѣніе? спросилъ съ негодованіемъ Меншиковъ. «Отъ самого государя», отвѣчалъ офицеръ гордо и сухо.

— «Государь малолѣтенъ и управлять самъ еще не можетъ; я вамъ въ своемъ дворцѣ распоряжаться не дамъ; я самъ выполню, что слѣдуетъ; прощайте, офицеръ». Потомъ Меншиковъ приказалъ вещи государя, его невѣсты и даже сына своего перевозить въ лѣтній дворецъ.

Друзья его (около 20 человѣкъ), незнавшіе еще хорошенько въ чемъ дѣло, но видя, что его штатъ перевозится тоже въ лѣтній дворецъ, собравшись къ нему, усѣлись молча; адъютанты стояли рабольпно, а Меншиковъ ходилъ взадъ и впередъ.

Тутъ входитъ прежній офицеръ и объявляетъ, что государь не только его и его семейства вещи запрещаетъ перевозить въ лѣтній дворецъ, но даже запрещаетъ самому ему являться туда. Тогда только Меншиковъ созналъ опасность; онъ

закрылъ лицо руками, и когда открылъ его, то уже ни гостей, ни адъютантовъ не было, остался только дежурный да Брукенталь, и вбѣжали жена и дочери. Меншиковъ въ изступленіи закричалъ: «Офицеровъ моего полка». Гвардейскій офицеръ поклонился и поспѣшилъ удалиться.

Офицеръ этотъ каждый разъ передавалъ видѣнное и слышанное прямо государю; тутъ не надо было никакихъ перетолкованій и явно, что поступки князя Меншикова клонились къ желанію прибѣгнуть къ силѣ для удержанія за собой власти. Едва къ вечеру Брукенталь съ Маріею и княгиней уговорили Меншикова снять караулы и распустить свой полкъ, отославъ его съ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Салтыкову. — Самъ же Брукенталь, боясь пострадать за Меншикова, поспѣшилъ скорѣе уѣхать изъ Россіи.

Настало 8 сентября; дворецъ Меншикова обратился въ пустой зàмокъ, всѣ караулы сняты, ни одного экипажа у подъѣзда. Въ этотъ день изданъ слѣдующій указъ:

Нашему верховному тайному совѣту.

«Понеже мы всемилостивѣйше намѣреніе взяли отъ сего «времени сами въ верховномъ тайномъ совѣтѣ присутствовать, «всѣмъ указамъ отправленнымъ быть за подписаніемъ собствен-«ныя нашя руки и верховнаго тайнаго совѣта, того ради по-«велѣли дабы никакихъ указовъ или писемъ о какихъ бы дѣ-«лахъ оныя были, которые отъ князя Меншикова, или отъ «кого-бъ иного партикулярно писаны или отправлены будутъ, «не слушать и по онымъ отнюдь не исполнять подъ опасеніемъ «нашего гнѣва; и о семъ публиковать всенародно во всемъ «государствѣ и въ войскѣ. Изъ Сената 1728 г. Сентября «8 дня».

Въ этотъ же день, въ 12 часовъ, во время семейнаго завтрака, вошелъ къ князю Меншикову генералъ-лейтенантъ Салтыковъ; семейство приняло его почтительно, но князь Меншиковъ даже не привсталъ. Салтыковъ объявилъ князю Меншикову, что ему запрещается вмѣшиваться въ государственныя дѣла и что пока не представитъ отчетовъ въ слѣдующихъ

пунктахъ, изложенныхъ въ подаваемыхъ бумагахъ, до тѣхъ поръ считается подъ домашнимъ арестомъ. «Я вамъ совѣтую, князь, прибавилъ Салтыковъ, перестать своевольствовать и дать отчетъ, и именемъ государя обѣщаю, что вамъ ничего худаго не будетъ. А вамъ, княгиня, совѣтую найти случай видѣть государя, и уговорить вашего мужа быть покорнымъ; да не худо-бы было помириться съ Долгорукими; князь Иванъ Алексѣевичь этому готовъ содѣйствовать». «Съ Долгорукими! никогда!» гнѣвно закричалъ князь Меншиковъ.

Салтыковъ удалился.

Въ пунктахъ, переданныхъ ему при бумагѣ, главное требовалось: 1) представить объясненіе о доходахъ солянаго сбора, которые Меншиковъ бралъ себѣ; 2) о манифестѣ, которымъ объявлялось о вымышленномъ заговорѣ и мнимомъ участіи въ немъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго; и 3) объ арестѣ князя Ѳедора Васильевича.

Княгиня, слѣдуя совѣту Салтыкова, поѣхала во дворецъ, но ее не допустили. Она просила позвать князя Ивана Алексѣевича, но онъ съ императоромъ былъ у обѣдни; тогда она поѣхала къ сенатору князю Алексѣю Григорьевичу; онъ очень ласково ее принялъ, сказалъ ей, что ему уже извѣстна любовь Долгорукаго къ ея дочери, что Долгорукіе готовы все сдѣлать, что могутъ; что государь главное требуетъ возвращенія доходовъ съ солянаго сбора и покорности отъ ея мужа; совѣтовалъ ей поѣхать къ царевнамъ, а относительно арестованія князя Ѳедора совѣтывалъ написать извинительное письмо отцу его Лукичу, говоря, что этотъ одинъ изо всѣхъ Долгорукихъ идетъ противъ всякаго мира.

Княгиня поѣхала къ царевнамъ, но онѣ ее приняли холодно и сказали, что какъ мужъ ея силой хотѣлъ дѣйствовать противъ брата ихъ, то онѣ не могутъ взяться ходатайствовать за него.

За тѣмъ вышелъ указъ.

«Нашему тайному Совѣту.

«Указали мы конторы солянаго сбора вѣдать по прежнему

«камеръ-коллегіи, а денегъ того сбора ни на какіе расходы «безъ указа нашего верховнаго тайнаго совѣта не держать».
«1727 года Сентября 11 дня».

«Петръ II».

Такъ какъ Меншиковъ, ни отчетовъ, ни отвѣта не давалъ; то снова присланъ былъ генералъ-лейтенантъ Салтыковъ, объявить частное рѣшеніе государя слѣдующаго содержанія:

Князю Меншикову добровольно постричься въ монахи, избравъ монастырь внѣ С.-Петербурга и Москвы; возвратить всѣ доходы, неправильно себѣ имъ присвоенныя, и всѣ тѣ имѣнія, которыя онъ пріобрѣлъ со дня смерти Петра I. Сыну и семейству его пользоваться остальнымъ имѣніемъ, и семь лѣтъ жить, до указа, безвыѣздно въ Ямбургѣ, или въ избранномъ имѣніи.

Меншиковъ, прочитавъ это рѣшеніе, взялъ перо и написалъ на немъ: «Государь обязанъ мнѣ короною, безъ моего старанія она не была бы на главѣ его; уничтожая дѣйствія Екатерины I, уничтожаетъ и себя».

Послѣ этого ему формальнымъ указомъ велено выѣхать въ дальныя деревни и жить тамъ до указа.

Лукичъ, видя въ сынѣ сильнаго ходатая за Меншиковыхъ, съ радостію согласился на его просьбу отправить его путешествовать въ Швейцарію, думая, вѣроятно, тѣмъ излѣчить его любовь. Но Ѳедоръ, съ помощію Сапѣги, съ своимъ паспортомъ отправилъ за границу одного поляка, а самъ досталъ билетъ, на имя купца Попова, и кинулся по слѣдамъ Меншиковыхъ.

Меншикову слѣдовало немедленно и скромно выѣхать; но онъ сбирался нѣсколько дней. Это безпокоило государя и каждое утро и вечеръ онъ спрашивалъ: уѣхалъ-ли Меншиковъ. Нѣкоторые считали это со стороны Меншикова новымъ упрямствомъ и явнымъ ослушаніемъ противъ воли царской. Салтыковъ же и Лукичъ этого боялись; они думали, что Меншиковъ затѣваетъ какіе-нибудь замыслы, почему, по представленію Салтыкова, все это время у дворца были удвоены

караулы; гвардія стояла ночью подъ ружьемъ; а всѣ штабъ-офицеры, и нѣкоторыя преданныя Меншикову оберъ-офицеры бывшаго его полка были арестованы.

Наконецъ, Меншиковъ, въ золотыхъ каретахъ и имѣя около 100 подводъ и экипажей, выѣхалъ при большомъ стеченіи народа; болѣе часу пробирались сквозь толпу до заставы, среди возгласовъ негодованія, громко изъявляемаго многими. Было, однако, много и такихъ, которые, видя золотыя кареты и думая, что Меншиковъ прощенъ, кричали: ура! Все это было донесено государю, а можетъ-быть, и перетолковано въ дурную сторону, такъ что Петръ II вскорѣ послалъ офицера съ конвоемъ, чтобы догнать Меншиковыхъ и, пересадя въ повозки, отправить все семейство въ Березовъ, оставя ему только самое необходимое; но какъ враги Меншикова были не изъ конюховъ курляндскихъ, то офицеру дана была самая снисходительная инструкція, такъ что въ числѣ необходимыхъ вещей у Меншикова остались всѣ деньги и онъ, по пріѣздѣ въ Березовъ, живя на свободѣ, могъ на свой счетъ выстроить тамъ церковь. Слѣдуя за Меншиковыми подъ именемъ купца Попова, Θедоръ Долгорукой всячески облегчалъ имъ трудности путешествія. Не смотря на это, княгиня была не утѣшна, и дорогою отъ слезъ ослѣпла.

Кончивъ первую эпоху III періода паденіемъ князя Меншикова,—приступимъ къ эпохѣ могущества Долгорукихъ, за тѣмъ — временамъ Бироновскимъ и послѣдующимъ.

Приступая къ второй эпохѣ III період, мы считаемъ за нужное обратить предварительно вниманіе на то, въ какихъ должностяхъ и чинахъ застала эта эпоха Долгорукихъ. Князь Алексѣй Григорьевичъ, охуленный и названный безталантнымъ покойнымъ Г. Фурманомъ, и который, по словамъ его, будто-бы вовсе не за заслуги получалъ чины отъ Петра II, былъ, какъ мы видѣли выше, еще Петромъ I пожалованъ званіемъ губернатора и президента главнаго магистрата, должностью почти соотвѣтствующею должности министра финансовъ, и въ коей онъ состоялъ довольно долго, до смерти императора. Отъ

императрицы Екатерины I онъ получилъ званіе сенатора, отъ временщика Меншикова орденъ Александра Невскаго. Князь Василій Лукичъ, какъ видно изъ подписи его на приведенномъ выше манифестѣ, дослужился при Петрѣ I до чина генералъ-лейтенанта, а отъ Екатерины получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Князь Иванъ Григорьевичъ Петромъ-же I произведенъ въ генералъ-маіоры.

Князь Иванъ Алексѣевичъ при Петрѣ I получилъ чинъ поручика, а отъ Екатерины I — званіе камеръ-юнкера.

Князь Николай Алексѣевичъ тоже былъ камеръ-юнкеромъ.

Князь Алексѣй Алексѣевичъ былъ лейтенантомъ.

Князь Александръ Григорьевичъ — флота капитаномъ.

Князь Сергій Григорьевичъ былъ посломъ въ Варшавѣ.

Князь Василій Владиміровичъ — генералъ-аншефомъ.

Князь Михайло Васильевичъ — губернаторомъ Сибири.

Всѣ дѣйствія къ сверженію Меншикова приписываютъ Долгорукимъ, тогда какъ въ сверженіи его принимали не меньшее участіе и другія фамиліи. Мы нарочно приведемъ здѣсь почти всѣ уцѣлѣвшіе указы Петра II, пусть обратятъ на нихъ вниманіе, и скажутъ намъ: приносятъ ли они безчестіе царствованію Петра II и что въ нихъ противъ Бога и пользы народа русскаго?

Верховный тайный совѣтъ состоялъ, по сверженію Меншикова, изъ: канцлера графа Головина, человѣка умнаго, но фальшиваго, не любившаго обнаруживать своего мнѣнія и исподтишка старавшагося уничтожить то, на что публично, изъ какой-то уступчивости, изъявлялъ свое согласіе.

Барона Остермана, человѣка ума государственнаго, но плута преестественнаго, который изъ видовъ своей пользы на все рѣшался, не имѣя ничего святаго, когда дѣло шло о достиженіи своей цѣли (1).

---

(1) Послѣднее качество — обнаруживаетъ въ Остерманѣ высокій умъ и замѣчательную энергію въ характерѣ. Чтобъ достичь какой-бы ни было

Князя Дмитрія Михайловича Голицына, человѣка государственнаго, съ новыми европейскими понятіями.

И, наконецъ, князя Василья Лукича Долгорукаго, котораго мы уже знаемъ.

Царскій императорскій домъ состоялъ:

Изъ императора Петра II, бабки его величества, по паденіи Меншикова освобожденной изъ суроваго заточенія, вдовствующей царицы Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной, которая выбрала себѣ въ жительство Москву.

Царевны Натальи Алексѣевны, главной покровительницы Остермана, имѣвшей болѣе всѣхъ вліянія на императора и сохранившей его до смерти своей, послѣдовавшей въ 1728 году.

Царевны Елизаветы Петровны, преданной тогда еще одной набожности, чѣмъ она очень наскучила императору, который поэтому съ нею рѣдко видѣлся.

Такъ-какъ Меншиковъ самовольно присвоилъ себѣ право Адмиралтействъ-коллегіи (нынѣ совѣтъ адмиралтейства) производить во флотѣ въ чины до капитана и, сверхъ того, посылалъ за границу военные корабли для своихъ торговыхъ оборотовъ, которыми, среди величія своего, еще при Петрѣ I занимался, то 1727 г. 16-го Сентября воспослѣдовалъ указъ изъ верховнаго тайнаго совѣта, коимъ возвращались права Адмиралтействъ-коллегіи производить до капитанскаго чина; а о высшихъ чинахъ велѣно докладывать верховному тайному совѣту. Этимъ же указомъ запрещалось военные корабли посылать куда-либо безъ указа.

18 Сентября 1727 г. данъ былъ именной указъ, состоявшійся въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, о перемѣнѣ старыхъ денегъ, о запрещеніи чеканить гривенники и объ отобраніи у Меншикова 40,000 р. серебряными гривенниками, буде уже выданы ему по прежнимъ указамъ; монетною конторою по прежнему

цѣли — хорошей-ли, дурной — не слѣдуетъ останавливаться ни передъ какими средствами: иначе недостижимо ничто.

Примѣч. К. В. Д.

управлять вмѣсто Московскому губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику Алексѣю Плещееву, да статскому совѣтнику Платону Мусину-Пушкину, да бергъ-коллегіи совѣтнику Василью Татищеву, а Алексѣя Волкова, исполнителя воли Меншикова, отъ этой конторы уволить.

Сентября того же числа данъ другой имянной указъ, состоявшійся въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, о скорѣйшемъ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ и объ учрежденіи въ Ингерманландскомъ уѣздѣ воеводскаго суда. Такъ-какъ оказалось по изслѣдованію, что всѣ дворцовые доходы существовавшихъ тогда въ Лифляндіи мызъ и таможни Меншиковъ бралъ себѣ, то 19 сентября выданъ указъ верховнаго тайнаго совѣта, прямо отъ него, чтобы вѣдѣніе таможеннаго сбора, пошлинъ съ Лифляндской таможни и дохода съ дворцовыхъ мызъ, по прежнему, подчинить камеръ-коллегіи.

20 Сентября въ верховномъ тайномъ совѣтѣ состоялся имянной указъ о непринятіи боярскихъ людей и крестьянъ по ихъ желанію въ солдаты, матросы и не въ какія другія службы, безъ воли ихъ господъ. Въ тотъ же день выданы были слѣдующіе указы верховнаго тайнаго совѣта:

1) О пошлинахъ съ товаровъ, идущихъ изъ Астрахани въ Хиву и Бухару.

2) О свободномъ дозволеніи отъискивать и обработывать руды.

3) О вольной продажѣ табаку.

4) О подачѣ прошеній русскому купечеству въ камеръ-коллегію, а иностранному на русскихъ — въ Магистратъ.

27 Сентября, о предосторожностяхъ противъ повальной болѣзни въ Астрахани.

28 Сентября императоръ, не присутствовавшій въ этотъ день въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, велѣлъ, если будутъ бумаги для подписи, принести ихъ послѣ обѣда къ нему. Разбирая принесенныя бумаги, онъ, взявъ перо и не прочитавъ дѣло, а только заголовокъ: рѣшеніе о приговорѣ къ смертной казни убійцы Семена Иванова Стременнаго, сталъ подписывать. Князь

Иванъ Алексѣевичъ, бывшій при этомъ, схватилъ императора за руку; тотъ вскочилъ и закричалъ: «Больно, Ваня, ты дурачишься!» «Я чай тому, что ты, государь, сталъ подписывать, не читая дѣла: больнѣе будетъ, когда голову снимать будутъ, а ты, государь, хочешь подписать, не читая!» — «Да этотъ докладъ всѣ подписали согласно.» — «Да хотя-бы родной твой отецъ подписалъ, а ты теперь государь, и за каждый волосъ, напрасно и неправильно снятый съ подданнаго, Богу отвѣчать будешь!» Петръ II расцѣловалъ князя Ивана и, зачеркнувъ начатое, подписалъ: «Въ ссылку вмѣсто смерти. Петръ II».

«Ну такъ, что-ли?» — «Ну, это еще можно», сказалъ князь Иванъ, прочитавъ: «но если ты, государь, всегда возмешь за правило не читать, а смягчать не читая, то поднесутъ тебѣ меморію нарочно, кого не слѣдуетъ наказать вовсе, а ты только смягчишь.» — «Усталъ, Ваня!» сказалъ государь: «въ другой разъ тебя послушаюсь».

Вотъ еще два указа:

29-го Сентября, верховнаго тайнаго совѣта, объ отдачѣ казенной скатертной фабрики въ аренду.

2 Октября данъ имянной изъ верховнаго тайнаго совѣта:

«Указали мы должность полиціймейстерской канцеляріи и принадлежащіе къ тому указы разсмотрѣть Сенату немедленно, и ежели въ чемъ происходятъ народныя тягости и напрасные убытки, о томъ со мнѣніемъ доносить въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, не упуская времени, дабы тѣмъ не допустить до большаго отягченія, а Московской полиціи быть въ Дирекціи Московскаго Генералъ-Губернатора князя Ромодановскаго со товарищами, которымъ такожде должность полиціи и указы немедленно разсмотрѣть противъ вышеписаннаго-жъ и со мнѣніемъ доносить въ нашемъ-же верховномъ тайномъ совѣтѣ.

«Петръ II».

Дай Богъ, чтобы всегда цари такъ вникали въ дѣла правленія: тогда на землѣ не было-бы тягостныхъ управъ и полиціи! Не погибло-бы столько честныхъ и благородныхъ личностей!

Не было-бы такого рѣшенія, какое въ 1863 году, по милости Замятина, надъ княземъ Алексѣемъ состоялось!

12 Октября, въ день окончательнаго разграниченія нашихъ владѣній, причемъ: границею назначена рѣка Амуръ съ Китаемъ, князя Алексѣя Григорьевича императоръ пожаловалъ кавалеромъ Андрея первозваннаго.

3 Февраля 1728 г. князя Алексѣя Григорьевича сдѣлалъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта, а 11-го Февраля князя Ивана Алексѣевича оберъ-каммергеромъ и андреевскимъ кавалеромъ.

10 Февраля изъ верховнаго тайнаго совѣта обнародованъ указъ объ освобожденіи отставныхъ военныхъ офицеровъ отъ обязанности ежегодно являтся на смотръ въ военную коллегію.

Впослѣдствіи Бирономъ были уничтожены всѣ указы и манифесты Петра II, изданные съ паденія Меншикова по 26 Февраля, и даже церемоніалъ коронованія, не только подлинный, но даже, гдѣ можно было, и перепечатанные. 25 Февраля, въ день коронованія, императоръ пожаловалъ князя Василія Владиміровича генералъ-фельдмаршаломъ, князя Ивана Алексѣевича генералъ-аншефомъ, князя Сергія Григорьевича посломъ въ Варшаву, князя Николая Алексѣевича каммергеромъ, князя Алексѣя Алексѣевича флота капитаномъ.

Всѣ уцѣлѣвшіе въ полномъ собраніи законовъ указы этой эпохи доказываютъ, что Россія не назадъ шла, а впередъ! Напримѣръ слѣдующіе, 1728 года, указы верховнаго тайнаго совѣта: 28 Мая, о заведеніи особаго капитала за границею, съ цѣлію поддержать вексельный курсъ и увеличить чрезъ это сбытъ россійскихъ товаровъ за границею.

31 Мая (имянной), объ освобожденіи отъ пошлинъ и акциза съ вывезенныхъ изъ Франціи на россійскомъ фрегатѣ россійскими купцами товаровъ, для поощренія (какъ сказано) новаго сего торга.

Іюня третьяго дня (имянной), о штатѣ инженернаго корпуса и инженерной школы, которыхъ при Петрѣ I не было, по инжинерной ротѣ (основанной Петромъ I). Въ

тотъ-же день данъ указъ: о посылкѣ въ Курскую губернію для отъискиванія рудъ.

Іюня 9 дня (имянной), о назначеніи пенсій (которыхъ до тѣхъ-поръ не давали) вдовамъ умершихъ иностранцевъ въ россійской службѣ.

10 Іюня прибылъ съ Кавказа генералъ-фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ, вызванный императоромъ ко двору въ Москву.

14 Іюня заключенъ генеральный контрактъ Китая съ Россіею.

Дай Богъ, что бы Россія всегда заключала такіе трактаты!

15 Августа имянной указъ. Вотъ мѣра кроткая, мягкая и умная.

Дай Богъ, чтобы всегда принимались такія мѣры, и жаль, что не всегда имъ слѣдовали!

Августа 31, о торговлѣ.

Сентября 12, умный и дѣльный наказъ губернаторамъ, который не мѣшало-бы и теперь повѣстить.

Указъ 1729 г. Февраля 12. Тутъ нелишнее замѣтить, что многіе русскіе подданные, а особливо тѣ, которые исповѣдуютъ протестантскую религію, выхваляютъ Екатерину II за отобраніе вотчинъ у монастырей но это была одна изъ большихъ ея ошибокъ, которая и при Николаѣ повторилась. Всѣ монастырскіе крестьяне были богаты, а перешедши въ казну, сдѣлались бѣдны. Этого иначе не могло быть: монастырь былъ самъ хозяинъ своего добра, а приказные люди— наемники. По исторіи видно, что монастыри, въ голодные годы, кормили губерніи, или, вѣрнѣе, не они, а крестьяне ихъ. Отошедши-же отъ монастырей, крестьяне не только не могли другихъ кормить, но и сами не разъ одолжались казнѣ; земли же, гдѣ была запашка (ибо всѣ монастырскіе крестьяне были пахатные), опустѣли. Лавра Опочаевская получала съ крестьянъ 25 т. руб. сер. въ годъ и когда ихъ отобрали, то министерство государственныхъ имуществъ нѣсколько разъ, съ этихъ-

же крестьянъ, трети не въ силахъ было получить, и лавра задолжала и крестьяне обѣднѣли.

11 Марта данъ указъ, о сбереженіи лѣсовъ.

Апрѣля 6 князь Михайло Владиміровичъ Долгорукой пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ верховнаго тайнаго совѣта. Изъ этого видно, что онъ по службѣ былъ младше князя Алексѣя Григорьевича и только въ Апрѣлѣ 1729 г. сталъ участвовать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ.

Мая 5 указъ (имянной), воспрещающій строго допускать всякому и какую бы ни было монополію по лѣсной части.

Мая 12, положеніе верховнаго тайнаго совѣта объ улучшеніи содержанія колодниковъ, объявленное дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ.

Мая 16 изданъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, уставъ вексельный на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ.

24 Іюня (имянной), коимъ дозволено, русскимъ природнымъ купцамъ, строить корабли безъ платежа пошлинъ.

25 Іюня (имянной), о невзятіи подушныхъ съ крестьянъ.

9/10 Сентября 1729 г. заключенъ очень выгодный трактатъ съ Персіею, а въ Октябрѣ высочайше утвержденъ докладъ верховнаго тайнаго совѣта объ учрежденіи коммисіи для улучшенія положенія арміи.

Любя охоту, государь посѣщалъ дачи села Горенки, и иногда заѣзжалъ и къ самому князю Алексѣю Григорьевичу, при чемъ обратилъ вниманіе на красоту его дочери, княжны Екатерины Алексѣевны, которая была неравнодушна къ секретарю австрійскаго посольства, графу Милезино. Въ нее же страстно былъ влюбленъ князь Юрій Юрьевичъ, Долгорукой-же (другой линіи), бывшій впослѣдствіи супругомъ сестры ея. Княжна-же ненавидѣла его. Съ 8 Сентября государь, проживъ въ селѣ у князя 9 недѣль, вошелъ къ нему въ одно утро и объявилъ ему о своей любви къ его дочери. Князь сейчасъ-же хотѣлъ представить его величеству дочь свою, но государь остановилъ его и самъ пошелъ прямо къ княжнѣ

(изъ записокъ князя Алексѣя Алексѣевича, третьяго брата ея) и, найдя ее въ саду, признался ей въ любви и объявилъ ей, что хочетъ на ней жениться. «Ваше величество», отвѣчала княжна: «сколько-бы не была велика честь мнѣ, вами, государь, дѣлаемая, но никогда не рѣшуся для возвышенія рода своего нарушить долгъ вѣрноподданнаго. Всякая, на моемъ мѣстѣ, пала-бы къ ногамъ вашего величества съ благодарностію, но я думаю, что та, которую удостоиваетъ государь трона своего, должна крѣпко подумать напередъ, можетъ-ли она сдѣлать своего государя счастливымъ».

Государь увѣрялъ ее, что это самое дѣлаетъ ее достойною трона; но она выпросила позволеніе подумать до 1 Ноября.

Вся родня опрокинулась на княжну: мать, отецъ, а болѣе всѣхъ князь Василій Лукичъ.

Не смотря на это, она послѣ 1 Ноября опять выпросила у императора позволеніе подумать, и только 9 Ноября дала свое согласіе.

Между-тѣмъ, изъ тѣхъ же записокъ, князя Алексѣя Алексѣевича, приведемъ ея разговоръ 7 Ноября съ генераломъ Салтыковымъ. «Неужели вы откажете императору, между тѣмъ есть человѣкъ, этой жертвы ожидающій?» «Жертвы!» прервала княжна: «да кто-жъ ея отъ меня можетъ требовать? Кажется, я себя никогда такъ не вела, чтобы кто-нибудь могъ отъ меня требовать жертвы? Если кто и замѣчалъ, что я неравнодушна была къ нѣкоторымъ, то въ этомъ могли и ошибиться, и почему доселѣ моей руки не искали?» «Не рѣшались... думали», отвѣчалъ Салтыковъ, «а теперь ожидаютъ». «Слишкомъ много чести, чтобъ русская княгиня пожертвовала для того, который не рѣшался и думалъ, т. е., какъ нѣмецъ, не любилъ, а разсчитывалъ. Этакого человѣка я любить не могу и это самое меня заставляетъ рѣшиться на то, на что бы я не рѣшилась».

19 Ноября объявлено публично о предстоящемъ бракѣ императора, съ княжною Екатериною Алексѣевной Долгорукой; ей данъ титулъ ея высочества, отцу ея, братьямъ и князю Василію Владиміровичу пожалованъ титулъ свѣтлости; князь

Иванъ Григорьевичъ пожалованъ въ тайные совѣтники; князья Александръ Григорьевичъ и Алексѣй Алексѣевичъ—въ контръ-адмиралы.

«Имяннымъ указомъ Святѣйшему Сvноду велѣно на эктеніи поминать: «благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя императора, Петра Алексѣевича, и невѣсту его, благовѣрную государыню княжну Екатерину Алексѣевну, бабку его, благочестивую государыню царицу Евдокію Θеодоровну» и проч.

Наканунѣ обрученія Петра II съ Екатериною Долгорукой, на вечерѣ (до прихода императора), князь Василій Владиміровичъ, подойдя къ княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, сказалъ: «Ваше высочество; и такъ вы скоро будете нашею повели-«тельницею... Пусть говорятъ наши родственники, что хотятъ, «но вы никогда не забывайте, какъ много перемѣнъ даже и «одинъ часъ сдѣлать можетъ! Наслаждайтесь скромно своимъ «счастіемъ и помните, что съ завтрашняго дня вы не принад-«лежите больше нашей фамиліи. Подданные государя будутъ «ваши родственники, а не мы, которые вашу фамилію носимъ. «И такъ», прибавилъ онъ, «вспомните о той, которая невин-«но страдаетъ». «Понимаю васъ, дядюшка», сказала княжна: «я съ вами согласна и предала себя воли Божіей и моему «государю; на счетъ-же княжны Меншиковой я уже просила «и мнѣ государь далъ слово, что день брака моего будетъ ея «возвращеніемъ».

30 Ноября совершилось обрученіе. Вмѣсто описанія его, представляемъ подлинное объявленіе о немъ въ современныхъ вѣдомостяхъ, отысканное княземъ Петромъ Долгорукимъ.

1729 г. № 79 С. Петербургскихъ вѣдомостей. «Москва, 1 «Декабря. Вчерашняго дня, то есть, въ праздникъ святаго «Андрея Первозваннаго, заступника Россійскаго Государства, «отправлялось публично торжествованіе Высочайшаго обруче-«нія Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Госу-«даря нашего съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Принцес-«сою Екатериною Алексѣевною, Его Свѣтлости князя Алексѣя

«Григорьевича Долгорукаго Его Императорскаго Величества «действительнаго тайнаго штатскаго министра, такожде и «гофмейстера ордена Святагѡ Андрея Первозваннаго и протчая, «дщерью Принцессою, въ Императорскомъ лѣтнемъ домѣ, при «присутствіи Ея Величества вдовствующей царицы, принцессъ «Императорской фамиліи, такожде и всѣхъ протчихъ какъ «здѣшнихъ, такъ и иностранныхъ высокихъ знатныхъ особъ «мужскаго и женскаго пола, зѣло преславнѡ, и при выпаленіи «съ валовъ трехъ разъ».

СУПЛЕМЕНТЪ

(въ Воскресенье 14 Декабря 1729 г.)

РЕЛЯЦІЯ.

«О высокомъ Его Императорскаго Величества обрученіи, «коимъ образомъ оное 30 Ноября сего 1729 года въ Москвѣ «счастливо совершилось.

«Какъ Его Императорское Величество Всемилостивѣйшій «нашъ Государь, всемилостивѣйше соблаговолилъ соизволилъ «всевысочайше воспріятое свое намѣреніе къ настоящему Его «Величества сочетанію законнаго брака, съ Ея Высочествомъ «принцессою Его Свѣтлости князя Алексѣя Григорьевича Долго- «рукаго, Его Императорскаго Величества дѣйствительнаго тай- «наго штатскаго министра, гофмейстера и кавалера ордена «Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, среднею дочерью «Екатериною Алексѣевною, чрезъ дѣйствительнаго тайнаго «штатскаго министра, государственаго вице-канцлера, оберъ- «гофмейстера и кавалера ордена Святаго Апостола Андрея

«Первозваннаго его превосходительства господина барона фонъ-«Остермана во всевысочайше къ тому нарочно призванномъ «верховномъ тайномъ совѣтѣ, 19 дня Ноября, о чемъ объя-«вить повелѣлъ, такожде 21 дня того-же мѣсяца, всѣмъ здѣсь «обрѣтающимся иностраннымъ министрамъ чрезъ оберъ-цере-«моніймейстера и объявлена и онымъ такожде къ пожеланной «ради отданія Его Величеству поздравительныхъ комплемен-«товъ аудіенціи 24 день назначенъ былъ, то введены оные «министры въ назначенное время не токмо къ Его Император-«скому Величеству, но такожде по ихъ возжеланію къ Ея «Высочеству принцессѣ Невѣстѣ до аудіенціи ради поздравле-«нія Ея Высочества такожде, какъ настоящимъ сочетаніемъ «законнаго брака, такъ и днемъ тезаименитства, понеже оное «Ея Высочества тезоименитство въ день же праздника Святыя «Великомученицы Екатерины въ Головинскихъ палатахъ тор-«жествована, въ которыхъ Ея Высочество нынѣ жить изволитъ, «которые потомъ такожде къ вечеру на асамблею и балъ «званы, и при томъ въ преизрядномъ убранствѣ явились.

«Но понеже 30 день Ноября, то есть день праздника «Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, къ торжествованію «публичнаго Его Императорскаго Величества обрученія назна-«ченъ, и за день до того къ сему торжествованію отъ импе-«раторскаго гофмаршала господина Шепелева Ея Величество «вдовствующая государыня царица Его Императорскаго Вели-«чества бабка, Ихъ Высочества: царевна Елизавета Петровна, «Герцогиня Мекленбургская Екатерина Іоанновна, и царевна «Параскева Іоанновна, Ея Высококняжеская свѣтлость прин-«цесса Мекленбургская, отъ нѣкотораго изъ императорскихъ «камеръ-юнкеровъ, а принцессы Долгоруковой фамиліи и «ближніе высокіе свойственники съ отцовой и матерней сто-«роны, ради провожденія Ея Высочества принцессу-невѣсту «изъ Головиныхъ палатъ во дворецъ отъ ихъ собственнаго «шталмейстера, такожде и всѣ знатные особы, какъ здѣшніе «такъ и иностранные мужскаго и женскаго пола, въ 3 часу «по-полудни обыкновеннымъ образомъ званы были, то пое

«дены дамы въ апартаменты, по правую сторону большаго «зала, а кавалерамъ показаны были переднія палаты, предъ «апартаментомъ Его Императорскаго Величества.

«Назначенная къ сему торжествованію большая зала въ «домѣ Его Императорскаго Величества была слѣдующимъ обра«зомъ убрана: Посреди оной залы посланъ былъ великій Пер«сидскій шелковый коверъ, на котораго верхнемъ концѣ золо«тою парчею покрытый столъ поставленъ былъ, а на ономъ «златое блюдо, на которомъ святой крестъ съ двумя золоты«ми тарелки лежали, а на оныхъ надъ обручательными пер«стнями благословенная молитва прочтена быть имѣла. Предъ «симъ столомъ и надъ онымъ ковромъ держали 6 генералъ«маіоровъ на серебренныхъ шестикахъ преизрядный изъ се«ребряной парчи золотомъ богато вышитой балдахинъ, подъ «которымъ Его Императорскаго Величества обрученіе отпра«вляться имѣло. Генералы-маіоры, помянутый балдахинъ дер«жащіе, были слѣдующіе: князь Барятинскій, фонъ Венедигеръ, «Бибиковъ, Измайловъ, Кейстъ и оберъ-комендантъ Москов«скій Еропкинъ. По правую сторону постланъ былъ таковжде «долгій шелковый коверъ, на которомъ Его Императорскаго «Величества кресло стояло, а въ прочемъ ни какой другой «стулъ на ономъ поставленъ не былъ, по лѣвую сторону «постланъ былъ такой же коверъ, на которомъ два зеленыя «золотыя позументами украшенныя кресла рядомъ, и еще 4 «такіе же стула, но однакоже мало уступя, поставлены были. «Первые два кресла были поставлены Ея Величеству Госуда«рынѣ вдовствующей царицѣ, Его Императорскаго Величества «бабкѣ и Ея Императорскому Высочеству Принцессѣ, Его «Императорскаго Величества невѣстѣ; а другіе 4 стула поста«влены были ихъ Высочествамъ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, «герцогинѣ Мекленбургской, царевнѣ Парасковѣ Іоанновнѣ, и «Ея Высококняжеской Свѣтлости Принцессѣ Мекленбургской. За «сими стулами поставлено было нѣсколько дюжинъ стульевъ «Ея Высочества государыни невѣсты матери, Ея Высочества

[illegible]

«сестрѣ и прочимъ Ея Высочества свойственницамъ ихъ свѣ-«тлости, Принцессамъ, такожде и прочимъ дамамъ.

«И какъ почти всѣ при дворѣ собралися, поѣхалъ Его «Императорскаго Величества оберъ-каммергеръ, Ея Высочества «государыни невѣсты братъ, Его свѣтлость, яко къ сему тор-«жествованію Его Императорскаго Величества Высокоучреж-«денный главный коммисаръ, съ Его Императорскаго Вели-«чества каммергерами, во многихъ Императорскихъ каретахъ, «и съ многими Его Императорскаго Величеству служителями, «въ Головинскія палаты, гдѣ ихъ свѣтлости принцессы Долго-«рукихъ фамилія собралася, ради провожденія Ея Высочества «государыни невѣсты къ настоящему торжествованію.

«По прибытіи туда Его Свѣтлости господина оберъ-каммер-«гера, изволилъ Его Свѣтлость изъ кареты вытти; потомъ «пошелъ Его Свѣтлость въ верхъ и объявилъ причину того, «чего ради Его Свѣтлость туда присланъ, просилъ Ея Высо-«чество принцессу, чтобы Ея Высочество съ нимъ ѣхать «изволила, и повелъ Ея Высочество къ каретѣ и посадилъ ее «въ оную; послѣ того пошелъ Его Свѣтлость къ своей каретѣ, «а потомъ отправилось шествіе слѣдующимъ образомъ:

«1. Двѣ Императорскія кареты, въ 6 лошадей заложенныя, «въ которыхъ каммергеры сидѣли.

«2. Императорская карета Его Свѣтлости оберъ-каммергеру, «въ 6 лошадей заложенная, въ которой Его Свѣтлость одинъ «сидѣлъ.

«3. Четыре Императорскіе скорохода.

«4. Два придворные фуріера верхами.

«5. Императорскій Шталмейстеръ Кошеневъ одинъ вер-«хомъ.

«6. Ея Высочества гренадерская гвардія верхами.

«7. Четыре Императорскіе почталіона.

«8. Карета 6 лошадьми запряженная, въ которой Ея Им-«ператорское Высочество, а напротивъ Ея Высочества Ея «Свѣтлость государыня мать и сестра Ея Высочества сидѣть «изволили. Напередъ оной кареты стояли четыре Император-

«скіе пажи, назади ѣхалъ камеръ-пажъ, а при каретѣ шли 6 «Императорскихъ гайдуковъ и лакеи, всѣ въ преизрядной «ливреѣ.

«3. За оною каретою слѣдовали другія придворныя кареты «съ принцессами отъ Долгоруковой фамиліи, такъ что ближнія «свойственницы первыми были.

«10. Дамы Ея Высочества, до гофштата Ея Высочества «принадлежавшія.

«11. А напослѣдокъ порожнія кареты.

«Сіе шествіе отправлялось чрезъ Салтыковъ мостъ, по боль«шой улицѣ нѣмецкой слободы ко Двору.

«Какъ Ея Высочество съ слѣдующей при семъ свитою ко «Двору приблизится изволила, пошли гофъ-маршалъ и оберъ«церемоніймейстеръ, оба съ своими штатами при провожденіи «Императорскихъ придворныхъ кавалеровъ въ апартаментъ «дамамъ назначенный, и просили Ея Высочество вдовствующую «Государыню царицу, Ихъ Высочествъ принцессъ Император«ской фамиліи и прочихъ дамъ, дабы оныя въ залу къ обру«ченію назначенную итти изволили, и какъ сіе учинено, и «оныя въ оной залѣ на свои мѣста сѣсть изволили, пошли оныя «такою же церемоніею по большой лѣстницѣ внизъ, ради «встрѣченія и введенія Ея Высочества невѣсту въ верхъ.

«Его Свѣтлость господинъ оберъ-каммергеръ вывелъ Ея «Высочество изъ кареты и велъ Ея за руку въ верхъ, кото«рой караулъ ружьемъ честь отдалъ, но безъ барабаннаго «боя.

«Какъ скоро Ея Высочество въ залу вступить изволила, «начали на преизрядной музыкѣ играть, во время котораго «игранія Ея Высочество государыня невѣста на свое мѣсто «сѣсть изволила, а между тѣмъ оберъ-каммергеръ, каммергеры «и придворные кавалеры при предведеніи гофмаршала и оберъ«церемоніймейстера въ ту палату, гдѣ Императорское Величе«ство быть изволилъ, пошли ради приведенія Его Величества «также въ залу, ко обрученію Его Величества назначенную. «Его Императорское Величество провождали ихъ свѣтлости:

Иванъ Григорьевичъ пожалованъ въ тайные совѣтники; князья Александръ Григорьевичъ и Алексѣй Алексѣевичъ—въ контръ-адмиралы.

Именнымъ указомъ Святѣйшему Сvноду велѣно на эктеніи поминать: «благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя императора, Петра Алексѣевича, и невѣсту его, благовѣрную государыню княжну Екатерину Алексѣевну, бабку его, благочестивую государыню царицу Евдокію Өедоровну» и проч.

Наканунѣ обрученія Петра II съ Екатериною Долгорукой, на вечерѣ (до прихода императора), князь Василій Владиміровичъ, подойдя къ княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, сказалъ: «Ваше высочество, и такъ вы скоро будете нашею повели-«тельницею... Пусть говорятъ наши родственники, что хотятъ, «но вы никогда не забывайте, какъ много перемѣнъ даже и «одинъ часъ сдѣлать можетъ! Наслаждайтесь скромно своимъ «счастіемъ и помните, что съ завтрашняго дня вы не принад-«лежите больше нашей фамиліи. Подданные государя будутъ «ваши родственники, а не мы, которые вашу фамилію носимъ. «И такъ», прибавилъ онъ, «вспомните о той, которая невин-«но страдаетъ». «Понимаю васъ, дядюшка», сказала княжна: «я съ вами согласна и предала себя воли Божіей и моему «государю; на счетъ-же княжны Меншиковой я уже просила «и мнѣ государь далъ слово, что день брака моего будетъ ея «возвращеніемъ».

30 Ноября совершилось обрученіе. Вмѣсто описанія его, представляемъ подлинное объявленіе о немъ въ современныхъ вѣдомостяхъ, отысканное княземъ Петромъ Долгорукимъ.

1729 г. № 79 С. Петербургскихъ вѣдомостей. «Москва, 1 «Декабря. Вчерашняго дня, то есть, въ праздникъ святаго «Андрея Первозваннаго, заступника Россійскаго Государства, «отправлялось публично торжествованіе Высочайшаго обруче-«нія Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Госу-«даря нашего съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Принцес-«сою Екатериною Алексѣевною, Его Свѣтлости князя Алексѣя

«Григорьевича Долгорукаго Его Императорскаго Величества «действительнаго тайнаго штатскаго министра, також де и «гофмейстера ордена Святаго Андрея Первозваннаго и протчая, «дщерью Принцессою, въ Императорскомъ лѣтнемъ домѣ, при «присутствіи Ея Величества вдовствующей царицы, принцессъ «Императорской фамиліи, також де и всѣхъ протчихъ какъ «здѣшнихъ, такъ и иностранныхъ высокихъ знатныхъ особъ «мужскаго и женскаго пола, зѣло преславно, и при выпаленіи «съ валовъ трехъ разъ».

СУПЛЕМЕНТЪ

(въ Воскресенье 14 Декабря 1729 г.)

РЕЛЯЦІЯ.

«О высокомъ Его Императорскаго Величества обрученіи, «коимъ образомъ оное 30 Ноября сего 1729 года въ Москвѣ «счастливо совершилось.

«Какъ Его Императорское Величество Всемилостивѣйшій «нашъ Государь, всемилостивѣйше соблаговолилъ соизволилъ «всевысочайше воспріятое свое намѣреніе къ настоящему Его «Величества сочетанію законнаго брака, съ Ея Высочествомъ «принцессою Его Свѣтлости князя Алексѣя Григорьевича Долго-«рукаго, Его Императорскаго Величества дѣйствительнаго тай-«наго штатскаго министра, гофмейстера и кавалера ордена «Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, среднею дочерью «Екатериною Алексѣевною, чрезъ дѣйствительнаго тайнаго «штатскаго министра, государственаго вице-канцлера, оберъ-«гофмейстера и кавалера ордена Святаго Апостола Андрея

«Первозваннаго его превосходительства господина барона фонъ-
«Остермана во всевысочайше къ тому нарочно призванномъ
«верховномъ тайномъ совѣтѣ, 19 дня Ноября, о чемъ объя-
«вить повелѣлъ, такожде 21 дня того-же мѣсяца, всѣмъ здѣсь
«обрѣтающимся иностраннымъ министрамъ чрезъ оберъ-цере-
«моніймейстера и объявлена и онымъ такожде къ пожеланной
«ради отданія Его Величеству поздравительныхъ комплемен-
«товъ аудіенціи 24 день назначенъ былъ, то введены оные
«министры въ назначенное время не токмо къ Его Император-
«скому Величеству, но такожде по ихъ возжеланію къ Ея
«Высочеству принцессѣ Невѣстѣ до аудіенціи ради поздравле-
«нія Ея Высочества такожде, какъ настоящимъ сочетаніемъ
«законнаго брака, такъ и днемъ тезаименитства, понеже оное
«Ея Высочества тезоименитство въ день же праздника Святыя
«Великомученицы Екатерины въ Головинскихъ палатахъ тор-
«жествована, въ которыхъ Ея Высочество нынѣ жить изволитъ,
«которые потомъ такожде къ вечеру на асамблею и балъ
«званы, и при томъ въ преизрядномъ убранствѣ явились.

«Но понеже 30 день Ноября, то есть день праздника
«Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, къ торжествованію
«публичнаго Его Императорскаго Величества обрученія назна-
«ченъ, и за день до того къ сему торжествованію отъ импе-
«раторскаго гофмаршала господина Шепелева Ея Величество
«вдовствующая государыня царица Его Императорскаго Вели-
«чества бабка, Ихъ Высочества: царевна Елизавета Петровна,
«Герцогиня Мекленбургская Екатерина Іоанновна, и царевна
«Параскева Іоанновна, Ея Высококняжеская свѣтлость прин-
«цесса Мекленбургская, отъ нѣкотораго изъ императорскихъ
«каммеръ-юнкеровъ, а принцессы Долгоруковой фамиліи и
«ближніе высокіе свойственники съ отцовой и матерней сто-
«роны, ради провожденія Ея Высочества принцессу-невѣсту
«изъ Головиныхъ палатъ во дворецъ отъ ихъ собственнаго
«шталмейстера, такожде и всѣ знатные особы, какъ здѣшніе
«такъ и иностранные мужскаго и женскаго пола, въ 3 часу
«по-полудни обыкновеннымъ образомъ званы были, то пов е

«дены дамы въ апартаменты, по правую сторону большого «зала, а кавалерамъ показаны были переднія палаты, предъ «апартаментомъ Его Императорскаго Величества.

«Назначенная къ сему торжествованію большая зала въ «домѣ Его Императорскаго Величества была слѣдующимъ обра«зомъ убрана. Посреди оной залы посланъ былъ великій Пер«сидскій шелковый коверъ, на котораго верхнемъ концѣ золо«тою парчею покрытый столъ поставленъ былъ, а на ономъ «златое блюдо, на которомъ святой крестъ съ двумя золоты«ми тарелки лежали, а на оныхъ надъ обручательными пер«стнями благословенная молитва прочтена быть имѣла. Предъ «симъ столомъ и надъ онымъ ковромъ держали 6 генералъ«маіоровъ на серебренныхъ шестикахъ преизрядный изъ се«ребряной парчи золотомъ богато вышитой балдахинъ, подъ «которымъ Его Императорскаго Величества обрученіе отпра«вляться имѣло. Генералы-маіоры, помянутый балдахинъ дер«жащіе, были слѣдующіе: князь Барятинскій, фонъ Венедигеръ, «Бибиковъ, Измайловъ, Кейстъ и оберъ-комендантъ Москов«скій Еропкинъ. По правую сторону постланъ былъ такожде «долгій шелковый коверъ, на которомъ Его Императорскаго «Величества кресло стояло, а въ прочемъ ни какой другой «стулъ наономъ поставленъ не былъ, по лѣвую сторону «постланъ былъ такой же коверъ, на которомъ два зеленыя «золотыя позументами украшенныя кресла рядомъ, и еще 4 «такіе же стула, но однакоже мало уступя, поставлены были. «Первые два кресла были поставлены Ея Величеству Госуда«рынѣ вдовствующей царицѣ, Его Императорскаго Величества «бабкѣ и Ея Императорскому Высочеству Принцессѣ, Его «Императорскаго Величества невѣстѣ; а другіе 4 стула поста«влены были имъ Высочествамъ царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, «герцогинѣ Мекленбургской, царевнѣ Параскевѣ Іоанновнѣ, и «Ея Высококняжеской Свѣтлости Принцессѣ Мекленбургской. За «сими стулами поставлено было нѣсколько дюжинъ стуловъ «Ея Высочества государыни невѣсты матери, Ея Высочества

«сестрѣ и прочимъ Ея Высочества свойственницамъ ихъ свѣ-«тлости, Принцессамъ, такожде и прочимъ дамамъ.

«И какъ почти всѣ при дворѣ собралися, поѣхалъ Его «Императорскаго Величества оберъ-каммергеръ, Ея Высочества «государыни невѣсты братъ, Его свѣтлость, яко къ сему тор-«жествованію Его Императорскаго Величества Высокоучреж-«денный главный коммисаръ, съ Его Императорскаго Вели-«чества каммергерами, во многихъ Императорскихъ каретахъ, «и съ многими Его Императорскаго Величеству служителями, «въ Головинскія палаты, гдѣ ихъ свѣтлости принцессы Долго-«рукихъ фамилія собралася, ради провожденія Ея Высочества «государыни невѣсты къ настоящему торжествованію.

«По прибытіи туда Его Свѣтлости господина оберъ-каммер-«гера, изволилъ Его Свѣтлость изъ кареты вытти; потомъ «пошелъ Его Свѣтлость въ верхъ и объявилъ причину того, «чего ради Его Свѣтлость туда присланъ, просилъ Ея Высо-«чество принцессу, чтобы Ея Высочество съ нимъ ѣхать «изволила, и повелъ Ея Высочество къ каретѣ и посадилъ ее «въ оную; послѣ того пошелъ Его Свѣтлость къ своей каретѣ, «а потомъ отправилось шествіе слѣдующимъ образомъ:

«1. Двѣ Императорскія кареты, въ 6 лошадей заложенныя, «въ которыхъ каммергеры сидѣли.

«2. Императорская карета Его Свѣтлости оберъ-каммергеру, «въ 6 лошадей заложенная, въ которой Его Свѣтлость одинъ «сидѣлъ.

«3. Четыре Императорскіе скорохода.

«4. Два придворные фуріера верхами.

«5. Императорскій Шталмейстеръ Кошеневъ одинъ вер-«хомъ.

«6. Ея Высочества гренадерская гвардія верхами.

«7. Четыре Императорскіе почталіона.

«8. Карета 6 лошадьми запряженная, въ которой Ея Им-«ператорское Высочество, а напротивъ Ея Высочества Ея «Свѣтлость государыня мать и сестра Ея Высочества сидѣть «изволили. Напередъ оной кареты стояли четыре Император-

«скіе пажи, назади ѣхалъ камеръ-пажъ, а при каретѣ или 6 «Императорскихъ гайдуковъ и лакеи, всѣ въ преизрядной «ливреѣ.

«9. За оною каретою слѣдовали другія придворныя кареты «съ принцессами отъ Долгоруковой фамиліи, такъ что ближнія «свойственницы первыми были.

«10. Дамы Ея Высочества, до гофштата Ея Высочества «принадлежавшія.

«11. А напослѣдокъ порожнія кареты.

«Сіе шествіе отправлялось чрезъ Салтыковъ мостъ, по боль«шой улицѣ нѣмецкой слободы ко Двору.

«Какъ Ея Высочество съ слѣдующей при семъ свитою ко «Двору приблизится изволила, пошли гофъ-маршалъ и оберъ«церемоніймейстеръ, оба съ своими штатами при провожденіи «Императорскихъ придворныхъ кавалеровъ въ апартаментъ «дамамъ назначенный, и просили Ея Высочество вдовствующую «Государыню царицу, Ихъ Высочествъ принцессъ Император«ской фамиліи и прочихъ дамъ, дабы оныя въ залу къ обру«ченію назначенную итти изволили, и какъ сіе учинено, и «оныя въ оной залѣ на свои мѣста сѣсть изволили, пошли оныя «такою же церемоніею по большой лѣстницѣ внизъ, ради «встрѣченія и введенія Ея Высочества невѣсту въ верхъ.

«Его Свѣтлость господинъ оберъ-каммергеръ вывелъ Ея «Высочество изъ кареты и велъ Ея за руку въ верхъ, кото«рой караулъ ружьемъ честь отдалъ, но безъ барабаннаго «боя.

«Какъ скоро Ея Высочество въ залу вступить изволила, «начали на преизрядной музыкѣ играть, во время котораго «игранія Ея Высочество государыня невѣста на свое мѣсто «сѣсть изволила, а между тѣмъ оберъ-каммергеръ, каммергеры «и придворные кавалеры при предведеніи гофмаршала и оберъ«церемоніймейстера въ ту палату, гдѣ Императорское Величе«ство быть изволилъ, пошли ради приведенія Его Величества «также въ залу, ко обрученію Его Величества назначенную. «Его Императорское Величество провождали ихъ свѣтлости:

«князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, оберъ-камергеръ, «генералъ-фельдмаршалъ князь Долгорукій и другіе знатные «изъ сей фамиліи, такожде и ихъ превосходительства государ«ственный канцлеръ и вице-канцлеръ съ прочими знатными «особами. Его Величество изволилъ въ залу при играніи на «трубахъ и битіи на литаврахъ вступить.

«Какъ Его Величество въ оную залу вступилъ и къ своему «мѣсту пріитти изволилъ, перестали на музыкѣ играть, и цере«монія началась слѣдующимъ образомъ отправляться:

«Его Свѣтлость господинъ оберъ-камергеръ велъ Ея Вы«сочество Государыню невѣсту, потомъ изволилъ Его Импера«торское Величество по правую сторону Ея Высочества подъ «балдахиномъ стать, а при Его Величествѣ присутствовалъ Его «Императорскаго Величества оберъ-гофмейстеръ, его превосхо«дительство господинъ баронъ фонъ-Остерманъ. Потомъ сію «церемонію отправляющій архіепископъ Новгородскій, по про«чтеніи молитвы къ тому принесъ, на каждую златую тарелку «перстни обручающихся какъ Его Императорскаго Величества, «такъ и Ея Высочества государыни невѣсты положилъ, паки «за столъ пошелъ надъ помянутыми перстнями по обыкнове«нію греческой церкви благословенную молитву читалъ, паки «предъ столъ вышелъ, перемѣненные перстни подалъ, а потомъ «еще стихи пѣли и нѣкоторыя молитвы читали. Послѣ того «изволили Его Императорское Величество изъ-подъ балдахина «на свое Высочайшее мѣсто, а Ея Высочество государыня «невѣста на свое же мѣсто паки пойти и публичнаго поздра«вленія при играніи на трубахъ и битіи на литаврахъ такожде «и при выпаленіи трехъ разъ изъ пушекъ съ валовъ отданы.

«Потомъ изволилъ Его Императорское Величество Ея Вы«сочество Государыню невѣсту, за руку взявъ, въ свою палату «при провожденіи Ея Величества государыни царицы своей «бабки, ихъ Величествъ принцессъ отъ императорской фами«ліи и Ея Высочества высокихъ свойственницъ повести, отку«да къ сожженію фейерверка сигналъ данъ и оный фейерверкъ «зажженъ былъ, который такъ какъ и преизрядныя иллюми-

«націи въ замкѣ и внѣ онаго во многихъ тысячахъ лампадъ «разныхъ цвѣтовъ преизрядно горѣли.

«По томъ фейерверкѣ начатъ балъ въ большой залѣ, при «которомъ и Ея величество Государыня царица ради показа-«нія своего искренно-сердечнаго обрадованія такожде присут-«ствовать изволила, а между тѣмъ, при разныхъ столахъ нѣ-«которые по соизволенію кушали, нѣкоторые же игрою за-«бавлялися.

«По окончаніи онаго бала, который не такъ долго, какъ «въ протчемъ бываетъ, продолжался, отвезена Ея Высочество «съ большимъ штатомъ, какъ Ея Высочество привезена; а «именно въ каретѣ 8 лошадьми заложенными съ 6 верштика-«ми, 5 пажами, 8 гайдуками, 8 кавалергардами верхами; а при «Ея Высочествѣ никто въ каретѣ не сѣлъ. При проѣздѣ Ея «Высочества мимо замковаго караула били въ барабанъ, а «назадъ изволила Ея Высочество съ прежнею свитою ѣхать, «чѣмъ сей весьма пріятный вечеръ счастливо препровожденъ».

Въ день святой Екатерины Петръ II возложилъ на кня-жну орденъ святой Екатерины 1 степени большаго креста, осыпанный брилліантами.

Когда князь Василій Владиміровичъ возвращался съ обру-ченія домой, то его догналъ верховой, подалъ ему конвертъ и скрылся.

Дома князь распечаталъ его и нашелъ записку слѣдующа-го содержанія:

«Ваша Свѣтлость!»

«Двѣ державы, недовольныя союзомъ съ Долгорукими, ас-«сигновали милліонъ рублей, жертвою могутъ быть и оба. «Остерегите князя Ивана... на счетъ императора для счастія «той, для которой я нарушилъ долгъ свой. Всякія принятыя «открыто предосторожности и породятъ предосторожности и «скрытныя средства съ другой стороны».

Письмо было написано женской рукой и безъ подписи...

Князь Василій Владиміровичъ долго вертѣлъ письмо въ рукахъ, не зная, что предпринять.

Деньги — всегда деньги; не даромъ намъ поэтъ Пушкинъ сказалъ:

«Все куплю, сказало злато!...»

На другой день онъ говорилъ съ княземъ Иваномъ о письмѣ, но какія приняты были мѣры — неизвѣстно; только изъ записокъ князя Алексѣя Алексѣевича видно, что онъ послѣ смерти императора припомнилъ конецъ разговора, прежде ему непонятнаго. Вотъ какъ все было:

Когда на третій день, послѣ смерти императора, князь Алексѣй Алексѣевичъ вернулся изъ рощи и узналъ, что у нихъ князь Василій Владиміровичъ, то пошелъ туда, гдѣ были отецъ его, князь Василій Владиміровичъ, и князь Иванъ.

Когда князь Алексѣй Алексѣевичъ входилъ, братъ его говорилъ: «Наварили вы съ батюшкой каши» — «То-то, Ваня», отвѣчалъ князь Василій Владиміровичъ: «ненадо-бы тебѣ до брака сестры заводить невѣсты, куда спѣшилъ! а орла прозѣвалъ». «Да я никогда не отлучался», отвѣчалъ на это князь Иванъ: «безъ того, чтобы Остермана не было». — «Захотѣлъ ты на кого положиться! онъ и плакалъ и рыдалъ, а теперь притворился хворымъ; все изъ видовъ».

18 Января получено было согласіе шведскаго двора на бракъ княжны Елены Долгорукой, сестры невѣсты государя, съ шведскимъ принцемъ.

Свадьба императора назначена была 19 Января 1730 года.

Алексѣю Григорьевичу пожаловано 20 тысячъ дворовъ крестьянъ.

20 Декабря выданъ имянной указъ верховнаго тайнаго совѣта объ увольненіи въ отпускъ ежегодно ⅓ служащихъ дворянъ, имѣющихъ крестьянъ, для домашняго хозяйства и исправленія нуждъ Этотъ указъ понудило издать разстройство бо̀льшей части имѣній, ибо съ Петра I всѣ должны были служить безъ отставокъ почти, а между-тѣмъ, управители имѣній грабили и разоряли ихъ безъ господъ.

Между-тѣмъ, при дворѣ былъ праздникъ за праздникомъ.

25 Декабря было обрученіе князя Ивана Алексѣевича съ дочерью покойнаго генералъ-фельдмаршала Шереметева, Натальей Борисовной, въ присутствіи императора и всей императорской фамиліи, иностранныхъ министровъ; по высочайшему повелѣнію, обрученіе совершалъ епископъ съ двумя архимандритами; перстень князя Ивана Алексѣевича стоилъ 12 тысячъ руб. серебромъ, а перстень его невѣсты 6 тысячъ руб. серебромъ.

5 Января 1720 г. князя Ивана государь назначилъ начальникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, пожаловавъ его въ майоры гвардіи. Въ день Крещенія, 6 Января, князь Иванъ первый разъ командовалъ гвардіей, выстроенной на льду. Въ 4 часа государь прибылъ съ невѣстою въ саняхъ, стоя за нею на запяткахъ; ихъ сопровождали свита и кавалергарды.

Въ тотъ же день вечеромъ императоръ пожаловался на головную боль; на другой день открылась у него оспа, а 17 Января всякая надежда на выздоровленіе исчезла...

Преданіе говоритъ, что Петръ II подписалъ завѣщаніе, въ коемъ оставлялъ престолъ невѣстѣ своей. 19 Января, въ день, назначенный для брака его, юный монархъ, въ 2 часу пополуночи, скончался, къ горести всѣхъ, на рукахъ князя Ивана и Остермана.

Потерявъ друга и благодѣтеля своего, князь Иванъ, убитый горестію, отправился домой почти въ безпамятствѣ. Дворецъ наполненъ былъ сановниками, которымъ князь Василій Лукичъ съ княземъ Василіемъ Владиміровичемъ и княземъ Головинымъ объявили плачевную вѣсть, назначивъ съѣздъ ко двору чиновъ не ранѣе 9 часовъ утра.

Между-тѣмъ, собрался верховный тайный совѣтъ, исключая Остермана, который не явился.

Когда заняли мѣста по старшинству, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Канцлеръ графъ Головнинъ, князь Дмитрій Михайловичъ

Голицынъ, князь Василій Лукичъ Долгорукой, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой — то, по предложенію князя Василія Лукича, съ общаго согласія, пригласили двухъ генералъ-фельдмаршаловъ для совмѣстнаго присутствія: князя Василія Владиміровича и князя Михайла Михаиловича Голицына. Когда тѣ вошли, Головнинъ сказалъ, что хотя Голицынъ старѣе Долгорукаго по службѣ, но Долгорукой, какъ подполковникъ Преображенскаго полка, старше подполковника Семеновскаго полка.

На это Долгорукой сказалъ, что теперь не время спорить о старшинствѣ и уступилъ мѣсто Голицыну, который хотѣлъ сѣсть первымъ послѣ Головнина, чему всѣ члены воспротивились, напомня ему, что онъ не членъ совѣта, а только приглашенный совѣтомъ.

Когда канцлеръ спросилъ, кого возвести на престолъ, то князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой всталъ и предъявилъ завѣщаніе (такъ гласитъ преданіе), подписанное Петромъ II въ пользу невѣсты государя. Тогда князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ сталъ оспаривать подлинность завѣщанія; Долгорукой, въ доказательство его подлинности, приводилъ свидѣтелей: Остермана, духовника, князя Василія Лукича и проч., до 10 человѣкъ присутствовавшихъ при подписаніи, въ томъ числѣ и доктора.

Князь Василій Лукичъ привсталъ и сказалъ: «Это уже слишкомъ дерзко — оспаривать то, что въ нашихъ глазахъ случилось; можно представить всѣхъ свидѣтелей, да и руку императора мы знаемъ».

Тогда князь Михайло Михайловичъ Голицынъ сказалъ: «Что рука императора — въ томъ спорить нечего; но завѣщаніе тогда-бы дѣйствовало, когда-бы княжна была коронована; а обрученіе не есть вѣнчаніе на царство», и что онъ весь свой Семеновскій полкъ въ штыки подыметъ.

Тогда князь Василій Владиміровичъ привсталъ, просилъ остановить споръ и сказалъ: «Ни когда Долгорукіе не допустятъ между усобной брани между народомъ русскимъ, ради своего возвеличенія».

После этого князь Алексѣй Григорьевичъ положилъ завѣщаніе въ карманъ.

Головнинъ повторилъ: «Кого возвести на престолъ?»

Князь Алексѣй Григорьевичъ сказалъ: «Такъ исполнить завѣщаніе Екатерины I.»

На что князь Василій Владиміровичъ сказалъ: «Надо намъ ѣхать за море, когда у насъ царица Евдокія Ѳеодоровна здравствуетъ.»

Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: «Вотъ уже хотите монастырь возвести на престолъ.»

Тогда князь Василій Лукичъ, позабывъ, что время и лѣта измѣняютъ человѣка, и вспомня только минутную благосклонность, нѣкогда оказанную ему въ Митавѣ, предложилъ избрать вдовствующую герцогиню курляндскую, говоря, что по отцѣ царѣ Іоаннѣ, старшемъ братѣ Петра I, ей слѣдуетъ; если оспаривать духовную, такъ оспаривать и всё, и выбрать по старшинству.

Тутъ князь Алексѣй Григорьевичъ сказалъ: «А Биронъ ея насъ всѣхъ и Россію разоритъ и погубитъ.»

Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: «Надо ограничить власть царскую.» — «Да», прибавилъ князь Василій Лукичъ: «и Бирона въ Россію не впускать.»

Графъ Головнинъ сказалъ: «Этого у насъ нельзя.»

Князь Василій Владиміровичъ: «Какъ это можно!»

Князь Михайло Владиміровичъ: «Сегодня вы его не впустите, а завтра онъ пріѣдетъ; а вы по дорожкѣ поѣдете, выбирать такъ выбирать безъ условій.»

Князь Михайло Михайловичъ: «Мы выбираемъ, мы и можемъ при выборѣ дѣлать и должныя условія.»

Графъ Головнинъ: «Не пригласить-ли Прокоповича?»

Князь Дмитрій Михайловичъ: «Вотъ еще! попа къ намъ!»

Князь Алексѣй Григорьевичъ сказалъ: «Ограничивать Анну Іоанновну нельзя; она все уничтожитъ, ибо она имѣетъ полное право себя считать не по выбору императрицей, а по праву старшинства отца своего. Въ такомъ случаѣ одно сред-

ство: выбрать царицу Евдокію; она подпишетъ условія, она набожна, не уничтожитъ, а послѣ нея, согласно духовному завѣщанію Екатерины I, выписать принца, малолѣтняго герцога голштейнскаго, царствовавшаго потомъ подъ именемъ Петра III, крестить и воспитать его здѣсь, а когда умретъ царица, то правленіе достанется ему же ограниченнымъ.»

Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: «Скорѣе согласится съ княземъ Лукичемъ!»

Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: «Вдовствующая герцогиня, по дальнему разстоянію отъ столицы, скорѣй подпишетъ условія.» Послѣ долгихъ споровъ и преній верховный тайный совѣтъ положилъ:

I. Учредить правленіе монархическое, ограниченное слѣдующей хартіей:

1) Управлять государствомъ съ согласія Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ коемъ царствующей особѣ предсѣдательствовать и всѣ дѣла рѣшать по большинству голосовъ.

2) Безъ согласія этого совѣта не объявлять войны, не заключать мира.

3) Безъ совѣта не налагать податей.

4) Не раздавать государственныхъ должностей безъ совѣта.

5) Не казнить дворянъ безъ опредѣленія совѣта.

6) Не отписывать частныхъ имѣній въ казну и казенныхъ не раздавать частнымъ людямъ безъ совѣта.

7) Не вступать въ бракъ безъ согласія совѣта.

8) Не назначать себѣ преемниковъ безъ совѣта.

II. Предложить вдовствующей герцогинѣ курляндской взойти на престолъ, буде она согласна подписать и принять эту хартію Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Это постановленіе послано было, съ княземъ Васильемъ Лукичемъ, на домъ для подписанія Остерману; но тотъ отказался читать, будто по болѣзни глазъ, а когда Лукичъ прочелъ ему, то тотъ вдругъ застоналъ, жалуясь на подагрическую ложную боль рукъ, и не подписалъ.

Въ 9 часовъ собрано духовенство, сенатъ и генералитетъ во дворецъ.

Слѣдовало бы совѣту объявить свое постановленіе, и до полученія согласія Анны Іоанновны учредить временное управленіе.

Но совѣтъ поступилъ незаконно, безразсудно и безтолково, отчего и погибъ. Онъ просто послалъ канцлера Головнина объявить объ избраніи на всероссійскій престолъ Анны Іоанновны; а между-тѣмъ, преосвященному приказано было, до полученія ея отвѣта, на эктеніи поминать о здравіи усопшаго императора, тогда какъ вся Москва знала о его кончинѣ. Это породило толки, волненіе, преувеличенные слухи, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ.

Въ этотъ же день изъ Москвы въ Митаву отправились депутаты отъ Совѣта: князь Василій Лукичъ — отъ Сената (надо замѣтить *отъ имени Сената*, онъ въ сужденіяхъ не участвовалъ), князь Михайло Михайловичъ Голицынъ — отъ дворянства (которое тоже не могло посылать: посылалъ совѣтъ), генералъ-маіоръ Михайло Ивановичъ Леонтьевъ.

Это ложное посольство рѣшительно имѣло видъ разговора. Если Совѣтъ рѣшился бы выбрать самъ собой, безъ приглашенія духовенства, Сената и дворянства, то ему слѣдовало и посылать только отъ себя, а это посольство явно обнаруживало то, что совѣтъ самъ сознавалъ: что онъ безъ Сената и дворянства не имѣлъ права сдѣлать выбора.

Составились двѣ партіи: одна партія хотѣла возстановить самодержавіе; ею руководилъ Остерманъ и тайно держался канцлеръ Головнинъ, для чего зять его, Ягужинскій, послалъ къ Аннѣ Іоанновнѣ своего адъютанта, Сумарокова, сказать, чтобы она непремѣнно согласилась на всѣ условія; что стоитъ только ей пріѣхать, такъ все будетъ готово къ возстановленію самодержавія, за чтò онъ чуть-чуть не потерялъ головы на плахѣ, ибо члены верховнаго тайнаго совѣта узнали объ этомъ. Впрочемъ, Анна Іоанновна еще до прибытія Сумарокова все уже знала, чрезъ агента своего барона Левенвальда. Другая

партія, предводимая княземъ Кантемиромъ, хотѣла, чтобы хартія была пересмотрѣна депутатами, съ каждой фамиліи по два лица; — и въ то время, какъ получено было совѣтомъ согласіе Анны Іоанновны, князь Кантемиръ лично явился и подалъ верховному тайному совѣту очень дѣльную просьбу о допущеніи пересмотра хартіи особому комитету, по два лица изъ каждой фамиліи.

Князь Алексѣй Григорьевичъ боялся, что во время пересмотра хартіи явится Биронъ; а Головнины, имѣя въ виду возстановить самодержавіе, склонили товарищей отказать Кантемиру въ просьбѣ, объявя, что какъ согласіе уже получено, то безъ императрицы сдѣлать этого нельзя, и съ просьбой о пересмотрѣ хартіи надо обратиться къ ней самой.

Въ это самое время князь Алексѣй Григорьевичъ получилъ за себя и сына пожалованныя имъ единовременно по 20 т. руб. сер. указомъ еще 1729 г. 24 Ноября. Этого не слѣдовало-бы дѣлать: хотя ему деньги эти и пожалованы были, но онъ, какъ членъ совѣта, зналъ, что государь умеръ, а отъ новой императрицы не было еще согласія; и потому брать ихъ не надо было этого тѣмъ болѣе, что и князь Иванъ этого не хотѣлъ.

Въ это время Анна Іоанновна прибыла въ село Всесвятское (10 Февраля), гдѣ ей члены верховнаго тайнаго совѣта и генералитетъ представлялись. При этомъ она сказала князю Ивану Алексѣевичу: «Вы любимецъ покойнаго императора; очень рада васъ видѣть, но извините, я васъ и вашего фельдмаршала оставлю при себѣ, и вмѣсто васъ въ Преображенскій полкъ назначу генерала Салтыкова».

11 Февраля государыня получила отъ княжны Екатерины Алексѣевны прошеніе «словомъ и дѣломъ» на Долгорукихъ, что они ее до сихъ поръ именуютъ высочествомъ и на эктеніи поминаютъ, которымъ княжна просила государыню имъ это запретить.

12 Февраля погребли императора, и князь Алексѣй Гри-

горьевичъ съ этого дня не присутствовалъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, а уѣхалъ въ свое село Горенки.

15 того же мѣсяца императрица имѣла торжественный въѣздъ въ Москву. Это былъ послѣдній день, въ который князь Иванъ командовалъ гвардіею; на другой день, съ согласія верховнаго тайнаго совѣта, генералъ-лейтенантъ Салтыковъ назначенъ подполковникомъ Преображенскаго полка.

Всѣ дѣйствія императрицы были по совѣту Остермана, который чрезъ жену свою съ ней переписывался.

Князь Василій Лукичъ помѣстился во дворцѣ, возлѣ комнатъ императрицы, и никого не допускалъ говорить съ нею наединѣ, даже августѣйшихъ сестеръ ея величества. Такое тягостное положеніе вынудило-бы хоть кого на рѣшительныя мѣры и родило въ императрицѣ непріязнь къ Долгорукимъ.

20 Февраля она видѣлась съ княжною Екатериною Алексѣевною, въ присутствіи Лукича.

Княжна кинулась цѣловать руку императрицы, та отняла ее и поцѣловала княжну въ плечо.

«Ваше высочество, я получила ваше письмо, но вамъ ближе было обратится въ верховный тайный совѣтъ: ибо титулъ вамъ данъ покойнымъ императоромъ и имъ же васъ велѣно было поминать на эктеніи». Княжна въ слезахъ просила ея покровительства.

«Такъ поѣзжайте, княжна, въ Митаву; я вамъ тамъ дамъ жениха; дѣло все забудется и вы будете счастливы».

«Ваше величество! мнѣ ли думать о женихѣ, когда я такъ недавно потеряла моего государя и благодѣтеля?» «Эта мѣра единственная умная со стороны вашей, она доказала бы намъ ваше истиное желаніе угодить намъ и предать все забвенію».

Княжна не согласилась, императрица простилась съ нею; такъ онѣ и разстались.

Надо тутъ объяснить, что со дня смерти императора штатъ невѣсты его самъ разбрелся; но она нѣсколько времени еще жила въ Головинскомъ дворцѣ и караулъ стоялъ. Наканунѣ погребенія она переѣхала къ отцу въ домъ, но всѣ ея назы-

вали «ея высочествомъ»—Верховный тайный совѣтъ, а духовенство изъ недоумѣнія, не имѣя отмѣны, поминали ее послѣ всѣхъ.

24 Февраля верховнымъ тайнымъ совѣтомъ былъ назначенъ во дворцѣ обѣденный столъ, но никто не явился.

Въ этотъ день преображенскій полкъ былъ въ караулѣ. Салтыковъ, по инструкціи Остермана, удвоилъ вездѣ караулы и имѣлъ ружья заряженныя.

Князь Черкаской, прикидываясь принадлежащимъ партіи, желавшей пересмотра хартіи, взялъ сочиненное княземъ Кантемиромъ прошеніе, имѣя у себя за пазухой другое, сочиненное Остерманомъ, въ которомъ заключалась просьба принять самодержавіе, уничтожить верховный тайный совѣтъ и учредить, вмѣсто высокаго, правительствующій сенатъ.

Партія Кантемира вовсе не знала, что партія Остермана желаетъ самодержавія; руководимая князьями Черкаскимъ и Барятинскимъ, она присоединилась къ Остермановской, состоявшей изъ 300 бѣдныхъ, безпомѣстныхъ дворянъ и дѣтей дворянскихъ, руководимыхъ графомъ Матвѣевымъ. Соединившись, обѣ партіи отправились въ Успенскій соборъ служить молебенъ.

Изъ собора онѣ прямо отправились во дворецъ, гдѣ ожидалъ ихъ Салтыковъ.

Въ этотъ день во дворцѣ изъ Долгорукихъ только и были: князь Василій Лукичъ да князь Михайло Владиміровичъ.

Видя явившуюся депутацію, члены верховнаго тайнаго совѣта поняли угрожавшую имъ опасность и ужаснулись, а князь Дмитрій Голицынъ сказалъ: «Господа, пиръ изготовленъ, закуска подана, но гости не явились; чувствую, что бѣда обрушится на моей головѣ, но я старъ, и тѣ, которые переживутъ меня, будутъ горько плакать».

Когда Салтыковъ ввелъ въ залу пришедшихъ, императрица вышла. Князь Черкаской подалъ ей прошеніе, сочиненное Кантемиромъ; дойдя до словъ: «просятъ выбрать по два члена изъ каждой фамиліи для пересмотра условій», она нахмури-

лась; тогда князь Черкаской, вынувъ изъ-запазухи другое прошеніе подалъ его императрицѣ, которая громко прочла его; послѣ чего графъ Матвѣевъ именемъ всего дворянства просилъ ее исполнить прошеніе и принять самодержавіе. Обманъ поразилъ всѣхъ; государыня обратилась къ Матвѣеву и спросила:

«Развѣ условія, предложенныя мнѣ въ Митавѣ, не были изъявленіемъ желанія всѣхъ сословій?» «Нѣтъ, государыня», отвѣчалъ Матвѣевъ: «верховный тайный совѣтъ дѣйствовалъ вопреки желанія всѣхъ сословій».

Члены верховнаго тайнаго совѣта молчали, вмѣсто того, чтобы говорить какъ слѣдовало-бы. Государыня приказала принести актъ. Членамъ совѣта самимъ-бы слѣдовало принести его, а они допустили князя Черкаскаго пойти въ совѣтъ, сломать замокъ и принести актъ.

Салтыковъ взялъ его отъ Черкаскаго — началъ читать по пунктамъ. Государыня послѣ каждаго спрашивала: «Согласны-ли?» и толпа изъ 300 человѣкъ ревѣла: «Нѣтъ!» По прочтеніи, Салтыковъ разодралъ актъ въ мелкіе куски, а государыня, объявя, что принимаетъ самодержавіе, обратилась къ къ князю Василью Лукичу и сказала: «Такъ ты меня обманулъ, князь Василій Лукичъ?»

Въ этотъ же день послали Бирону каммергерскій ключъ и Александро-невскую ленту, съ просьбою пріѣхать въ Россію.

Какъ скоро Биронъ прибылъ въ Москву, началось гоненіе на Долгорукихъ.

Десятилѣтнее правленіе Анны Іоанновны, съ 1730 г. по 1741 г. представляетъ двѣ противоположныя картины: съ одной стороны, извнѣ, оно ознаменовано непрерывными побѣдами. По смерти Августа II, короля польскаго, русскія войска вступили въ сердце Польши и возвели на престолъ, подъ именемъ Августа III, законнаго наслѣдника престола, сына умершаго короля, изъ Польши изгнавъ Станислава Лещинскаго, котораго поддерживала Франція. Затѣмъ мы видимъ побѣды надъ турками въ Крыму и въ Молдавіи—взятіе Очакова.

Съ другой стороны, внутри и при дворѣ, государство сильно страдало отъ злобнаго временщика Бирона, разорявшаго Россію своимъ корыстолюбіемъ, угнетавшаго всѣхъ своимъ необузданнымъ сомовластіемъ. Пытки, казни были безпрерывныя, по однимъ подозрѣніямъ или доносамъ, и, большею частію, безъ вѣдѣнія государыни; только клеветы Бирона были ограждаемы отъ нихъ.

За невзысканіе податей, онъ выписывалъ земскихъ чиновниковъ и, раздѣвъ ихъ на морозѣ, обливалъ холодною водою, пока они не обращались въ ледяную статую. Этому извергу рода человѣческаго удалось даже по смерти императрицы захватить кормило правленія въ свои руки.

Временщикъ этотъ, происхожденіемъ курляндскій конюхъ, за котораго, до прибытія его въ Россію, ни одна курляндская фамилія не отдала-бы своей дочери, поднялъ на Долгорукихъ гоненіе.

По прибытіи его въ Москву, объявлено было, что если кто имѣетъ жалобу на Долгорукихъ, то приносилъ-бы таковую. Друзей же Долгорукихъ Биронъ, кого ласкою, а кого пыткою, лично сталъ обо всемъ выпытывать.

Того же 1730 г. Апрѣля 8 дня имяннымъ указомъ назначены.

Князь Василій Лукичъ губернаторомъ въ Сибирь, князь Михайло Владиміровичъ губернаторомъ въ Астрахань, князь Иванъ Григорьевичъ воеводою въ Вологду.

Но такъ-какъ никто съ жалобами не являлся, то, по ходатайству Бирона, наряжена была слѣдственная коммисія, состоящая изъ него самого, Салтыкова и князя Черкаскаго. Остерманъ отъ этой коммисіи отказался. Преданіе говоритъ, что онъ лично представлялъ государынѣ и въ присутствіи ея спорилъ съ Бирономъ, что Долгорукихъ, удаля отъ двора, слѣдуетъ оставить въ покоѣ. Даже офиціально извѣстно, что онъ не принялъ и формально отказался отъ имѣнія, отписаннаго отъ Долгорукихъ, изъ коего часть ему была пожалована. Прошеніе его до-сихъ-поръ сохранилось.

Князя Алексѣя Григорьевича и сына его князя Ивана Алексѣевича обвиняли въ незаконномъ полученіи вышеупомянутыхъ 40 тысячъ рублей и, сверхъ того, требовали отъ нихъ возврата всѣхъ пожалованныхъ невѣстѣ брилліантовъ и уплаты всѣхъ денегъ, употребленныхъ по волѣ покойнаго императора, на обрученіе издержанныхъ и, со дня обрученія, на бывшій штатъ княжны, тоже утвержденный покойнымъ императоромъ. Всѣ эти издержки признаны были за лихоимство.

Между-тѣмъ, Шереметевы не откладывали брака сестры своей съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ, но, видя неизмѣнное намѣреніе ея, принуждены были согласиться. Это еще болѣе озлобило Бирона и усилило зависть и опасенія враговъ Долгорукихъ. Старшій братъ Натальи Борисовны Шереметевой, въ домѣ котораго она жила, былъ боленъ; другой ея братъ, жившій въ другомъ домѣ, лежалъ въ оспѣ, а прочая родня и всѣ пріятели Шереметевыхъ отступились отъ нея; никто даже не хотѣлъ ѣхать проводить невѣсту въ церковь. Наконецъ, двѣ вдовы-старушки, ея свойственницы, согласились проводить ее къ вѣнцу. Надо было ѣхать за 15 верстъ отъ Москвы въ деревню, гдѣ жило семейство Долгорукихъ со дня въѣзда Анны Іоанновны въ Москву. Какая разница была между обрученіемъ и свадьбою! тамъ всѣ кричали: «Ахъ какъ она счастлива!» а тутъ всѣ провожали со слезами. Наталья Борисовна пріѣхала заплаканная, въ сопровожденіи двухъ вдовъ въ одной каретѣ, но Долгорукіе были всѣ, исключая фельдмаршала; пріѣхало еще изъ Москвы нѣсколько особъ, подосланныхъ Бирономъ; и въ числѣ ихъ былъ какой то кревлетъ его Николай Ѳедосѣевичъ Мясоѣдовъ.

Вѣнчаніе совершено было въ домовой церкви, послѣ этого былъ обѣдъ. Когда выпили за здоровье молодыхъ, матери и отца жениха, фамиліи Шереметевыхъ и за благоденствіе Россіи и, быть можетъ, заговорили-бы свободно, то Мясоѣдовъ, какъ-будто спроста, сказалъ: «и забыли, ваши свѣтлости, здоровье главной хозяйки, и за царицу не выкушали.» На что князь Иванъ Алексѣевичъ сказалъ: «Будетъ ли это государы-

нѣ пріятно?» а князь Алексѣй Григорьевичъ прибавилъ: «Что мы, Долгорукіе, ей здоровья желаемъ, это доказываетъ то, что мы ее выбрали, иначе-бы ей какъ ушей своихъ не видать престола».

Князь Николай Алексѣевичъ перебилъ его и сказалъ: «Не прикажете-ли пить еще здоровье его нѣмецкаго высочества (такъ Бирона тогда звали)?»

За что княжна Екатерина Алексѣевна вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Владиміровичемъ крикнули на князя Николая: «Молчи, Николай!» а послѣдній прибавилъ: «ѣшь пирогъ съ грибами, а держи языкъ за зубами».

Биронъ, разумѣется, все узналъ, и еще, быть можетъ съ прибавленіями, потому что на другой же день онъ, между прочимъ, писалъ къ Салтыко́ву: «Угощу же я ихъ свадебною конфектою».

На третій день, когда молодые собрались было ѣхать съ визитами, пріѣхалъ секретарь сената, объявилъ указъ князю Алексѣю Григорьевичу, отъ 9 Апрѣля 1730 г., чтобы съ сыновьями и дочерьми, и братъ его Сергій Григорьевичъ съ семействомъ, ѣхали въ дальнія деревни и жили тамъ до указа. На сборы ихъ всего назначено было три дня. Князю Григорью Алексѣевичу для жительства назначено было село Никольское, его вотчина Пензенской губерніи.

Не взирая на это, князь Иванъ Алексѣевичъ, по просьбѣ своей супруги, поѣхалъ съ нею дѣлать визиты; но они у князя Сергія Григорьевича застали уже всѣхъ Долгорукихъ, съѣхавшихся и уже собиравшихся въ дорогу, и тѣ дали молодымъ совѣтъ ѣхать домой да сбираться. Съ этой минуты Долгорукіе другъ друга не видали.

Когда молодые вернулись, у нихъ всѣ укладывались; всякой думалъ о себѣ. Князь Иванъ Алексѣевичъ отдалъ все на волю жены своей, а та, по неопытности, не взирая на то, что золовки ее очень много съ собой брали бриллiантовъ, золота и серебра, по карманамъ, напротивъ, все отослала къ брату своему,

даже всѣ шубы мужа, оставя ему крымскій тулупъ, да себѣ простую шубу и два черныя платья, такъ-какъ въ это время носили трауръ по Петрѣ II, да одну золотую табакерку отцу ея.

Изъ присланныхъ ей на дорогу братомъ ея, Шереметевымъ, 1000 р. сер., она взяла 400, а остальныя съ вещами отослала брату обратно.

9 Апрѣля 1730 г. князя Алексѣя Григорьевича велѣно послать воеводою по назначенію сената.

1730 г. 14 Апрѣля указомъ, а затѣмъ манифестомъ велѣно:

Князя Василія Лукича, по лишеніи всѣхъ чиновъ и орденовъ, содержать въ дальней его деревнѣ подъ карауломъ и послать его туда съ офицеромъ и командою. И со всѣхъ лицъ семействъ князей Алексѣя и Сергѣя Григорьевичей снять ордена и чины.

Затѣмъ мы выпишемъ подлинныя слова княгини Натальи Борисовны изъ ея записокъ, чтобъ опровергнуть выдумки Фурмана:

«И такъ, мы, собравшись, поѣхали; съ нами было собственныхъ людей 10 человѣкъ да лошадей его любимыхъ верховыхъ пять. Я дорогою уже узнала, что я на своемъ коштѣ ѣду, а не на общемъ; ѣдемъ въ незнакомое мѣсто, и путь, въ самый разливъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, гдѣ всѣ луга потопляетъ вода и маленькіе разливы бываютъ озерами; а ѣхать до той деревни, гдѣ намъ жить, восемьсотъ верстъ. Изъ моей родни никто ко мнѣ не поѣхалъ проститься, или не смѣли, или не хотѣли — Богъ то разсудитъ; а только со мной поѣхали моя мадамъ, которая за маленькой за мной ходила, иноземка, да дѣвка, которая при мнѣ жила: я и тѣхъ была рада. Мнѣ какъ ни было тяжело, однако принуждена духъ свой стѣснять и скрывать свою горесть для милаго мужа; ему и такъ тяжело, что самъ страждетъ, при томъ же и меня видитъ, что его ради погибаю. Я въ радости не участница была, а въ горести мнѣ товарищъ да еще всѣмъ

«меньшая, надобно всякому угодить. Я надѣялась на свой «нравъ, что и всякому услужу. И такъ, куда мы пріѣдемъ на «станъ, пошлемъ закупать сѣно, овесъ лошадямъ; стала уже «и я въ экономію входить; вижу, что денегъ много идетъ; «мужъ мой пойдетъ смотрѣть, какъ лошадямъ кормъ задаютъ, «и я съ нимъ: отъ скуки что было дѣлать? Да эти лошади «право и стоили того, чтобъ за ними смотрѣть; ни прежде, «ни послѣ такихъ красавицъ не видала; когда-бъ я была жи«вописецъ, не устыдилась-бы ихъ портреты написать.

«Девяносто верстъ отъ города какъ отъѣхали, первой «провинціальный городъ; тутъ случилось намъ обѣдать, вдругъ «явился капитанъ гвардіи; объявляетъ намъ указъ: велѣно-де «съ васъ кавалеріи снять, въ столицѣ; знать, стыдились такъ «безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали. Боже мой! ка«кое это ихъ правосудіе! мы отдали тотчасъ съ радостію, «чтобъ ихъ спокоить, думали, они тѣмъ будутъ довольны, «что обруганы и сосланы: нѣтъ, у нихъ не то на умѣ! По«ѣхали мы въ путь свой, отправивши его, непроходимыми «степями; никто дороги не знаетъ; лошади свои все тяжелыя; «кучера только знаютъ, какъ по городу провезти; настигла «насъ ночь, принуждены стать въ полѣ; а гдѣ? — не знаемъ: «на дорогѣ ли, или свернули — никто незнаетъ, потому что «все воду объѣзжали. Стали тутъ и палатки поставили. На«добно знать, что наша палатка будетъ всѣхъ далѣе постав«лена; потому что лучшее мѣсто изберутъ скорѣй, побли«зости къ золовкамъ, а тамъ деверьямъ холостымъ, а мы буд«то иной партіи, послѣднее мѣсто намъ будетъ. Случалось и «въ болотѣ; какъ постелю снимутъ, мокра, а башмаки иногда «полны воды. Это мнѣ очень памятно, что весь лугъ былъ «зеленый, травы не было иной, какъ только чеснокъ полевой, «и такой былъ духъ тяжелый, что у всѣхъ головы болѣли; «и когда мы ужинали, то долго смотрѣли на мѣсяцъ и пошли «спать. Поутру, какъ мы встали и свѣтъ насъ освѣтилъ, «удивлялись сами, гдѣ мы стояли: въ самомъ болотѣ и на до«рогѣ; какъ насъ Богъ помиловалъ, что мы гдѣ не увязли

«ночью, насилу оттудова выбились на прямую дорогу. Маленькая у нас утѣха была псовая охота. Свекоръ превеликій «охотникъ былъ; гдѣ случится какой пересочекъ, мѣсто для «нихъ покажется хорошо, верхами сядутъ и поѣдутъ, пустятъ «гончихъ; только провожденіе было время, или сказать, скукѣ. «А я останусь одна, утѣшу себя: дамъ глазамъ своимъ волю «и плачу, сколько хочу.

«Въ одинъ день такъ случилось: мой товарищъ поѣхалъ «верхомъ, а я осталась въ слезахъ. Очень уже поздно, стало «смеркаться, и гораздо уже темно, вижу противъ меня скачутъ двое верховыхъ: стой! Я удивилась: слышу голосъ «мужа моего съ меньшимъ братомъ, который весь мокръ. Говоритъ мнѣ мужъ: «Вотъ онъ избавилъ меня отъ смерти». «Какъ же я испугалась! «Какъ де мы поѣхали отъ васъ и «все разговаривали и сбились съ дороги; видимъ мы, за нами «никого нѣтъ; вотъ мы по лошадямъ ударили, чтобъ скорѣе «кого своихъ наѣхать; видимъ, что поздно; пріѣхали къ ручью, казался очень мелокъ, мой мужъ хотѣлъ напередъ ѣхать «спробовать, какъ глубоко. Онъ-бы конечно утонулъ, потому «что тогда подъ нимъ лошадь была непроворная, а онъ былъ «въ шубѣ; братъ его удержалъ, говоритъ: «Постой! на тебѣ «шуба тяжела, а я въ одномъ кафтанѣ; подо мною же и лошадь «добра, она меня вывезетъ, а послѣ вы переѣдите». Выговоря «это, тронулъ свою лошадь; она передними ногами ступила «въ воду, а задними уже не успѣла, какъ ключъ ко дну; такъ «круто у берега было и глубоко, что не могла лошадь задними «ногами справиться, одна только шляпа поплыла, однако она «очень скоро справилась: лошадь была проворная, а онъ «крѣпко на ней сидѣлъ, за гриву ухватился. По счастію ихъ, «человѣкъ, который отставалъ отъ нихъ, нагналъ ихъ и, видя «въ такой бѣдѣ, тотчасъ кафтанъ долой, бросился въ воду; «онъ умѣлъ плавать, ухватилъ за волосы и притащилъ къ «берегу. И такъ Богъ его спасъ животъ, и лошадь выплыла. «Я испугалась: и плачу, и дрожу вся; побожилась, что я его «верхомъ никогда не пущу; спѣшили скорѣе доѣхать до «мѣста, на силу его отогрѣли, въ деревню пріѣхавши.

«Послѣ, нѣсколько дней спустя, пріѣхали мы ночевать въ «одну маленькую деревню, которая на самомъ берегу рѣки, а «рѣчка прешорокая; только что мы расположились, палатки «поставили, идутъ къ намъ множество мужиковъ, всей дерев«ней, валяются въ ноги, плачутъ просятъ: «спасите насъ! «сегодня къ намъ подкинули письмо; разбойники хотятъ къ «намъ пріѣхать, насъ всѣхъ побить до смерти, а деревню «сжечь; помогите вы намъ! у васъ есть ружья; избавьте насъ «отъ напрасной смерти, намъ оборониться нечѣмъ; у насъ «кромѣ топоровъ ничего нѣтъ; здѣсь воровское мѣсто; на «этой недѣлѣ деревню въ сосѣдствѣ совсѣмъ разорили; мужики «разбѣжались а деревню сожгли.» Ахъ, Боже мой! какой же «на меня страхъ пришелъ; боюсь до смерти разбойниковъ, «прошу, чтобъ уѣхать оттудова, никто не слушаетъ меня; всю «ночь не спали, пули лили, ружья заряжали и готовились на «драку; однако, Богъ избавилъ насъ отъ той бѣды; можетъ «быть, они и подъѣзжали водою, да боялись, видя такой ве«ликій обозъ, или и не были. Чего-же мнѣ эта ночь стоила! «не знаю, какъ пережила, рада свѣту дождалась. Слава Богу! «уѣхали. И такъ мы три недѣли путались, и пріѣхали въ «свои деревни, которыя были на половинѣ дороги,—гдѣ намъ «опредѣлено было жить.

«Пріѣхавши, мы расположились на нѣсколько времени про«жить, отдохнуть намъ и лошадямъ; я очень рада была, что «въ свою деревню пріѣхали. Казна моя уже очень истончала; «думала, что моимъ расходамъ будетъ перемѣна, не все буду «покупать, по-крайней-мѣрѣ лошадямъ не куплю; однако, не «долго объ этомъ думала; не больше мы трехъ недѣлей тутъ «прожили...» (1)

Это была деревня родовая Касимовскаго уѣзда, а не дальняя деревня, гдѣ имъ указомъ велѣно было жить; ошибка была очень важная; можно было остановиться тамъ отдохнуть

(1) Полныя записки Натальи Борисовны напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ», 1867 года, издав. П. Бартеневымъ, по рукописи, доставленной сенаторомъ Д. И. Долгорукимъ. Примѣч. К. В. Д.

на день, но не на нѣсколько недѣль. Объ ихъ пребываніи въ Касимовкѣ тотчасъ донесли Бирону, онъ государынѣ, и вышли два указа.

Указомъ отъ 8 Мая велѣно князя Михаила Владиміровича, губернатора, отставить отъ службы и ѣхать ему жить въ Боровскую его деревню и жить тамъ во всякой тихости, не выѣзжая никуда безъ указа.

А указомъ отъ 12 Іюня велѣно семейство князя Алексѣя Григорьевича, за то, что оно не въ назначенномъ мѣстѣ жило, сослать въ Березовъ.

Вотъ продолженіе записокъ княгини Натальи Борисовны:

«Только что мы отобѣдали — въ этомъ селѣ былъ домъ «господскій и окна были на большую дорогу — взглянула я «въ окно, вижу пыль великую по дорогѣ; видно издалека, что «очень много ѣдутъ. Какъ стали подъѣзжать, видно, что все «телеги парами, позади коляска; всѣ наши бросились смотрѣть; «увидѣли, что прямо къ нашему дому ѣдутъ, въ коляскѣ офи-«церъ гвардіи, а по телегамъ солдаты, 24 человѣка. Тотчасъ «узнали мы свою бѣду, что еще ихъ злоба на насъ не ума-«ляется, а больше умножается. Подумайте, что я тогда была! «упала на стулъ; а какъ опомнилась, увидѣла полны хоромы «солдатъ.

«Я уже ни чего незнаю, что они объявили свекру, а только «помню, что я ухватилась за своего мужа и не отпускала отъ «себя; боялась, чтобъ меня съ нимъ не разлучили. Великій «плачъ сдѣлался въ домѣ нашемъ; можно-ли ту бѣду описать? «Я не могу ни у кого допроситься, что будетъ съ нами, не «разлучатъ-ли насъ; великая сдѣлалась тревога; домъ былъ «большой, людей премножество, бѣгутъ всѣ съ квартиръ, пла-«чутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ, всѣ хотятъ быть съ «ними неразлучно; женщины, у коихъ слабыя сердца, тѣ «кричатъ, плачутъ. Боже мой! какой же ужасъ! кажется-бы «варваръ, глядя на это жалкое позорище, умилосердился. Насъ «уже на квартиру не отпускаютъ; какъ я и прежде писала, «что мы вездѣ на особливыхъ квартирахъ стояли, такъ не по-

«мѣстились въ одномъ домѣ, мы стояли у мужика на дворѣ, а «спальня наша была сарай, гдѣ сѣно кладутъ. Поставили у «тѣхъ дверей часовыхъ съ примкнутыми штыками. Боже мой, «какой это страхъ! я отъ роду ничего подобнаго этому невидала и неслыхала. Велѣли наши командиры кареты закладывать; видно, что хотятъ насъ вести, да не знаемъ куда; я «такъ ослабѣла отъ страху, что на ногахъ не могу стоять.

«Войдите въ мое состояніе, каково мнѣ тогда было! только «меня и ободряло, что онъ со мною, и всѣ, видя меня въ та«комъ состояніи, увѣряютъ, что съ нимъ неразлучна буду. Я «бы хотѣла самаго офицера спросить, да онъ со мною не гово«ритъ, кажется неприступный, придетъ ко мнѣ въ горницу, гдѣ «я сижу, поглядитъ на меня, плечами пожметъ, вздохнетъ и «прочь пойдетъ, а я спросить его не осмѣлилась. Вотъ уже «къ вечеру велятъ намъ въ карету садиться и ѣхать. Я опом«нилась и послала просить офицера, чтобъ меня отпустили на «квартиру собраться; офицеръ дозволилъ. Какъ я пошла — и «два солдата за мною. Я не помню какъ меня мой мужъ довелъ «до сарая того, гдѣ мы стояли. Хотѣла съ нимъ поговорить «и свѣдать, что съ нами дѣлается, а солдатъ тутъ, ни пяди «отъ насъ не отстаетъ, подумайте, какое жалостное состояніе! «и такъ я ни чего незнаю, что далѣе съ нами будетъ. Мои «домашніе собрались; я уже ничего незнаю, они сѣли въ ка«рету и поѣхали; рада я тому, что я одна съ нимъ, можно «мнѣ говорить; а солдаты всѣ за нами поѣхали. Тутъ уже «онъ мнѣ объявилъ: офицеръ объявилъ, что велѣно насъ подъ «жестокимъ карауломъ везти въ дальніе города, куда—не велѣ«но сказывать. Однако, свекоръ мой умилостивилъ офицера и «привелъ его на жалость; сказалъ, что насъ везутъ въ острогъ, «который отстоитъ отъ столицы четыре тысячи верстъ и боль«ше, и тамъ насъ подъ жестокимъ карауломъ содержать, къ «намъ ни кого не допускать, и никуда, кромѣ церкви; пере«писки ни съ кѣмъ не имѣть, бумаги и чернилъ намъ не да«вать. Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти; лишилась дома сво«его и всѣхъ родныхъ оставила своихъ; я же не буду и

«слышать объ нихъ, они будутъ жить безъ меня, братъ мень-
«шій мнѣ былъ, который меня очень любилъ; сестра маленькая
«осталась. Боже мой! какая это тоска пришла! жалость, срод-
«ство! кровь моя вся закипѣла отъ несносности; думаю я: уже
«никого не увижу своихъ, буду жить въ странствіи; кто мнѣ
«поможетъ въ напастяхъ моихъ, когда они не будутъ вѣдать
«обо мнѣ, гдѣ я, когда я ни съ кѣмъ не буду имѣть переписки;
«хотя и какую нужду ни буду терпѣть, руки помощи никто
«мнѣ не подастъ; а можетъ-быть, имъ тамъ скажутъ, что я
«уже умерла, что меня и на свѣтѣ нѣтъ; они только поплачутъ,
«и скажутъ: лучше ей умереть, а не цѣлый вѣкъ мучиться;
«съ этими мыслями ослабѣли всѣ мои чувства, я онѣмѣла, и
«послѣ полились слезы.
«Мужъ мой очень испугался и жалѣлъ послѣ, что мнѣ
«сказалъ правду; боялся, чтобъ я не умерла; истинная его
«ко мнѣ любовь принудила духъ свой стѣснить, утаивать эту
«тоску. Я перестала плакать и должна была еще его подкрѣп-
«лять, чтобъ онъ себя не сгрушилъ; онъ всего свѣту дороже
«былъ. — Вотъ любовь до чего довела! все оставила: честь и
«богатство — и намъ другъ безъ друга жить нельзя. Я по сей
«часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ
«пропалъ; но благодарю Бога моего, что онъ мнѣ далъ знать
«такого человѣка, который того стоилъ, чтобы мнѣ за любовь
«жизнію своею заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и всякія
«бѣды сносить; могу сказать, безпремѣрныя бѣды. Послѣ
«услышите, ежели слабость моего здоровья допуститъ всѣ ихъ
«описать. И такъ, насъ довезли до города, я вся расплакана;
«свекоръ мой очень испугался, видя меня въ такомъ состояніи;
«однако говорить было нельзя, потому что офицеръ самъ теря
«съ нами и унтеръ-офицеръ; насъ уже поставили вмѣстѣ, а
«не на разныхъ квартирахъ и у дверей поставили часовыхъ съ
«примкнутыми штыками. Тутъ мы жили съ недѣлю, покамѣсть
«изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все
«это было ужасно, но должна была молчать. Моя воспитатель-
«ница, которой я отъ матери своей поручена была, не хотѣла

«меня оставить со мною и въ деревню поѣхала; думала она, «что тамъ злое время проживемъ; однако, не такъ случилось, «какъ мы думали: принуждена меня покинуть. Она человѣкъ «чужестранный; не могла эти суровости понести; однако, «сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то «безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ, все тамъ при-«бирала, обивала стѣны, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ «я не простудилась, павильонъ поставила, чуланчикъ загоро-«дила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все-то оплакивала.

«Пришелъ тотъ горестный день, какъ намъ надобно ѣхать; «людей намъ дали для услуги десять человѣкъ, а женщинъ «на каждую персону по человѣку, всего пять человѣкъ. Я «хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мнѣ от-«говорили; для себѣ включили въ то число свою, а мнѣ дали «дѣвку, которая была помощницей у прачекъ; ни чего сдѣ-«лать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена я была «и въ томъ согласится. Дѣвка моя плачетъ, нехочетъ отъ «меня отстать; я ее уже просила, чтобъ она мнѣ больше не «скучала; пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. Итакъ «я хорошо собралась, ниже рабы своей не имѣла, денегъ не «полушки, сколько имѣла ихъ при себѣ моя воспитательница, «оныя мнѣ отдала; сумма не очень была велика: шестьдесятъ «рублей, съ тѣмъ я и поѣхала. Я уже не помню, пѣшкомъ «ли мы шли до судна, или ѣхали; недалеко была рѣка отъ «нашего дома; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, по-«тому что дозволено было имъ насъ проводить; вошла я въ «свой каютъ; увидѣла, какъ онъ прибранъ; сколько можно «было помогала моему бѣдному состоянію, пришло мнѣ «вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспита-«ніе; тутъ же и прощаться, что я ее уже въ послѣдній «разъ вижу; ухватились мы другъ за друга за шеи и «такъ руки замерли, и я не помню, какъ меня съ нею раста-«щили. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ; лежу на по-«стелѣ и мужъ мой надо мной стоитъ, держитъ за руку, даетъ «нюхать спиртъ, я вскочила съ постели, бѣгу въ верхъ, ду-

«мню: еще хоть разъ увижу; ниже мѣста того знать: далеко «уплыла. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было «у меня на рукѣ; знать я его въ воду пустила, когда съ сво«ими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было, не до него, «жизнь тратится; такъ я и осталась одна, всѣхъ лишась для «одного человѣка; и такъ, мы плыли всю ту ночь. На другой «день сдѣлался великій вѣтеръ, буря на рѣкѣ; громъ, молнія «гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ, а я съ природы «грому боюсь; судно вертится съ боку на бокъ, какъ громъ «грянетъ—такъ и попадаютъ люди; золовка меньшая очень боя«лась, та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣта представленіе «принуждены были къ берегу пристать. И такъ въ страхѣ; «безъ сна проводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла, «мы поплыли въ путь и три недѣли ѣхала водою; когда по«года тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; «когда плачу, когда платки мою; вода очень близка; а иногда «куплю осетра, на веревку его; онъ со мною радомъ плыветъ, «чтобъ не я одна невольница была, и осетръ со мною; а когда «погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ «голова болѣть и тошниться; тогда выведутъ меня на верхъ на «палубу и положатъ на вѣтру; и я до тѣхъ поръ безъ чувствъ «лежу, покамѣсть погода утихнетъ, и покроютъ меня шубою.... «на водѣ вѣтры очень проницательны. Иногда и онъ для ком«паніи подлѣ меня садится. Какъ пройдетъ погода, отдохну, «только ѣсть ничего не могла, все тошнилось. Однажды, что «съ нами случилось: погода жестокая поднялась, а знающаго «никого нѣтъ, кто-бы зналъ: гдѣ глубь, гдѣ мель и гдѣ мож«но пристать — ничего никто не знаетъ, а такъ все мужики «набраны изъ сохи, плывутъ куда вѣтеръ несетъ, и темно «уже становится, ночь близка, не могутъ нигдѣ пристать къ «берегу: погода не допускаетъ. Якорь бросили среди рѣки въ «самую глубь: якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда «не пустилъ на верхъ, боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ меня не «задавили; люди и работники всѣ по судну бѣгаютъ: кто «воду выливаетъ, кто якорь привязываетъ, и такъ всѣ въ ра-

«ботѣ. Вдругъ нечаянно притянули наше судно въ заливъ; «ничто не успѣло, я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а «не знаю что; я встала посмотрѣть: наше судно стоитъ, какъ «въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы; «никто сказать не умѣетъ: сами не знаютъ. На одномъ берегу «все березнякъ, такъ какъ подобно рощѣ не очень густой; «стала эта земля осѣдать и съ лѣсомъ нѣсколько сажень опу-«скаться въ рѣку или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ, и такъ «ужасно лѣсъ защумитъ подъ самое наше судно, и такъ насъ «къ верху подыметъ, и въ тотъ ущербъ стянетъ. Это продол-«жалось очень долго; думали всѣ, что мы пропали; коман-«диры наши совсѣмъ были готовы спасать свой животъ на «лодкахъ, а насъ оставить погибать. Наконецъ, уже столько «много этой земли оторвало, что видно стало за оставшей са-«мою малою частію земли вода; надобно думать, что озеро; «когда-бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно намъ въ «томъ озерѣ быть; вѣтеръ тогда былъ преужасный; думаю, «чтобъ намъ тогда конецъ былъ, когда-бъ не самая милость «Божія поспѣшила. Вѣтеръ сталъ утихать и землю перестало «рвать, и мы избавились той бѣды; выѣхали на свѣту на «свой путь, у самаго залива въ большую рѣку пустились. «Этотъ водяной путь много живота моего унесъ; — однако, все «переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ моимъ «бѣдамъ былъ, на большія готовилась, для того меня Богъ и «подкрѣплялъ.

«Доѣхали мы до города, гдѣ надобно намъ выгружаться «на берегъ и ѣхать сухимъ путемъ; я была и рада: думала «такихъ страховъ не буду видѣть; послѣ узнала, что мнѣ «нигдѣ лучшаго нѣтъ; не на то мнѣ судьба опредѣлила, чтобъ «покоиться. Какая же это дорога? триста верстъ должно-бы «переѣхать горами; верстъ по пяти на гору, и съ горы также; «онѣ-жъ такъ усыпаны дикимъ камнемъ, а дорожка такая «узкая въ одну лошадь — только впряжено, что называется, гу-«семъ, потому что по обѣ стороны рвы; ежели въ двѣ ло-«шади впречь, то одна другую въ ровъ стянетъ; оные же

«рвы лѣсомъ обросли. Не можно описать, какой они вышины, «какъ въѣдешь на верхъ горы и посмотришь по сторонамъ,— «неизмѣримая глубина: только видны одни вершины лѣсу, «все сосна да дубъ; отъ роду такого высокаго и толстаго «лѣсу не видала. Эта каменная дорога, я думала, что у меня «сердце оторветъ; сто разъ я просилась: «дайте отдохнуть!» «никто не имѣетъ жалости, а спѣшатъ наши командиры, чтобъ «домой возвратиться, и надобно ѣхать по цѣлому дню, съ утра «до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ «поставлены маленькіе домики, для пристанища проѣзжаю- «щимъ и для корму лошадямъ. Что̀ случилось: одинъ день «весь шелъ дождь и такъ насъ вымочилъ, что какъ мы вышли «изъ колясокъ, то съ головы до ногъ съ насъ текло, какъ изъ «рѣки вышли; коляски были маленькія; почти всѣ промокли, «закрыться нечѣмъ, да и пріѣхавши на квартиру обсушиться «негдѣ, потому что одна только хижина, а фамилія наша ве- «лика, всѣ хотятъ покою. Со мною и тутъ несчастье пошу- «тило. Повадка или привычка прямо ходить; меня за то съ «малу били: ходи прямо, притомъ-же я роста была не ма- «лаго; какъ только въ эту хижину вошла, гдѣ намъ ночевать «и черезъ порогъ переступила, упала назадъ и ударилась объ «матицу такъ крѣпко — а она была очень низка, — что я ду- «мала, что съ меня голова спала; мой товарищъ испугался: «думалъ, я умерла; однако, молодость помогла мнѣ сносить «всякія бѣдственныя приключенія; а бѣдная свекровь моя такъ «простудилась отъ этой мокроты, что и руки и ноги отнялись, «и черезъ два мѣсяца умерла. Не можно всего описать, сколь- «ко я въ этой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣ- «ла; пускай-бы я одна въ страданіяхъ была, товарища своего «не могу видѣть безвинно-страждующаго.

«Сколько мы въ этой дорогѣ были недѣль, не упомню. До- «ѣхавъ до провинціальнаго города того острога, гдѣ намъ «опредѣлено жить, сказали намъ, что путь до того острога «водою и тутъ будетъ перемѣна: офицеръ гвардейскій поѣдетъ «возвратно, а насъ препоручитъ тутошняго гарнизона офицеру

«съ командою 24 солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣстъ «исправили судно, на которомъ намъ ѣхать; сдали насъ съ «рукъ на руки, какъ арестантовъ. Это столько жалко было, «что и каменное сердце умягчилось; плакалъ очень при раз«ставаніи офицеръ и говорилъ: «Теперь-то вы натерпитесь «всякаго горя; эти люди необычайные: они съ вами будутъ «поступать какъ съ подлыми, ни какого списхожденія отъ «нихъ не будетъ». Итакъ мы всѣ плакали, будто съ роднымъ «разставались. По-крайней-мѣрѣ, привыкли къ нему: какъ ни «худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣ«сколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать. Какъ «исправились съ судномъ, новый командиръ повелъ насъ туда; «процесія была изрядная: за нами толпа идетъ солдатъ съ «ружьями, какъ за разбойниками; я уже шла внизъ глаза «пустя, не оглядываясь; смотрѣлыциковъ премножество по «этой улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужас«нулась, какъ увидѣла; великая разница съ прежнимъ: отъ «небреженія дали самое худое, негодное, такъ по имени на«шему судно; хотя бы на другой день пропасть: мы тогда «назывались арестанты, инаго имени не было... что уже въ «свѣтѣ этого титула хуже? Такое намъ и почтеніе. Во всемъ «суднѣ изъ пазовъ доски вышли, насквозь дыры свѣтятся, и «хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрипѣть; «оно-же черное, закоптѣлое: какъ работники разкладывали въ «немъ огонь, такъ оно и осталось; самое негодное, ни кто-бы «въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено «на дрова, да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ «держать—какое случилось, такое и дали, а можетъ быть и «нарочно приказано было, чтобы насъ утопить! Однако, какъ «не воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

«Принуждены были новому командиру покоряться; всѣ «способы искали, какъ бы его приласкать—не могли найти, «да въ комъ найти? Дай Богъ горе терпѣть да съ умнымъ че«ловѣкомъ! Какой этотъ глупый офицеръ былъ! изъ крестьянъ «выслужилъ чинъ капитана; онъ думалъ о себѣ, что онъ ве-

«ликій человѣкъ, и сколько надобно нась жестоко содержать «яко преступниковъ; ему казалось подло съ нами говорить; «однако, со всею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Изоб«разить жалко, сходственно-ли съ умнымъ человѣкомъ, въ «чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку да «туфли на босу ногу, и такъ съ нами сидитъ! Я была всѣхъ «моложе и невоздержна, не могу терпѣть, чтобы несмѣяться, «глядя на такую смѣшную позитуру; онъ это видя, что я ему «смѣюсь, какъ-то разъ пришлось ему примѣтить, говоритъ, «смѣясь: «Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а «то-бы я съ тобою сговорилъ!» Какъ мнѣ ни горько было, я «старалась его ввести въ разговоръ, только больше онъ мнѣ «ничого не сказалъ; подумайте: кто нашъ командиръ былъ, «кому было препоручено! чтобъ онъ усмотрѣлъ, когда-бъ мы «что намѣрены были сдѣлать? чего *они* боялись? чтобъ мы «не ушли? ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, «а держала насъ невинность наша; думали, что современемъ «осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. При «томъ же мѣшало много и фамилія — очень велика была. И «такъ мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣ«сяцъ до того города, гдѣ намъ жить.»

Между тѣмъ, какъ все это происходило, князь Өедоръ Васильевичъ, жившій подъ именемъ купца Попова, тайно вступилъ въ бракъ съ Маріею Меншиковою. — Вотъ два письма изъ Березова княжны Екатерины Алексѣевны.

От княжны Екатерины Долгорукой, къ Софьѣ Ронкалецъ.

Березовъ, 1730.

«Письмо сіе несетъ вамъ, милая Софья, послѣднія желанія скончавшейся вашей подруги, княжны Маріи М—вой, и первое привѣтствіе новой вашей пріятельницы Екатерины Д—кой. Ахъ, позволь мнѣ, любезная Софья, замѣнить мѣсто твоей Маріи. Она всегда называла тебя *ты*, и я буду называть тебя также, потому что Марія отказала мнѣ любовь твою. Ренка-

лецъ! мы не чужіе другъ другу. Когда я была невѣстою государя, и тогда ты пришла ко мнѣ просить за несчастную свою Марію. Ахъ! теперь я во сто разъ несчастнѣе Маріи, которая, по крайней-мѣрѣ, могла умереть въ объятіяхъ любви вѣрнѣйшей! Когда ты была у меня, тогда слезы сострадания соединили сердца наши. Я полюбила тебя, Софія, потому что ты въ горести своей могла позабыть, съ кѣмъ ты тогда говорила. Ты сказала мнѣ: «Ахъ, еслибъ вы знали Марію, которая сдѣлала-бъ честь всякому трону на свѣтѣ и которая теперь въ ссылкѣ!» Софія я узнала ее, узнала твою Марію; но, ахъ! къ сожалѣнію моему, узнала ужъ поздно; она теперь не только больше всякой царицы, но и счастливѣе; такъ, Ронкалецъ! осуши слезы свои: она счастливѣе меня!

«Безсомнѣнія, тебѣ извѣстна уже участь моя. Смерть государева изгнала-бы меня изъ свѣта, хотя-бы враги наши этого и не сдѣлали. Для меня все равно, гдѣ я не проведу остатокъ безъутѣшной жизни моей. Фамилія наша разсѣяна. Батюшку, брата и меня выслали изъ Москвы съ жестокостію.

«Изъ Тобольска отправились мы водою по Иртышу и Оби въ Березовъ. Я ничего не говорю тебѣ о чувствахъ моего батюшки, которыхъ, по крайней-мѣрѣ, не могъ онъ скрыть отъ глазъ любящей его дочери. Наконецъ, усмотрѣли мы Березовъ и пристали къ нему. Предъ нами находилась березовая роща, а вблизи ея небольшая хижина, изъ которой на то время медленно выходило двое людей. Молодой человѣкъ, съ самою трогательною и терпѣливою горестію на блѣдномъ лицѣ, велъ молодую женщину. Офицеръ приблизился было къ нимъ, вскричалъ: «Марія М—ва!» Она произнесла имя его тихимъ и пріятнымъ голосомъ и подала ему съ улыбкою руку свою, которую онъ поцѣловалъ. Восклицаніе его привлекло меня туда, и я была такъ близко ихъ, что могла видѣть эту поразительную сцену. Марія съ радостнымъ лицомъ оборотилась къ своему любезному и сказала: «Милый Ѳедоръ, посмотри, какую радость еще посылаетъ мнѣ небо!»

«Едва только могла я отвратить глаза свои отъ прекрас-

наго ея вида, но блѣднаго лица, — имя Өедора возбудило мое вниманіе. Я его узнала, не смотря на горесть, изображающуюся на лицѣ его. Въ эту минуту все сдѣлалось для меня ясно, и я сказала съ тономъ почтенія: «Благородная Марія! благородный Д—кій!» Марія, повидимому, пришла въ нѣкоторое безпокойство и сказала: «Ты знаешь его? Ахъ, не произноси его имени! дай мнѣ умереть сперва, умереть въ его объятіяхъ! Д—кіе теперь сильны, очень сильны!» «Нѣтъ, ни кто не разлучитъ его съ тобою; фамилія наша пала. Я Екатерина Д—кая!» Княжна Марія съ удивленіемъ взглянула мнѣ въ глаза и приложила руку ко лбу: «Екатерина Д—кая! Өедоръ! такъ называлась невѣста государева... не она ли это?»

«Өедоръ, казалось, только что теперь опомнился. Онъ бросился ко мнѣ и прижалъ меня къ груди своей. Узнавъ тутъ отца и брата, сказалъ онъ: «Какой злой духъ носится надъ нашими домами? Не ужели ни кто изъ всѣхъ насъ не долженъ быть счастливымъ? Вы изгнаны! за что же!»

«Я разсказала ему въ короткихъ словахъ судьбу свою. Марія спросила меня съ трепетомъ: «Ты любила государя?» «Любила, очень любила его!» отвѣчала я, и слезы полились изъ глазъ моихъ. Марія также заплакала и сказала: «Ахъ, я счастливѣе тебя! но теперь стану любить тебя, пока еще существую на свѣтѣ.»

«Батюшка мой, который теперь только узналъ Өедора, подошолъ къ нему робко, а братъ еще съ большею робостію, ибо легко могли видѣть, что Өедоръ любилъ Марію и добровольно послѣдовалъ за нею въ Березовъ. Өедоръ сказалъ: «Батюшка, сильная судьба—злой демонъ... Ахъ, поздно вижу я, что мы всѣ-бы могли быть счастливы!»

«Тутъ пришли и другіе М—вы узнать, кто были тѣ, которые привезены изъ Тобольска. Они узнали насъ, но никто не дѣлалъ намъ упрековъ, и даже не оказывали оныхъ и взорами своими. Всѣ они обходились съ нами съ дружелюбіемъ

ибо видѣли, что и Марія не сердится на насъ и что она даже смотритъ на меня съ нѣжностію.

«Фамилія М—выхъ вызвалась принять насъ въ свое жилищѣ и при отъѣздѣ предоставить намъ совсѣмъ оное; но я не хотѣла разставаться съ Маріею и поселилась въ ея хижинѣ.

«Здѣсь узналъ отъ меня Ѳедоръ, что и отецъ его также былъ сосланъ, это сдѣлало на него не большое впечатлѣніе. Я, желая разсѣять нѣсколько его, сказала ему, чтобъ онъ пошелъ къ батюшкѣ моему, если хочетъ знать о томъ съ подробностію; но онъ не говоря ни слова, покачалъ головою и взглянулъ на Марію, какъ будто хотѣлъ сказать: «я могу оставить ее!»

«Ввечеру повелъ онъ ее къ дверямъ своей хижины, для того, что ей хотѣлось видѣть заходящее солнце. Марія стояла нѣсколько времени въ его объятіяхъ и неговорила ничего. «Ахъ, милый Ѳедоръ, еслибъ я сію минуту сошла въ гробъ!» сказала она на послѣдокъ очень скоро, и лицо ее становилось часъ-отъ-часу блѣднѣе, глаза бѣгали повсюду и въ лицѣ двигался каждый мускулъ. «Я умираю!» продолжала она. «Благодарю Бога, что такъ долго продлилъ онъ жизнь мою! Ѳедоръ, я умираю у твоего сердца!...»

«Послѣ сего Марія обратила медленно ко мнѣ лицо свое и сказала: «Екатерина, поклонись моей Ронкалецъ и всѣмъ!» Такъ, Софія, она мнѣ это поручила, а не своему любезному. «Поклонись ей!» сказалъ Ѳедоръ. Наконецъ, Марія становилась все слабѣе, и Ѳедоръ отнесъ ее на постель. Она взяла у него руку, устремила на него померкшіе глаза свои и собрала послѣднія силы, чтобы сказать ему еще разъ: «Ѳедоръ, милый Ѳедоръ! я люблю тебя!» Потомъ уснула она сномъ смертнымъ, отъ котораго уже не просыпалась. Я боялась, чтобы горесть Ѳедора не излилась въ горькихъ вопляхъ; но онъ, казалось, былъ спокоенъ, когда складывалъ руки на груди ея. «Нѣтъ, я не опечалилъ тебя и не опечалю... Я любилъ тебя и теперь еще люблю!» Онъ сталъ на колѣна у постели и безпрестанно цѣловалъ поблѣднѣвшія уста умершей.

«Услышавши, что Марія скончалась, пришла вся ее фамилія. Всѣ рыдали громко, и Ѳедоръ стоялъ съ горестною улыбкою, ни одна слезинка не выкатилась изъ глазъ его. Онъ не слыхалъ ничего, что говорили, и только смотрѣлъ на Марію. А какъ онъ не подкрѣплялъ себя пищею нѣсколько времени, то на слѣдующій вечеръ въ крайномъ находился истощеніи. Въ это время вынесли мертвое тѣло, для отпѣванія, въ церьковъ.

«Когда онъ опомнился и подкрѣпилъ себя пищею, то, казалось, не искалъ уже глазами, или, по крайней-мѣрѣ, принуждалъ себя не говорить о ней и всегда смотрѣлъ съ улыбкою на одно мѣсто.

«На другой день Ѳедоръ спокойно освѣдомился о приготовленіяхъ къ погребенію. Онъ увидѣлъ еще свою Марію, но уже бездыханную, увидѣлъ и еще разъ поцѣловалъ блѣдныя уста ея; потомъ закрылъ гробъ и приказалъ опустить оный въ землю...

«Офицеръ, который долженъ былъ ѣхать назадъ съ М—выми, былъ неутѣшенъ. Онъ просилъ Ѳедора ѣхать вмѣстѣ въ Москву, но Ѳедоръ отворотился отъ него, не говоря ни слова, и пошелъ къ могилѣ, которая очень близко отъ его хижины. У него еще спрашивали, не хочетъ-ли онъ ѣхать вмѣстѣ, но онъ рѣшительно отвѣчалъ: «Я не оставлю моей Маріи!»

«Наконецъ М—вы уѣзжаютъ, милая Софія они берутъ съ собою мое письмо къ тебѣ и скажутъ тебѣ послѣдній поклонъ отъ твоей Маріи. Прости! Я разлучилась съ этой любезной особой, отъ горести почти забыла и собственныя свои страданія.»

От княжны Екатерины Д—кой, Софьѣ Ронкалецъ.

Березовъ, Сентябрь 1730.

«Неболѣе какъ одинъ только шагъ отъ могилъ, скрывающихъ двухъ вѣрнѣйшихъ любовниковъ, пишу къ тебѣ, Софія.

и посылаю ихъ письма, который препоручилъ мнѣ Ѳедоръ доставить тебѣ. Когда М—вы уѣхали, то онъ ходилъ по всюду и улыбался, не говоря ни слова. Если объ чемъ-нибудь его спрашивали, то онъ отвѣчалъ также ласково, но только иногда въ словахъ не понятныхъ, прерывистыхъ. Большую часть времени препровождалъ онъ на могилѣ своей Маріи. Тутъ сидѣлъ съ зеленымъ флеровымъ покрываломъ въ рукѣ и отвѣчалъ съ улыбкою, когда съ нимъ начинали говорить: «Что отъ первой надежды до послѣдней!.. Ахъ, она исполнила свое обѣщаніе: вѣрность по смерть! но какъ мнѣ можно забыть милую Марію и не печалиться о ней?.. Когда только вижу холмъ, скрывающій мою любезную, когда только воображу себѣ, что она простираетъ ко мнѣ свои объятія, то могу-ли я... Батюшка, вы знаете, что я терплю!.. Ѳедоръ жилъ еще мѣсяцъ. Уже предъ самою смертію своею просилъ меня положить ему на грудь зеленое покрывало. Я исполнила желаніе его...

«Прощай, любезная Софія! Я живу здѣсь въ хижинѣ подлѣ могилъ Ѳедора и Маріи; безпрестанно выхожу я на оныя — плакать, и когда шумятъ на до мною березы, то, поднимая глаза свои вверхъ, и мнѣ представляется, будто духъ ихъ зоветъ меня къ себѣ. Ахъ, Ронкалецъ! когда же я успокоюсь во гробѣ?.. Они счастливы, эти два вѣрныя сердца, такъ счастливы, какъ бѣдная Екатерина ни когда быть не можетъ. Ѳедоръ просилъ кланяться своему другу Сапѣгѣ. Приложенный при семъ пакетъ, надписанный ему, пожалуй доставь.

«Прощай, милая Ронкалецъ! Ѳедоръ и Марія были счастливы по причинѣ вѣрной любви своей; они и теперь счастливы. Ахъ, скоро я послѣдую за ними?..»

1732 г., по приказу Бирону, отданному изъ тайной канцеляріи 2 Февраля, Долгорукихъ разсадили порознь, а какъ не доставало въ острогѣ для отдѣльнаго помѣщенія теплаго жилья, то князя Ивана Алексѣевича посадили въ холодномъ амбарѣ; а князя Алексѣя Алексѣевича, съ добровольно съ нимъ жившимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, бывшимъ его дядькою, въ

холодномъ тесномъ хлевѣ, гдѣ болѣе двухъ шаговъ сдѣлать нельзя было. «Приносятъ намъ—пишетъ князь Алексѣй Алексѣевичъ — щи, который пока ѣшь мерзнутъ, а хлѣбъ даютъ такой, что часто зубы не берутъ.» Они потеряли счетъ днямъ и даже часто не знали день или ночь, такъ какъ сидѣли въ совершенной темнотѣ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи князь выпросилъ у капитана, навѣщавшаго ихъ разъ въ мѣсяцъ, горсть сыраго гороха за послѣдній бриллiантовый перстень и съ человѣкомъ придумалъ игру въ горохъ; этимъ между молитвою проводилъ онъ время; пѣть было запрещено. Разъ какъ-то, играя въ горохъ (пишетъ князь), вдругъ громко оба, по какому-то внутреннему внушенію, запѣли разомъ: «Христосъ Воскресе!» Часовые это передали, и воевода велѣлъ отнять горохъ — послѣднее ихъ утѣшеніе! — записалъ ихъ въ штрафную книгу колдунами (1), якобы они горохомъ узнаютъ время, за что, на ѳоминой недѣлѣ въ среду, имъ дано было по 15 розогъ.

Пищу подавали всегда на нѣсколько дней, такъ что только въ первый день можно было ѣсть похлебку, а тамъ она замерзала.

Между тѣмъ, перваго любимца цесаревны Елизаветы Петровны, Алексѣя Алексѣевича Шубина, по высочайшему именному повелѣнію, по докладу Бирона, взяли подъ стражу. Послѣ жестокой пытки въ присутствіи Бирона, онъ былъ скованъ и посаженъ въ каменный мѣшокъ (мѣсто въ стѣнѣ, гдѣ нельзя ни сѣсть, ни лечь), за то, что будто онъ, любя цесаревну, хотѣлъ тайно освободить Долгорукихъ и съ ними возвести потомъ на престолъ Елизавету Петровну, Бирона убить, а императрицу арестовать.

По сему же, выдуманному Бирономъ, дѣлу, дворцовый писецъ

---

(1) Именно была заутреня Христова 1-й день.

цесаревны Өедоръ Мироновъ взятъ подъ арестъ и послѣ пытки, скованный, отправленъ въ Шлиссельбургъ; но онъ съ дороги бѣжалъ въ Нѣмецію (вѣроятно, въ Финляндію); тогда была взята жена его, Марія Григорьевна, съ 12 лѣтней дочерью, подъ пытку, якобы они скрываютъ его. Въ глазахъ матери Биронъ, въ присутствіи своемъ, замучилъ дочь въ пыткѣ, а потомъ мать велѣлъ посадить въ мѣшокъ и утопить въ Невѣ.

Въ 1739 г. императрица, вспомня о дипломатическихъ дарованіяхъ князя Сергія Григорьевича Долгорукаго, возвратила его въ Петербургъ.

Волынской, графъ Ушаковъ и князь Куракинъ, опасаясь мщенія Долгорукихъ, всѣми возможными происками склонили Бирона окончательно погубить знаменитыхъ страдальцевъ.

По приказу Бирона, для довершенія гибели Долгорукихъ, Волынскимъ придуманъ былъ планъ, по которому подученный княземъ Куракинымъ подъячій Тишинъ долженъ былъ закричать на Долгорукихъ: «Долгорукіе словомъ и дѣломъ!» что тотъ и исполнилъ; послѣ чего, по докладу Бирона, въ Новгородъ, для слѣдствія и Шемякина суда, подъ названіемъ генеральнаго (онъ состоялъ изъ одного графа Ушакова), привезены были:

1) Князь Сергій Григорьевичъ,
2) Князь Иванъ Григорьевичъ,
3) Князь Василій Лукичъ,
4) Князь Василій Владиміровичъ,
5) Князь Михаилъ Владимировичъ,
6) Князь Иванъ Алексѣевичъ,
7) Князь Николай Алексѣевичъ,
8) Князь Алексѣй (а не Александръ) Алексѣевичъ,
9) Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ.

Дворовые люди Долгорукихъ:

10) Василій Щегловъ,
11) Сахаровъ.

Вымышленныя на Долгорукихъ вины, и въ коихъ они, по этому, не могли сознаться, были, какъ видно изъ дѣла, хра-

нящаго въ архивѣ (1), ни что иное, какъ злоба и козни Бирона и его клевретовъ. Изъ донесенія графа Ушакова Бирону видно, что Долгорукіе не хотѣли подписывать взводимыхъ на нихъ преступленій; князь-же Иванъ все молчалъ и молился, а князь Николай, самый смѣлый изъ нихъ, все требовалъ, чтобы имъ предъявленъ былъ подлинный указъ императрицы.

Вотъ на докладъ Ушакова резолюція Бирона, должно полагать, собственноручная:

Копія.

«Вотъ тебѣ на, и на что у васъ-де шпанскія калоши, въ «нихъ Ивана; подпишетъ, коль не подписывалъ при Петрѣ.

«Іоаннъ-Эрнестъ.»

Подъ этою резолюціею приписка Волынскаго слѣдующаго содержанія:

«Его высочество очень гнѣвается, что скоро вы не кон«чаете; что имъ въ зубы смотрите, надо же сознаніе для «доклада императрицы; пора кончить.»

Праведное небо, за Долгорукихъ, скоро покончило съ Волынскимъ.

Князь Алексѣй Алексѣевичъ, какъ самъ пишетъ, изъ страха плетки, прикинулся лишеннымъ ума.

Судъ надъ Долгорукими кончился 31 Октября; имъ во все время содержанія давали: чрезъ день по кружкѣ солоноватой воды; только со дня приговора по день казни, т. е. съ 31 Октября по 8 Ноября, стали давать щи, хлѣбъ, мясо и воды вдоволь. 8 Ноября совершилась въ Новгородѣ казнь Долгорукихъ.

Князьямъ: Василію Лукичу и Сергію Григорьевичу отсѣкли головы.

Князя Ивана Алексѣевича сначала четвертовали, а потомъ

---

(1) Копія съ находящагося въ архивѣ дѣла есть у князя Алексѣя Владиміровича Долгорукаго.

отсѣкли ему голову. Сколько прежде тридцатилѣтній этотъ страдалецъ желалъ земной славы, столько теперь жаждалъ смерти. Во все время ужасной своей казни онъ молился Богу, благодаря, что въ ниспосланныхъ бѣдствіяхъ научился познавать всевышняго. Когда палачъ отрубилъ ему правую руку, страдалецъ возопилъ: «Благодарю тебя, господи!» по отсѣченіи лѣвой ноги: «Яко сподобилъ мя еси!» а по отсѣченіи лѣвой руки: «познать тебя, Владыко!» Послѣ правой ноги покатилась голова его, отсѣченная отъ туловища, и (вѣроятно, бывшія на устахъ его) произнесла слова: «Тебѣ Бо....» и уста его на вѣки смолкли.

Записки внука его, князя Ивана Михайловича, не могутъ быть вѣрнѣе записокъ брата его, князя Алексѣя Алексѣевича, личнаго свидѣтеля казни и сотоварища пытки.

Манифестъ о казни вышелъ 12 Ноября, безъ собственноручной подписи императрицы. Съ лобнаго мѣста князя Василія Владиміровича отвезли опять въ Иванъ-городъ, приказавъ никуда не пускать, кромѣ въ церковь, а брата его, князя Михаила Владиміровича, отправили въ Шлиссельбургъ; но какъ при немъ оказалось 141 р. 69 к., то не велѣно отпускать продовольствія ни на него, ни на человѣка его, сосланнаго вмѣстѣ съ нимъ, а обратить эти деньги на ихъ продовольствіе.

Сына его, князя Сергія Михайловича, бывшаго въ Рижскомъ гарнизонѣ премьеръ-майоромъ, велѣно отъ всякой службы уволить и жить ему въ подъ-московной его деревнѣ безъотъѣздно.

Князь Петръ и князь Василій записаны въ простые драгуны (рядовыми) въ Украинскіе полки.

Князей Николая и Алексѣя обратно отвезли въ Березовъ; Щубина сослали въ Камчатку, принудивъ жениться на камчадалкѣ.

Но этимъ не удовольствовался кровожадный Биронъ. Въ слѣдующій 1740 гогъ: князя Алексѣя Алексѣевича отправили въ Камчатку матросомъ.

Князей: Николая и Александра Алексѣевичей велѣно было

привести въ Тобольскъ, и тамъ на площади учинить имъ наказаніе кнутомъ, урѣзать имъ языки, а потомъ отправить въ вѣчную работу въ Охотскъ, давая имъ на продовольствіе по два пуда муки въ мѣсяцъ и по двѣ копѣйки денегъ на приварокъ.

Въ доказательство выписываемъ изъ архивнаго дѣла слѣдующее:

«Князю Александру и князю Николаю, Алексѣевыхъ дѣтей Долгорукаго, учинить обоимъ публично въ Тобольскѣ жестокое наказаніе, бить кнутомъ, и урѣзавъ у нихъ языки, сослать въ работу вѣчно: Александра въ Камчатку, Николая въ Охотскъ, и въ тѣхъ мѣстахъ на пропитаніе давать имъ на мѣсяцъ муки по два четверика, крупъ и соли по пропорціи, денегъ по двѣ копѣйки на день. И по силѣ того именнаго указа, о исполненіи изъ тайной канцеляріи посланъ въ Сибирскую губернскую канцелярію указъ, тако-жъ гвардіи къ сержанту, который для караула имѣлся, посланъ 1740 г. Сентября 25 дня.

«По указу его императорскаго величества, именемъ его императорскаго величества отъ бывшаго регента (Октября 23 дня): повелѣно, для поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны, отъ означенной экзекуціи оныхъ Долгорукихъ помиловать и того имъ не чинить, но токмо послать ихъ въ тѣ мѣста и объ ономъ всемилостивѣйшемъ его императорскаго величества, оказаніи къ нимъ высочайшаго милосердія, указѣ объявить имъ; того ради отправить изъ тайной канцеляріи съ указомъ въ Тобольскъ нарочнаго, на почтовыхъ подводахъ; о чемъ того-жъ числа съ нарочнымъ указомъ былъ отправленъ.

«Но сего 1741 года Генваря 19 дня, присланнымъ изъ Сибирской губернской канцеляріи рапортомъ объявлено, что оныхъ Долгорукихъ, до полученія вышеречѣннаго его императорскаго величества указа, наказаніе кнутомъ съ урѣзаніемъ у нихъ языковъ учинено Ноября 19 дня и посланы въ вышеобъявлен-

ныя мѣста. Нынѣ оные Долгорукіе живы-ль, или изъ нихъ кто умеръ, въ тайной канцеляріи извѣстія не имѣется.

«А дочерей онаго князя Алексѣя: Катерину, Алену, Анну разослать въ Сибирь по разсмотрѣнію Сибирскаго митрополита и въ тѣхъ монастыряхъ, по обыкновенію, постричь ихъ въ монахини, и настоятельницамъ тѣхъ монастырей имѣть и содержать ихъ подъ крѣпчайшимъ присмотромъ и никуда изъ тѣхъ монастырей ни для чего отнюдь не выпускать и ничѣмъ писать не давать, и постороннихъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не пускать, и чтобъ ни какихъ шалостей и непотребствъ отъ нихъ не происходило; пищею и одеждою содержать ихъ, по обыкновенію тѣхъ монастырей, равномѣрно противу монахинь, безъ всякой отмѣны, и въ оные монастыри изъ города Березова разослать ихъ за надлежащимъ карауломъ съ нарочно посланными изъ Тобольской губернской канцеляріи оберъ-офицерами. 2) Имѣющихся при оныхъ князь Алексѣевыхъ дочеряхъ въ услуженіи вдовъ, такожъ и дѣвокъ освободить и разослать ихъ въ разные сибирскіе города на вѣчное житье, и ежели оные вдовы и дѣвки въ замужествѣ быть пожелаютъ, то имъ позволить, токмо кромѣ солдатства и пріѣзжихъ, за тамошнихъ жителей. 3) Имѣющихъ нынѣ, при оныхъ же князя Алексѣевыхъ дѣтяхъ, мѣдную, оловянную посуду и платье, оставя изъ того онымъ потребное число, безъ всякаго излишества, прочую всю отобрать въ Березовскую воеводскую канцелярію и обще съ имѣющимся въ оной воеводской канцеляріи, прежде отобранные у оныхъ Долгорукихъ пожитками, и остаточныя, за содержаніемъ или на пропитаніе, деньги, давъ изъ тѣхъ денегъ помянутому Алексѣю и сестрамъ его, во время посылки ихъ въ показанныя мѣста, на пропитаніе по 25 коп. въ день человѣку, да въ тѣ монастыри, въ которыя оныя дѣвки посланы будутъ, въ каждой на всѣхъ имѣющихся тамъ монахинь, на пропитаніе денегъ по 50 руб.; а доставленные всѣ изъ той воеводской канцеляріи отослать въ Тобольскую губернскую канцелярію немедленно, и въ той губернской канцеляріи тѣ принятыя деньги записать въ при-

ходъ; а означенныя пожитки, оцѣня съ публичнаго торгу, продавать и деньги потому-жъ въ приходъ записать и въ тайную канцелярію о томъ и о всемъ обстоятельно рапортовать (объ ономъ еще изъ Сибирской губернской канцеляріи не рапортовать). И по силѣ онаго именнаго указы, о вышеобъявленномъ и о всемъ въ Сибирскую губернскую канцелярію, также и пострижевіи означенныхъ Долгорукихъ дочерей въ разные Сибирскіе дѣвичьи монастыри, изъ святѣйшаго Сvнода и изъ тайной канцеляріи куда надлежало указы посланы. А въ доношеніи изъ Тобольской архіерейской канцеляріи показано, что означенныхъ Долгорукихъ дочерей въ монахини велѣно постричь, Тобольской эпархіи, въ дѣвичьихъ монастыряхъ, а именно: Катерину въ Томскомъ Рожественскомъ, Елену въ Тюменскомъ Успенскомъ, Анну въ Верхотурскомъ Покровскомъ. И требовано-де отъ Сибирской губернской канцеляріи опредѣленіе, что вышеозначенные дѣвичьи монастыри, кромѣ одного Томскаго, отъ Тобольска обрѣтаются по близости и на самомъ московскомъ трактѣ и весьма всѣ малобратственные и нищенскіе, единою милостынею питаемые, въ которыхъ-де не только карауловъ содержать, но и обычайныхъ монастырскихъ службъ исправлять не кому, а крестьянъ и слугъ ни кого при тѣхъ монастыряхъ не имѣется. И изъ Сибирской губернской канцеляріи отвѣтствовано, что изъ той губернской канцеляріи для взятія помянутыхъ Долгорукихъ дочерей: Катерины, Алены, Анны и для отвозу ихъ въ означенные монастыри, посланы въ Березовъ нарочные оберъ-офицеры и солдаты и велѣно тѣхъ Долгорукихъ дочерей въ тѣхъ монастыряхъ постричь при оныхъ оберъ-офицерахъ, и, для вышепоказанныхъ отъ архіерейской канцеляріи резоновъ, тѣмъ оберъ-офицерамъ изъ солдатъ для караула; а остановить при оныхъ Долгорукихъ по два человѣка до указу.»

Князь Сергій Михайловичъ отданъ въ рекруты, а всѣхъ внуковъ князя Михайла Владиміровича велѣно написать въ рядовые, тоже въ разные армейскіе полки, отобравъ у нихъ все движимое и недвижимое имущество, а кто изъ нихъ молодъ

въ рекруты; того записать контанистами и отдать въ гарнизонныя школы, оставивъ симъ последнимъ, на пропитаніе, приданое жены его, а дочерямъ изъ отписаннаго у него имѣнія дать по 40 душъ. Князя Юрія и князя Ивана отправили въ армейскіе полки въ солдаты, пославъ ихъ въ Москву къ графу Салтыкову, который два дня держалъ ихъ съ борзыми собаками и съ ними-же вмѣстѣ кормилъ ихъ, вѣроятно, въ угодность Бирону. Наконецъ, небу угодно было известить императрицу, что и ей пора подумать о вѣчности.

Въ запискахъ покойнаго сенатора генералъ-лейтенанта Ивана Ивановича Репнина, который, при Павлѣ I, былъ генераломъ отъ кавалеріи, сказано, что отецъ его лично былъ свидѣтелемъ нижеслѣдующаго явленія:

За полтора мѣсяца до смерти императрицы (часовые сержанты гвардіи тогда на часахъ постоянно у тронной залы стояли), сержанты замѣтили, что по ночамъ тронная зала бываетъ освѣщена и что императрица сидитъ на тронѣ. Объ этомъ донесли чрезъ кого слѣдуетъ Бирону; на другой день Биронъ доложилъ объ этомъ государынѣ, и она велѣла, что какъ только это видѣніе повторится, разбудить ее. Отецъ Ивана Ивановича былъ въ тотъ день въ караулѣ; видѣніе опять явилось; послали за Бирономъ; онъ разбудилъ государыню и привелъ ее, въ сопровожденіи всего караула, въ тронную; видѣніе не исчезло: государыня увидѣла себя сидящую на тронѣ; тогда, обратясь къ сержантамъ, она закричала: «въ штыки!» Тѣнь встала и, грозно погрозивъ императрицѣ, исчезла; въ одинъ моментъ свѣчи погасли и въ залѣ насталъ глубокій мракъ. Всѣ пришли въ ужасъ.

Окончивъ эпоху эту, намъ должно замѣтить, что мы упоминали въ ней не объ однѣхъ лицахъ старшей линіи, но о всѣхъ, участвовавшихъ въ ней Долгорукихъ, — впрочемъ, о младшей линіи будетъ упомянуто и во 2 части.

Многострадавшая царевна Елизавета Петровна, занятая одною набожностію, все еще не рѣшалась предъявить права свои

на престолъ; наконецъ, докторъ ея, узнавъ тайный замыселъ правительницы принцессы Анны Леопольдовны противъ нея, принесъ ей картину, изображающую съ одной стороны тронъ, а съ другой всѣ ужасы казней и пытокъ; она закрыла лицо руками и сказала: «Дѣлайте со мной что хотите.» Тогда заранѣе приготовленная 1-я рота лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, съ поручикомъ Воронцовымъ (прадѣдомъ нынѣшнихъ князей Воронцовыхъ), подняла ее на руки (въ 9 часовъ вечера), съ громкимъ «ура!» Изъ дворца на Пескахъ (1) понесли ее въ Зимній дворецъ: ворвавшись туда, они арестовали принцесу-правительницу. Такимъ образомъ, въ 9 часовъ вечера Елисавета Петровна взошла на престолъ, а рота названа лейбъ-кампанцами.

По восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, Долгорукіе получили свободу, но объ нихъ указа не было.

Императрица потребовала отъ сената дѣло о Долгорукихъ, и на докладъ сената написано генералъ-прокуроромъ:

«Ея императорское величество Долгорукихъ не винила и не осуждала, а потому и прощать не можетъ. А высочайше повелѣть соизволила освободить не медля, гдѣ кто изъ нихъ окажется въ живыхъ. Княжну Екатерину Алексѣевну возвратить въ С. Петербургъ, а за княземъ Василіемъ Владиміровичемъ послать и возвратить ему чины и ордена; и всѣ тѣ имѣнія, кои еще не розданы, но все сіе учинить не печатнымъ указомъ.»

А потому Долгорукіе не всѣ разомъ возвратились.

Княжну Екатерину Алексѣевну императрица выдала замужъ за графа Александра Романовича Брюса, потомка шотландскихъ королей и генералъ-лейтенанта. Она въ томъ-же году скончалась. Находясь на смертномъ одрѣ, она велѣла сжечь всѣ свои платья, чтобы никто послѣ нея не могъ носить.

---

(1) Нынѣ частный домъ противъ Прудка; онъ только не давно, по случаю пожара, измѣнилъ свой фасадъ.

Княжна Елена Алексѣевна вышла замужъ за князя Юрія Юрьевича Долгорукаго, который прежде былъ влюбленъ въ княжну Екатерину, сестру ея. Княжна Анна Алексѣевна вскорѣ послѣ этого скончалась.

За княжной Натальею Борисовною посланъ братъ ея, графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ; она, по возвращеніи, съ высочайшаго соизволенія, на могилѣ казненныхъ Долгорукихъ воздвигла въ Новгородѣ церковь, а когда дѣти ея, Михайло и Дмитрій, подросли, она удалилась въ Кіевъ, и тамъ, въ 1757 г. 28 Сентября, постриглась, а въ послѣдствіи приняла схиму подъ именемъ Нектаріи. Наканунѣ постриженія, выйдя на высокій берегъ широкаго Днѣпра, она помолилась Богу, сняла съ руки обручальное кольцо и бросила его въ быстрыя волны Днѣпровскія. Изъ отмѣтокъ Карамзина въ исторіи его, съ высочайшаго повелѣнія изданной, изъ записокъ митрополита Петра Могилы и изъ тетрадки архимандрита Ювенарія видно, что она въ постриженіи первая начала своимъ иждивеніемъ возобновлять Десятинную церковь въ Кіевѣ.

Князя Александра Алексѣевича привезъ курьеръ въ С.-Петербургъ. Князь Николай Алексѣевичь вернулся вскорѣ по воцареніи Елизаветы Петровны; ему предложено было поступить ко двору камеръ-юнкеромъ; но онъ отказался и пошелъ въ военную службу, гдѣ дослужился до бригадирскаго чину и вышелъ въ отставку. Отъ первой супруги своей, урожденной Бредихиной, онъ имѣлъ сына Алексѣя и двухъ дочерей: княжну Анастасію, бывшую замужемъ за княземъ Григоріемъ Алексѣевичемъ Щербатовымъ, и княжну Елену, вышедшую замужъ за Павла Матвѣевича Ржевскаго. Отъ второй супруги своей, княжны Натальи Сергѣевны Голицыной, онъ имѣлъ сына, князя Александра, получившаго прозваніе Долгорукой-глухой, княжну Прасковью, бывшую за мужемъ за Дмитріемъ Ивановичемъ Нарышкинымъ, княжну Анну, бывшую замужемъ за Николаемъ Никитичемъ Спечинскимъ, и княжну Варвару.

Князь Алексѣй Алексѣевичъ считался мертвымъ, потому что, по приведеніи его въ Камчатку, скрылся между природ-

родными жителями и только чрезъ два года, по воцареніи Елизаветы Петровны, чрезъ купца Спиридонова узнавъ о перемѣнѣ въ правленіи, рѣшился съ нимъ ѣхать въ Иркутскъ; тамъ онъ явился къ губернатору; но тотъ, не признавъ его за Долгорукаго, прогналъ.

Тогда, подговоривъ ссыльнаго дворянина Турчанинова, съ нимъ отправился пѣшкомъ въ Москву. Его портретъ въ бородѣ и армякѣ былъ у Голенищевой-Кутузовой.

По донесенію о прибытіи его, Елизавета Петровна простила Турчанинова; а ему, какъ видно изъ бумаги, находящейся при дворянскихъ дѣлахъ князя Алексѣя Владиміровича—именемъ императрицы предложено было (такъ сказано въ бумагѣ): «Не угодно-ли вашему сіятельству вступить въ службу нижечиномъ -- во флотъ капитаномъ, или въ армейскіе полки старшимъ оберъ-офицеромъ.»

Но онъ отказался отъ того и другаго, и ни гдѣ не служилъ; онъ женился вскорѣ на Анастасіи Парамоновнѣ Плещеевой; отъ ней имѣлъ сына князя Ивана и дочь, княжну Екатерину (въ супружествѣ за княземъ Петромъ Александровичемъ Меншиковымъ); отъ второй супруги княжны Мышецкой, онъ имѣлъ князя Григорія. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императрицы, онъ, овдовѣвъ отъ втораго брака, вступилъ въ связь и потомъ женился (по преданію) на вдовѣ булочника — третьимъ бракомъ.

Шубина едва сыскали. Придворный секретарь Ѳедоръ самъ явился изъ за-границы. Елизавета ему пожаловала 300 душъ, дипломъ на дворянство и, въ память за ношеніе за нее кандаловъ, пожаловала фамилію Кандалывцовъ.

Пріемникъ Елизаветы Петровны, Петръ III, воцарившись, уничтожилъ пытку и обычай дѣлать возгласъ: «словомъ и дѣломъ,» равносильный доносу, а также избавилъ дворянство отъ тѣлеснаго наказанія.

Когда потомъ противъ этого монарха составился заговоръ, то князь Иванъ Алексѣевичъ, служа въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, донесъ объ этомъ за двѣ недѣли до его

кончины. Этотъ доносъ почли за ложный и Долгорукой былъ арестованъ, и только, по воцареніи Екатерины II, освобожденъ.

Этимъ мы кончаемъ третій періодъ.

Послѣдній періодъ старшей линіи рода князей Долгорукихъ.

Отъ 1762 года, до настоящаго времени.

Приступая къ этому періоду, мы долго были въ недоумѣніи: писать-ли его, или нѣтъ? Лица и событія столь близки къ настоящему времени, что не могутъ быть представлены во всей подробности. Съ другой стороны, не взирая на двукратное приглашеніе князей Александра и Дмитрія Ивановичей (1) и личное ихъ обѣщаніе — доставить подробныя о себѣ свѣденія, — доселѣ ими еще ничего не доставлено. Князь Юрій Алексѣевичъ, на оффиціальное приглашеніе, также не доставляетъ никакихъ свѣденій.

Принимая это за желаніе, чтобы о нихъ не писали, мы исполняемъ это, хотя имѣемъ въ рукахъ достаточно матеріаловъ, для вѣрной и, болѣе или менѣе, полной характеристики ихъ.

При вступленіи на престолъ Екатерины II, схимница Нектарія, изъ сѣни уединенія, привѣтствовала императрицу письмомъ и иконой пресвятой Маріи.

Вотъ отвѣтъ императрицы:

«Высочайшій Рескриптъ.

«Честная мать! письмо ваше, отъ 12 іюня, я получила; «за которое и за присланную при томъ икону Пресвятой Бо«гоматери, также за усердныя желанія ваши, много вамъ бла«годарна. О сыновьяхъ вашихъ, будьте увѣрены, что по

(1) Князь Д. И. осенью 1867 г. скончался. Прим. К. В. Д.

«справедливости милостію и покровительствомъ моимъ оста-«влены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ «и пребуду вамъ всегда благосклонна.

«Екатерина »

Въ Петергофѣ.
26 Іюня 1763 г.

Въ 1771 году, Іюля 3, Нектарія оставила свое земное страдальческое поприще, которое продолжалось 56 лѣтъ. Прахъ этой княгини, безсмертной для фамиліи Долгорукихъ, покоится на паперти собора Кіево-Печерской лавры.

Изъ печатной тетрадки архимандрита Засима и перваго изданія исторіи Карамзина (съ высочайшаго повелѣнія), видно, что съ благословенія митрополита Петра Могилы, временно управлявшаго Кіевскою епархіею, эта княгиня на свой счетъ первая стала возобновлять Десятинную церковь.

Старшій сынъ ея, князь Михаилъ Ивановичъ, при рожденіи котораго не было даже бабки, родился 1731 года, 2 Апрѣля. Привезенный матерью, по возвращенію ея изъ Сибири, въ С.-Петербургъ, онъ началъ службу въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку; скончался въ Москвѣ 1794 г. 8 Іюня, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Первый бракъ его съ княжною Анною Михайловною Голицыной былъ бездѣтенъ; а отъ втораго брака его, съ баронессою Анною Николаевной Строгоновой, онъ имѣлъ сына князя Ивана и дочерей: княжну Прасковью, княжну Анну (за графомъ Петромъ Андрѣевичемъ Ефимовичемъ) и княжну Елизавету (за Василіемъ Лаврентьевичемъ Селецкимъ).

Князь Иванъ Михайловичъ, извѣстный поэтъ своего времени, оставилъ по себѣ любопытныя записки, доселѣ не напечатанныя (подобно запискамъ другихъ Долгорукихъ). Онъ оставилъ службу въ 1812 году, въ чинѣ тайнаго совѣтника, и скончался въ 1823 году; погребенъ, вопреки поэтическому завѣщанію своему, вмѣсто Филей (¹), что подъ Москвою, въ Дон-

(¹) См. его извѣстное стихотвореніе «Завѣщаніе», въ собраніи его стихотвореній. Прим. К. В. Д.

своемъ монастырѣ. Отъ первой супруги своей, Евгеніи Сергѣевны Смирновой, онъ имѣлъ четверыхъ дѣтей: Павла, Александра, Дмитрія и Михаила-Рафаила, которые не имѣли мужскаго потомства, и дочь княжну Антонину-Варвару—замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ Новиковымъ. Отъ второй супруги своей, Аграфены Алексѣевны Пожарской, урожденной Безобразовой, не имѣлъ дѣтей вовсе.

Князь Павелъ Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Голицыной; скончался бездѣтнымъ. Онъ былъ музыкантъ и нѣкогда, съ братомъ покойной императрицы Александры Θеодоровны, въ Берлинѣ розыгрывалъ концерты во дворцѣ родителя ихъ, короля Вильгельма Великаго.

Князь Александръ Ивановичъ писалъ стихи и много страдалъ за острыя слова свои. Въ 1810 г. ему нужно было ѣхать, а его не пускали въ отпускъ. Онъ взялъ подорожную и мундиръ генералъ-адъютанта князя Долгорукаго и уѣхалъ въ Смоленскъ. Являются къ нему генералы; тамъ стояла какая-то пѣхотная дивизія; онъ дѣлаетъ ей смотръ; рапортуетъ государю и уѣзжаетъ. Въ другой разъ, онъ былъ посланъ для устройства перевода Макарьевской ярмарки, въ Нижній-Новгородъ. Упрошенный княземъ Лысковскимъ, онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, доноситъ министру, что перевесть ярмарки нельзя, на что министръ ему словесно отвѣтилъ: «Государь этого хочетъ.» «Да если государю угодно будетъ всю Волгу вылить въ стаканъ, такъ развѣ это можно сдѣлать!» Князь не имѣетъ доселѣ потомства. Въ первомъ бракѣ былъ съ Еленою Ивановною Колошиной, доброю, но слишкомъ обыкновенной женщиной. Во второй бракъ вступилъ съ фрейлиной баронессой Боде, очень любезной и милой женщиной, которая, при обширномъ умѣ, обладаетъ особеннымъ талантомъ привлекать къ себѣ всѣхъ отъ мала до велика — и нравиться мужчинамъ и женщинамъ.

Князь Дмитрій Ивановичъ все время провелъ въ службѣ, за-границей, по дипломатической части. Въ послѣднее время

былъ посланъ въ Персію, а нынѣ сенаторомъ. Ему разрѣшено было, по усмотрѣнію, предложить Персіи вступить съ нами въ союзъ, но, имѣвъ-ли въ виду волю канцлера графа Нессельроде, или другія какія-либо причины, онъ не нашелъ это выгоднымъ и, сдавъ свой постъ Аничкову, уѣхалъ. Его за это многіе винятъ, говоря, что онъ дѣйствовалъ такъ по дружбѣ съ англійскимъ посломъ; другіе-же взводятъ на него еще большія обвиненія.

Онъ имѣетъ двухъ дочерей, изъ коихъ старшая была за г. Апраксинымъ, помѣщикомъ Владимірской губерніи. Умерла года два тому назадъ.

Вторично князь Дмитрій Ивановичъ Долгорукой женился на вдовѣ генералъ-маіора Мясоѣдова, урожденной Хитрова.

Князь Михаилъ-Рафаилъ Ивановичъ, служа въ россійской миссіи во Флоренціи, скончался на 20 году отъ роду.

Княжна Антонина-Варвара съ молоду извѣстна фамильнымъ патріотизмомъ.

Въ жизни сыновей Ивана Михайловича весьма много интереснаго, но имъ не угодно было сообщить этого авторамъ; а потому мы и умалчиваемъ о томъ, что извѣстно намъ.

Сыновья бригадира князя Николая Алексѣевича суть:

Князь Алексѣй Николаевичъ, былъ человѣкъ добрый и храбрый; онъ родился въ 1750 году, а скончался въ 1816, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, не оставивъ по себѣ потомства.

Братъ его, покойный князь Александръ Николаевичъ, по прозванію Долгорукой-Глухой, отъ супруги своей, побочной дочери оберъ-камергера князя Голицына, Екатерины Александровны Лицыной (тоже уже умершей), не оставилъ потомства. Они извѣстны были въ Москвѣ особенною своею скупостію: чаю не пили, кофе по одной чашкѣ, и то въ первый день свѣжій, а на другой подваренный; кушали они одну овсяную кашицу, только по праздникамъ съ масломъ. Домъ ихъ былъ недалеко отъ Кудрина; по величинѣ своей и огромному двору

съ разнымъ строеніемъ, онъ могъ назваться замкомъ; но они вдвоемъ занимали его весь. По вечерамъ они постоянно сидѣли съ одною свѣчкою. Когда кто изъ близкихъ пріѣзжалъ къ нимъ, что случалось весьма рѣдко, то лакей, въ потемкахъ, ощупью доходилъ до господъ, и въ случаѣ пріема бралъ свѣчку отъ нихъ и встрѣчалъ съ ней гостя, провожалъ его къ господамъ, потомъ ставилъ свѣчку на столъ и уходилъ; такимъ же образомъ, человѣкъ провожалъ гостей обратно, оставляя пока господъ въ темнотѣ. Будучи бездѣтны, они оставили свое состояніе — впрочемъ, не значительное — въ чужой родъ.

Князь Александръ Николаевичъ имѣлъ званіе каммергера.

Князь Алексѣй Алексѣевичъ бóльшую часть имѣнія своего перевелъ на третью супругу свою, которая заплатила ему самою черною неблагодарностію и однажды, когда онъ возвращался съ охоты домой, приказала запереть ворота (въ Москвѣ, на Никитской), сама кричала изъ окна: «Не пускай-те стараго хрыча!» Мужъ подалъ императрицѣ прошеніе; но когда вышелъ указъ о возвращеніи ему имѣнія, онъ былъ уже на столѣ. Указъ такъ и остался безъ исполненія. Между-тѣмъ, жена его въ Вологдѣ предъявила право дѣтей своихъ, не показавъ князя Григорія отъ второй супруги, который былъ арестованъ по дѣлу Новикова, и малолѣтнихъ дѣтей покойнаго князя Ивана Алексѣевича, князей Алексѣя и Владиміра Ивановичей. 700 же душъ, подъ Троицкой Лаврой, показали себя выморочными, такъ какъ она, избѣгая гласности, не предъявила на нихъ въ Москвѣ правъ своихъ.

Князь Иванъ Алексѣевичъ вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, и уѣхалъ въ имѣніе свое Орловской губерніи, въ село Рябиновку и Ивановское; тамъ сосѣди его Охотниковы зазвали его къ себѣ въ гости и, опоивъ чѣмъ-то, полупомѣшаннаго свезли въ Москву, гдѣ онъ и умеръ, и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ. Въ рукахъ-же Охотниковыхъ осталась, будто-бы, его купчая крѣпость, по которой онъ, будто, продалъ имъ 1500 душъ за 9 тысячъ рублей. Князь Алексѣй Алексѣевичъ, отецъ его,

сдѣлался опекуномъ надъ его дѣтьми; но почему не подалъ искъ по этому дѣлу — не извѣстно; вѣроятно, потому, что былъ слишкомъ занятъ тяжбою съ супругою своею. Судя по опекунскимъ отчетамъ, онъ умеръ гораздо ранѣе, чѣмъ показано у князя Петра Владиміровича (1). Когда князь Владиміръ выросъ и пріѣхалъ въ Орелъ, то ему еще тогда предлагали начать искъ съ Охотниковыми о беззаконной и фальшивой купчей крѣпости и завладѣніи селомъ Рябиновкой и Ивановскимъ. Въ 1835 году предлагали это-же сыну его, князю Алексѣю Владиміровичу.

Князь Григорій Алексѣевичъ воспитывался въ морскомъ корпусѣ и былъ на томъ самомъ кораблѣ, на коемъ привезена была изъ Италіи въ Кронштадтъ княжна Тараканова; она была приглашена Орловымъ на корабль къ обѣду; во время котораго Орловъ былъ вызванъ на палубу и съѣхалъ съ корабля; а корабль поднялъ якорь; почувствовавъ колебаніе корабля и не видя Орлова, княжна выбѣжала на палубу, и когда увидѣла удаленіе корабля отъ берега, то сказала: «Я теперь свою судьбу знаю!» Ей подавали все на серебрѣ и именовали: «Ваша свѣтлость.» Такъ приказано было Орловымъ. Къ столу своему она приглашала почти всегда всѣхъ офицеровъ. Столъ готовился ей по ея назначенію. Нельзя сказать, чтобы она отчаявалась; она хорошо умѣла владѣть собою, не подавала и вида печали и держала себя гордо и величественно. За 7 верстъ до Кронштадта корабль сталъ на якорь; княжну спустили на шлюпку и доставили въ Кронштадтъ; больше этого князь Григорій Алексѣевичъ не могъ узнать о ней.

Когда была наряжена коммиссія надъ Новиковымъ, князь Григорій Алексѣевичъ былъ въ ней. Однажды, когда въ присутствіи Павла I, Потемкина и еще двухъ членовъ коммиссіи, разбирали бумаги Новикова, князь замѣтилъ блѣдность царевича. Но связанъ съ масонами, къ которымъ и самъ онъ

(1) Т. е. внукъ князя Алексѣя Алексѣевича, князь Иванъ Алексѣевичъ.

принадлежалъ, онъ зналъ, что царевичъ состоитъ въ обществѣ Новикова, единственная цѣль котораго была благотворительность, доказательствомъ чему служитъ то, что Новиковъ въ неурожайный годъ продовольствовалъ одну изъ губерній (¹). Это смущеніе царевича родило на него подозрѣніе въ связи съ Новиковымъ, и, при тогдашнихъ его отношеніяхъ къ большому двору, участіе его въ обществѣ окончательно могло погубить Новикова и сильно повредить самому цесаревичу. Замѣтивъ между бумагами списокъ лицъ общества, князь Григорій взялъ эту тетрадь и, какъ-бы для того чтобы лучше разсмотрѣть ее, отошелъ съ нею къ окну. Цесаревичъ не спускалъ съ него глазъ. Найдя листъ съ подписью цесаревича, князь Григорій вырвалъ его и началъ ѣсть. Когда онъ клалъ въ ротъ послѣдній клочекъ, цесаревичъ невольно перекрестился. Это обратило на него общее вниманіе, и Потемкинъ сказалъ, обратясь къ князю Григорію: «что ты, батюшка, тамъ у окна подѣлываешь? подай мнѣ, что читаешь?» И не найдя листа, велѣлъ обыскать князя; но ничего при немъ не нашелъ. Тогда Долгорукой сказалъ: «Я и самъ для этого къ окну отошелъ, чтобы посмотрѣть, не перебиты-ли листы, потому что листа въ спискѣ недостаетъ.» Однако, его выслали. Въ этотъ же день цесаревичъ, по неосторожности, поѣхалъ прямо къ князю Григорію, въ 13 линію на Васильевскій островъ, въ его собственный домъ. Взойдя въ покои, онъ снялъ со стѣны образъ Казанской Божіей матери и сказалъ князю: «Вотъ тебѣ, Долгорукой, слово, что услугу твою я вѣкъ не забуду.» Это посѣщеніе окончательно подало поводъ къ подозрѣнію, и Долгорукой посаженъ былъ подъ арестъ. Въ это время князь Григорій, по мимо отца своего, по завѣщанію долженъ былъ получить какое-то наслѣдство Мысленскаго (названнаго, не знаемъ почему, роднымъ дядею), 2994 души, которыя также должны были перейти къ дѣтямъ покойнаго брата его, князя Ивана

(¹) См. о Новиковѣ въ любопытномъ сочиненіи Лонгинова «Новиковъ и мартинисты,» 3 р., М., 1867 г. Примѣч. К. В. Д.

Алексѣевича. Но, за неявкою князя, крестьяне показали себя вымороченными. Когда князь Григорій оправдался, то подалъ прошеніе къ императрицѣ, и она уже передъ смертію, въ замѣнъ того имѣнія, пожаловала ему лично 900 душъ Свирскаго повѣта (уѣзда) Кіевской губерніи. Слѣдовательно, вся тягость услуги князя, какъ увидимъ впослѣдствіи, пала на втораго сына князя Ивана, князя Владиміра.

Когда Павелъ воцарился, онъ сначала призвалъ къ себѣ Новикова и князя Григорія, и прямо съ себя на перваго надѣлъ голубую ленту, а на втораго—Анны 1-й степени. Но они ему сказали: «Остановись, государь; мать твоя насъ гнала, а ты этимъ подаешь на себя прямое подозрѣніе. Чтожъ исторія скажетъ? Ты это всегда успѣешь сдѣлать.» Павелъ разцѣловалъ ихъ; но потомъ ихъ оттерли, и они изъ гордости не хотѣли напоминать о себѣ, такъ что когда потомъ умеръ Новиковъ въ Москвѣ, то былъ похороненъ доброхотнымъ подаяніемъ и сборомъ.

Князь Григорій, одинъ во всемъ государствѣ, нарочно ходилъ безъ формы, никогда изъ саней не вылѣзалъ при встрѣчѣ съ императоромъ, какъ тогда установлено было. Объ этомъ князю Алексѣю разсказывали друзья князя Григорія: графъ Мордвиновъ, Шишковъ и Козодавлевъ. При встрѣчахъ съ княземъ Григоріемъ, императоръ всегда первый кланялся и улыбался; но все же ничего для него не сдѣлалъ. Онъ ожидалъ плача дитяти, но отъ этого гордость удерживала князя Григорія, а потому онъ не только не просилъ о возвращеніи вымороченныхъ имѣній, но даже заказалъ и племянникамъ своимъ, говоря: «Вспомнить долженъ самъ; а не то вы—мои наслѣдники, съ васъ будетъ!» А между тѣмъ, впослѣдствіи князя Владиміра, за любовь его къ дочери пономаря, лишилъ наслѣдства.

Князь Григорій, при Павлѣ, былъ капитаномъ надъ галерною гаванью и вышелъ въ отставку. Когда вышло рѣшеніе по дѣлу отставнаго маіора князя Алексѣя Алексѣевича, который въ 1755 г. самъ на себя донесъ еще покойной императрицѣ, что онъ, бывъ малолѣтнымъ, по уговору гвардіи сер-

жанта Пашкова, подписалъ фальшивую закладную, и онъ приговоренъ былъ къ наказанію, то князь Григорій послалъ князя Владиміра съ письмомъ къ императору, прося за личную его услугу, спасти честь Долгорукихъ. Павелъ I, на разводѣ, принялъ это прошеніе и сказалъ: «Чтожъ твой дядя убѣжалъ отъ меня въ Кіевъ, а ты зачѣмъ не въ гвардіи?» И, обратившись къ Палену, сказалъ: «Зачислить.» Но князь Владиміръ прожилъ три недѣли и, ничего не дождавшись, уѣхалъ обратно. Между тѣмъ, императоръ потребовалъ изъ Сената конфирмованное имъ дѣло и собственноручно написалъ на немъ: «Наше конфирмованное дѣло о князѣ Алексѣѣ Долгорукомъ послать на резолюцію къ капитану князю Григорію Долгорукому.» Когда сенатскій курьеръ привезъ это дѣло къ князю Григорію, то тотъ, въ присутствіи курьера, кинулъ его въ каминъ и сжегъ. «Донеси тому, кто тебя послалъ, мою резолюцію,» сказалъ князь Григорій. Вслѣдъ за симъ князь Алексѣй изъ отставныхъ маіоровъ тѣмъ же чиномъ опредѣленъ былъ въ полкъ (нынѣ называемый императора Австрійскаго), гвардейскаго корпуса. Узнавъ о заговорѣ противъ Павла, когда графовъ Зубовыхъ вернули въ Петербургъ, князь Григорій донесъ объ этомъ заговорѣ императору одновременно съ Прусскимъ посланникомъ; императоръ призвалъ графа Палена и сказалъ: «Противъ меня заговоръ.» «Знаю, ваше величество» отвѣчалъ Паленъ: «я самъ въ заговорѣ для того, чтобы перевязать всѣхъ и представить вашему величеству.» Вслѣдствіе этого, императоръ далъ ему бланки, на которыхъ Паленъ написалъ такія имена, что мы не считаемъ себя вправѣ здѣсь повторять ихъ, чѣмъ и склонилъ сообщниковъ на все.

Когда князь Григорій лишилъ наслѣдства князя Владиміра, то Кіевское свое имѣніе продалъ и, вмѣсто него, купилъ другое въ Тамбовской губерніи, Борисоглѣбскаго уѣзда. Князь Григорій, бывшій опекуномъ надъ имѣніемъ князя Владиміра, по опекунскому отчету долженъ былъ отдать князю Владиміру 7000 руб., но какъ ихъ у него не было, то князь Алексѣй Алексѣевичъ предложилъ эту сумму, съ тѣмъ, впрочемъ,

условіемъ, чтобы князь Григорій уступилъ ему за эту сумму деревни: большое и малое Тальцово, гдѣ было 250 душъ (¹).

Князь Григорій былъ въ 1807 г. начальникомъ уѣзднаго ополченія и, по переформированіи его изъ земскаго въ подвижное, назначенъ баталіоннымъ командиромъ шляхетскаго баталіона. Вышедши въ отставку, онъ умеръ въ деревнѣ, въ 1812 году.

Князь Алексѣй Ивановичъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, княземъ Владиміромъ Ивановичемъ, доставшееся имъ отъ матери Орловское имѣніе, 250 душъ, отписали сестрѣ своей. Имѣніе это въ настоящее время находится во владѣніе дочери ея. Вологодское-же имѣніе окончательно уступлено ими Алексѣевичамъ.

Князь Алексѣй Ивановичъ дѣлалъ это по волѣ князя Григорія Алексѣевича, послѣ котораго наслѣдовалъ все имѣніе; а князь Владиміръ Ивановичъ — по какому-то ложному христіанскому великодушію. Для пользы сестры своей и двоюродныхъ братьевъ, онъ оставилъ дѣтей своихъ безъ всего.

Князь Алексѣй Ивановичъ первоначально служилъ въ военной службѣ, а потомъ, при посланникѣ Томарѣ, въ Константинополѣ. Онъ вступилъ въ службу, окончивши курсъ въ Академіи художествъ, отъ которой получилъ золотую медаль. Всѣ виды константинопольскіе, снятые при Томарѣ и находящіеся теперь въ Эрмитажѣ, его работы. Потомъ онъ былъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, совѣтникомъ губернскаго правленія, и, наконецъ, каммергеромъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.

Онъ женатъ былъ на дочери лейбъ-гвардіи полковника де-Лицына. Отъ нея имѣлъ шесть человѣкъ дѣтей. Послѣдній сынъ его, князь Григорій Алексѣевичъ, умеръ 22 лѣтъ. Все имѣніе сего послѣдняго, со стороны матери, по тяжбѣ, перешло къ Олсуфьевымъ; имѣніе отца его, князя Алексѣя Ивановича,

---

(¹) Симбирской губерніи. Примѣч. К. В. Д.

200,000 р. асс., по векселю и духовному завѣщанію, досталось мѣщанкѣ, отъ которой онъ имѣлъ дѣтей и которая, спустя три мѣсяца послѣ смерти его, вышла замужъ за чиновника. Князю Владиміру досталось Томбовской губерніи 67,000 десятинъ земли 392 души, конный заводъ и мельница 24 поставная, да 20 душъ въ Смоленской губерніи Рославскаго уѣзда, сельцо Кіевское, съ долгомъ на немъ 120,000 р. асс.,—не заложенное, впрочемъ.

Въ 1789 году князь Владиміръ Ивановичъ вступилъ фурьеромъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, по окончаніи курса наукъ въ Академіи художествъ, съ званіемъ скульптора. Потомъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, и затѣмъ въ гражданскую службу съ опредѣленіемъ въ число бывшихъ дежурныхъ офицеровъ московскаго университета. Былъ впослѣдствіи тысячникомъ въ Орловской милиціи и, по переформированіи ее изъ земской въ подвижную, остался за штатомъ. Потомъ состоялъ при генералъ-прокурорѣ, гдѣ за отличіе получилъ чинъ коллежскаго ассесора, потомъ 15 лѣтъ былъ издателемъ и редакторомъ «Московскихъ вѣдомостей.» Въ 1843 году, имѣя чинъ статскаго совѣтника, умеръ въ деревнѣ. Послѣ него осталось 350 душъ, Тамбовской губерніи Борисоглѣбскаго уѣзда, въ сельцѣ Вязовкѣ, съ деревнями, которыя завѣщаны имъ, по мимо старшаго сына князя Алексѣя Владиміровича, прочимъ сыновьямъ и дочерямъ поровну. Князь Алексѣй Владиміровичъ, имѣя право оспаривать это завѣщаніе, такъ какъ имѣніе было родовое, не хотѣлъ нарушить волю отца, а потому и не вступался, хотя духовная писана была братомъ Юріемъ и не подписана отцемъ—видите, по болѣзни!

Изъ жизни князя Владиміра замѣчательно слѣдующее:

Въ Петербургѣ (1) были какія-то лодки съ наряженными въ перья пѣсенниками и музыкантами. Въ то время князь Владиміръ Ивановичъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста, и узналъ о заговорѣ противъ императора Александра I (это было

---

(1) Лодки эти помнилъ Н. И. Гречъ,—недавно только-что скончавшійся.

въ самомъ началѣ царствованія его); цѣлію этого заговора было возвести на престолъ мать его, императрицу Марію Ѳедоровну. Императоръ имѣлъ обыкновеніе по утрамъ кататься на этихъ лодкахъ, иногда даже до взморья. Положено было приготовить переодѣтыхъ лодочниковъ, съ тѣмъ, что когда императоръ въ первый разъ поѣдетъ на взморье, вывести его—раскачать яликъ и выбросить въ воду; случай представился. Отъѣхавъ отъ берега, стали сильно качать яликъ и, не слушая приказаній императора, все везли его впередъ. Онъ выхватилъ шпагу; ее выбили. Между тѣмъ, князь Владиміръ, узнавши объ этомъ, не медля пробрался къ цесаревичу Константину Павловичу и увѣдомилъ обо всемъ его высочество. Цесаревичъ взялъ казенное гребное судно, догналъ императора, уже въ отчаянномъ положеніи, вскочилъ на шлюпку и, положивъ съ однимъ адъютантомъ своимъ 6 человѣкъ на мѣстѣ, освободилъ императора. Въ Петербургѣ, въ этотъ день, назначенъ былъ разводъ; императоръ не ѣхалъ; Паленъ торжествовалъ. Онъ безпрестанно вынималъ часы, намѣреваясь, какъ скоро получитъ извѣстіе, провозгласить императрицу Марію Ѳедоровну. Вдругъ императоръ явился; Паленъ затрепеталъ. На другой день, Паленъ былъ смѣненъ и вышеупомянутые лодки запрещены.

Когда Сергѣй Глинка, писавшій, по волѣ Ростопчина, возгласы къ народу, что Кутузовъ сѣдинами своими поклялся отстоять Москву въ 1812 году, за день до выхода русскихъ изъ Москвы и вступленія въ оную французовъ,—принесъ въ типографію для печати прокламацію отъ имени Наполеона, въ которой Наполеонъ признавалъ императрицей Екатерину Павловну, подъ именемъ Екатерины III, то князь Владиміръ сообщилъ объ этомъ императору. Глинка отперся.

Въ другое время, когда императрица Елизавета Алексѣевна нашла на столѣ письмо, въ коемъ ей предлагали возвести ее на престолъ, то князь Владиміръ узнавъ, что письмо было сочинено Ѳедоромъ Глинкою, изъ Москвы снова сообщилъ объ этомъ императору; но такъ какъ рука оказалась не Глинки,

200,000 р. асс., по векселю и духовному завѣщанію, досталось мѣщанкѣ, отъ которой онъ имѣлъ дѣтей и которая, спустя три мѣсяца послѣ смерти его, вышла замужъ за чиновника. Князю Владиміру досталось Томбовской губерніи 67,000 десятинъ земли 392 души, конный заводъ и мельница 24 поставная, да 20 душъ въ Смоленской губерніи Ростиславскаго уѣзда, сельцо Кіевское, съ долгомъ на немъ 120,000 р. асс.,—не заложенное, впрочемъ.

Въ 1789 году князь Владиміръ Ивановичъ вступилъ фурьеромъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, по окончаніи курса наукъ въ Академіи художествъ, съ званіемъ скульптора. Потомъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, и затѣмъ въ гражданскую службу съ опредѣленіемъ въ число бывшихъ дежурныхъ офицеровъ московскаго университета. Былъ впослѣдствіи тысячникомъ въ Орловской милиціи и, по переформированіи ее изъ земской въ подвижную, остался за штатомъ. Потомъ состоялъ при генералъ-прокурорѣ, гдѣ за отличіе получилъ чинъ коллежскаго ассесора, потомъ 15 лѣтъ былъ издателемъ и редакторомъ «Московскихъ вѣдомостей.» Въ 1843 году, имѣя чинъ статскаго совѣтника, умеръ въ деревнѣ. Послѣ него осталось 350 душъ, Тамбовской губерніи Борисоглѣбскаго уѣзда, въ сельцѣ Вязовкѣ, съ деревнями, которыя завѣщаны имъ, по мимо старшаго сына князя Алексѣя Владиміровича, прочимъ сыновьямъ и дочерямъ поровну. Князь Алексѣй Владиміровичъ, имѣя право оспаривать это завѣщаніе, такъ какъ имѣніе было родовое, не хотѣлъ нарушить волю отца, а потому и не вступался, хотя духовная писана была братомъ Юріемъ и не подписана отцемъ—видите, по болѣзни!

Изъ жизни князя Владиміра замѣчательно слѣдующее:

Въ Петербургѣ (1) были какія-то лодки съ наряженными въ перья пѣсенниками и музыкантами. Въ то время князь Владиміръ Ивановичъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста, и узналъ о заговорѣ противъ императора Александра I (это было

(1) Лодки эти помнилъ Н. И. Гречь, — недавно только-что скончавшійся.

въ самомъ началѣ царствованія его); цѣлію этого заговора было возвести на престолъ мать его, императрицу Марію Θедоровну. Императоръ имѣлъ обыкновеніе по утрамъ кататься на этихъ лодкахъ, иногда даже до взморья. Положено было приготовить переодѣтыхъ лодочниковъ, съ тѣмъ, что когда императоръ въ первый разъ поѣдетъ на взморье, вывести его— раскачать яликъ и выбросить въ воду; случай представился. Отъѣхавъ отъ берега, стали сильно качать яликъ и, не слушая приказаній императора, все везли его впередъ. Онъ выхватилъ шпагу; ее выбили. Между тѣмъ, князь Владиміръ, узнавши объ этомъ, не медля пробрался къ цесаревичу Константину Павловичу и увѣдомилъ обо всемъ его высочество. Цесаревичъ взялъ казенное гребное судно, догналъ императора, уже въ отчаянномъ положеніи, вскочилъ на шлюпку и, положивъ съ однимъ адъютантомъ своимъ 6 человѣкъ на мѣстѣ, освободилъ императора. Въ Петербургѣ, въ этотъ день, назначенъ былъ разводъ; императоръ не ѣхалъ; Паленъ торжествовалъ. Онъ безпрестанно вынималъ часы, намѣреваясь, какъ скоро получитъ извѣстіе, провозгласить императрицу Марію Θедоровну. Вдругъ императоръ явился; Паленъ затрепеталъ. На другой день, Паленъ былъ смѣненъ и вышеупомянутые лодки запрещены.

Когда Сергѣй Глинка, писавшій, по волѣ Ростопчина, возгласы къ народу, что Кутузовъ сѣдинами своими поклялся отстоять Москву въ 1812 году, за день до выхода русскихъ изъ Москвы и вступленія въ оную французовъ,—принесъ въ типографію для печати прокламацію отъ имени Наполеона, въ которой Наполеонъ признавалъ императрицей Екатерину Павловну, подъ именемъ Екатерины III, то князь Владиміръ сообщилъ объ этомъ императору. Глинка отперся.

Въ другое время, когда императрица Елизавета Алексѣевна нашла на столѣ письмо, въ коемъ ей предлагали возвести ее на престолъ, то князь Владиміръ узнавъ, что письмо было сочинено Θедоромъ Глинкою, изъ Москвы снова сообщилъ объ этомъ императору; но такъ какъ рука оказалась не Глинки,

то князь Владиміръ получилъ выговоръ. Въ 1825 году, при разборѣ особъ 14 Декабря, изъ обнародованнаго печатнаго дѣла видно, что Ѳедоръ Глинка точно предлагалъ возвести на престолъ императрицу Елизавету Алексѣевну.

Въ жизни супруги князя Владиміра, княжны Анны Михайловны, былъ истинно-замѣчательный случай въ то время, когда она жила въ Тамбовской губерніи Борисоглѣбскаго уѣзда, въ сельцѣ Вязовкѣ. Однажды сидѣла она съ княземъ Григоріемъ Алексѣевичемъ и тысячникомъ Савенкою; между сими послѣдними завязался объ чемъ-то споръ. Князь сказалъ Савенкѣ: «Дуракъ, братецъ ты; всегда суешься спорить, поди принеси библію, и я тебѣ докажу.» Библіотеку отдѣляла отъ кабинета одна большая зала; но Савенко вернулся, ненайдя библіи. Тогда князь сказалъ: «Аннета, сходи, потрудись; этотъ Савенко и этого найти не могъ.» Надо прибавить, что за три недѣли до этого княгиня лишилась первой своей годовой дочери Варвары, которую князь Григорій очень любилъ.

Княгиня пошла въ библіотеку (это было во 2-мъ часу пополудни), но на срединѣ залы, отдѣлявшей кабинетъ отъ библіотеки, встрѣтила умершую дочь свою, которая внятно сказала ей: «Маменька, дѣдушка...» Княгиня испугалась и побѣжала назадъ, но дочь остановила ее за платье и сказала: «чего вы боитесь? я дочь ваша; дослушайте, маменька.» Однако-жъ, княгиня не могла побѣдить ужаса и, вырвавшись, убѣжала (1). Въ эту ночь князь Григорій умеръ скоропостижно отъ удара.

Князь Алексѣй Владиміровичъ, росъ на заводѣ (въ Москвѣ, на Преснѣ), у отца, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Григоріемъ. Ихъ воспитаніе было странное, или, лучше сказать, никакого небыло. Мать ихъ сначала постоянно выѣзжала, а отецъ си-

(1) Не придавая никакой достовѣрности этому видѣнію, — которое, вѣроятно, произошло отъ разстроеннаго воображенія княгини Анны, — мы оставляемъ его на отвѣтственности князя Алексѣя. Прошло уже то время, когда вѣрили подобнымъ явленіямъ, признавая ихъ за нѣчто сверхъестественное. Примѣч. К. В. Д.

дѣлы до 1825 года за «Московскими вѣдомостями», которыхъ былъ издателемъ и редакторомъ. Не смотря на то, что мать въ совершенствѣ владѣла иностранными языками, собственный свой она, какъ всѣ аристократки того времени, плохо знала (она не передала дѣтямъ и того, что знала). Домъ всегда набитъ былъ бѣдными студентами; кого обидятъ или выгонятъ изъ университета, тотъ обращался къ князю Владиміру, который старался объ немъ, кормилъ, одѣвалъ, пока, бывало, не пристроитъ куда-нибудь къ мѣсту. Эти-то перемѣнные временные жильцы и были перемѣнными учителями маленькихъ князей Долгорукихъ. Но были и промежутки, по 7 и болѣе мѣсяцевъ, когда у нихъ не было никакихъ учителей. Выйдя, въ 1825 году, въ отставку, отецъ ихъ исключительно занялся своею чугунно-плавильной кузницей; мать-же хотя и перестала выѣзжать, но дѣтей никогда не учила. Князя Алексѣя отецъ приставилъ наблюдать за выдачею угля и чугуна, а князю Григорію поручены были алебастръ и погребы. Сверхъ того, князь Алексѣй долженъ былъ наблюдать за работами, звонить къ обѣду и проч. Такъ прошло время до коронованія императора Николая Павловича. Въ это время, покойный Крупенниковъ, поэтъ и переводчикъ романа «Шпіонъ», часто навѣщалъ домъ Долгорукихъ. Познакомился онъ съ княземъ по случаю домашнихъ спектаклей, которые давались въ домѣ князя въ его именины. Замѣтя небрежность въ воспитаніи Алексѣя и Григорія Долгорукихъ, онъ сталъ ласкать князя Алексѣя и совѣтывалъ ему проситься въ кадетскій корпусъ, который, въ то время, былъ только что открытъ въ Москвѣ. Но въ разговорахъ своихъ Крупенниковъ особенно хвалилъ Пажескій корпусъ, говоря, что тамъ, когда при дворѣ бываютъ балы, кадетамъ даютъ много конфектъ. И многое еще старое, когда-то бывшее, выдавалъ онъ за новое (1).

(1) Хороши нечего сказать, были понятія у поэтовъ и писателей того времени — если они судили также, какъ Крупенниковъ!

Примѣч. К. В. Д.

Князь Алексѣй былъ уже 10 лѣтъ и самъ чувствовалъ необходимость приготовить себя къ чему-нибудь. Однажды, когда императоръ былъ въ Москвѣ, князь Алексѣй, будучи въ Кремлѣ, замѣтилъ, что многіе подаютъ ему прошенія. Онъ, какъ умѣлъ, самъ написалъ прошеніе и на другой день, забравшись, съ 4 часовъ утра, въ Кремль, выждалъ удобный случай и подалъ прошеніе государю, прося объ опредѣленіи его въ пажи. Между тѣмъ, дома, утромъ, хватились его; надо было выдавать уголь, а князь Алексѣй унесъ съ собою ключи. Когда онъ въ 12 часовъ вернулся домой, отецъ и мать начали его допрашивать и чуть-было не высѣкли.

Чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ чиновникъ отъ князя Александра Николаевича Голицына (бывшаго прежде министромъ духовныхъ дѣлъ) и объявилъ волю государя, чтобы князя Алексѣя представили въ назначенный день къ Голицыну. Отецъ досталъ у дяди карету и повезъ сына, по назначенію. Мать, особенно не любившая старшаго сына князя Алексѣя, объявила ему, что если царь опредѣлитъ его одного въ корпусъ безъ брата князя Григорія, то она его высѣчетъ. По пріѣздѣ къ князю Голицыну, узнали, что князя Алексѣя велѣно привести въ Чудовъ дворецъ, что нынѣ Николаевскій. Когда очередь дошла до князя Голицына докладывать, то онъ, взявши князя Алексѣя, привелъ его въ комнату передъ кабинетомъ; камердинеръ доложилъ, государь вышелъ и, подойдя къ князю Алексѣю, спросилъ его: «Вы-ли подали мнѣ это прошеніе?» «Я, государь», отвѣтилъ князь, и кинулся къ рукѣ, но государь отнялъ ее и ввелъ князя Алексѣя вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ въ кабинетъ. Здѣсь онъ спросилъ его: «Какая ваша цѣль быть пажемъ?» «Чтобъ всегда быть при тебѣ, государь», отвѣчалъ Долгорукой. «Хорошо, вы будете при мнѣ; но будете-ли мнѣ вѣрны?» «Буду, государь», сказалъ князь. «Такъ поздравляю васъ пажемъ,» сказалъ государь, и потрепалъ князя Алексѣя. «Ваше величество», опять сказалъ князь: «А брата моего? Меня безъ него мать высѣчетъ.» «Какой неблагодарный!» сказалъ князь Голицынъ; но государь возразилъ: «Не

правда, за младшаго брата долженъ просить старшій,» и, съ этимъ словомъ, отворилъ дверь и сказалъ: «Сведи его къ Дибичу и вели его съ братомъ написать въ пажи.» Камердинеръ повелъ князя Алексѣя черезъ нѣсколько комнатъ, а потомъ по лѣстницѣ, въ концѣ которой стоялъ часовой, и привелъ его къ Дибичу, сидѣвшему за письменнымъ столомъ. По передачѣ камердинеромъ словъ государя, Дибичъ, спросивъ имя и фамилію князя Долгорукаго и чинъ отца, отпустилъ его обратно. Возвратясь, князь опять поставленъ былъ передъ кабинетомъ. Тутъ государь вышелъ съ княземъ Голицынымъ и опять потрепалъ по щекѣ князя Алексѣя. Въ это время вбѣжалъ наслѣдникъ престола, и государь, обратившись къ нему, сказалъ: «Рекомендую тебѣ князя Долгорукаго, который черезъ 10 лѣтъ будетъ у тебя въ полку офицеромъ,» а князю Алексѣю: «Вотъ мой наслѣдникъ, будущій твой полковой командиръ.» Тутъ кто-то вошелъ; князь Голицынъ, взявъ съ собою Долгорукаго, обратно ушелъ въ залу и, поговоря съ княземъ Юсуповымъ, уѣхалъ домой, сдавъ князя Алексѣя отцу. Съ тѣхъ поръ, во всю жизнь, князя Алексѣя не допускали до покойнаго государя.

На слѣдующій день князь Алексѣй поступилъ въ пажи и учавствовалъ въ похоронахъ императрицы Маріи Ѳеодоровны; въ скоромъ времени заболѣлъ слѣдующимъ образомъ. При преобразованіи корпуса, отмѣнили должность гофмейстера, пажей высочайшаго двора, равно и жалованье, отпускавшееся изъ придворной конторы пажамъ, по 60 р. асс. въ треть, и проч.; ввели тѣлесное наказаніе, безъ высочайшаго на то разрѣшенія; вмѣсто гувернеровъ полковниковъ, дали молодежъ — корпусныхъ офицеровъ. Въ это время инспекторомъ классовъ поступилъ Броневскій, писатель, человѣкъ добрый, но любившій *взять* подъ именемъ уроковъ, т. е., желающій его пріязни, долженъ былъ объявить, что беретъ у него на дому уроки и ходитъ къ нему пить чай, за что, конечно, платить ему деньги. Такимъ образомъ, за мѣсяцъ до экзамена, поступили къ нему на уроки Скворцовы, едва умѣвшіе читать, но получили призъ

для поступленія изъ 6 въ 5 классъ, вмѣсто Дватурова и князя Долгорукаго; точно также Броневскій обошелъ Корфа и Лидерса въ 3 классъ; но когда большіе пажи громко заговорили объ этой несправедливости, то директоръ Гоголь, во время каникулъ, далъ тѣмъ двоимъ вторые призы. Броневскій, сердясь на то, что князь Алексѣй и князь Шервашидзе не берутъ у него уроки, сталъ ихъ гнать, безпрестанно напоминая: «Тово-тово, берите у меня уроки,» (у него была поговорка: «тово-тово»). Когда же они все продолжали не брать у него уроковъ, то онъ самовольно, изъ прилежныхъ, записалъ ихъ въ лѣнивые. Проходя однажды мимо, Броневскій услышалъ споръ князя Шервашидзе съ камеръ-пажемъ, посадилъ его въ темную и высѣкъ розгами, приговаривая «Бери уроки!» а князю Долгорукому, зазвавъ его въ дежурную комнату, объявилъ: «Тово-тово, если ты у меня не будешь брать уроковъ, то пойдешь въ унтеръ-офицеры.» Долгорукой разгорячился, плюнулъ ему въ лицо и сказалъ: «Царь жалуетъ, а псарь разжалуетъ.» Въ это время бывшій тутъ дежурный офицеръ (Генрихъ, человѣкъ благороднѣйшій), чтобы не быть свидѣтелемъ этой сцены, спрятался за шкафъ. «Не бывать ногѣ моей тутъ,» прибавилъ потомъ князь Долгорукой и убѣжалъ, вмѣсто классовъ, въ постельную. Здѣсь онъ написалъ обо всемъ графу Модену, къ которому Долгорукіе иногда ѣзжали, и отдалъ человѣку письмо для отсылки въ Аничкинъ дворецъ. Между тѣмъ, Броневскій кинулся въ классы, но когда нашли Долгорукаго, то онъ уже лежалъ безъ памяти, въ ударѣ; голова повисла съ кровати, которая, равно какъ и полъ, были въ крови, шедшей у князя Алексѣя изъ рта и ноздрей. Броневскій отъ страха ушелъ. Въ этомъ видѣ перенесли князя Долгорукаго въ лазаретъ; онъ опомнился уже на другой день, въ 7 часовъ вечера. Съ этого времени съ княземъ Долгорукимъ стали дѣлаться припадки; такъ что онъ, наконецъ, оставленъ былъ въ лазаретѣ. Когда пріѣхала въ Петербургъ мать его, то взяла его въ безсрочный отпускъ, съ перечисленіемъ въ общій списокъ пажей. Императрица Александра Θеодоровна

пожаловала матери его, для излеченія сына, 1000 р. асс., которыя та, по дружбѣ съ Шервудомъ-*Вѣрнымъ* (¹), отдала ему. Въ Москвѣ, для занятій съ княземъ Алексѣемъ, пригласили кандидата философіи Полякова; но этотъ кандидатъ или забылъ все, или никогда ничего незналъ, потому что рѣшеніе геометрическихъ задачъ доискивался вмѣстѣ съ княземъ и часто послѣдній скорѣе своего учителя разрѣшалъ задачи по книгѣ. Тутъ открылась война; князь Алексѣй, черезъ тетку свою Т. Б Потемкину, написалъ къ князю Голицыну письмо, и по высочайшему повелѣнію переведенъ былъ въ Уланскій его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича полкъ юнкеромъ. На пути въ полкъ, въ мѣстечкѣ Оршѣ, у князя Долгорукаго украли 90 золотыхъ, которые даны были ему на дорогу дядею его княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ и зашиты были въ кожанномъ мѣшечкѣ. Это случилось по глупости человѣка его, Дмитрія, взятаго только что отъ лаптей. Надо сказать, что князь Алексѣй имѣлъ при себѣ предписаніе военнаго министра явиться прямо въ главную квартиру; а въ подорожной, выданной ему московскимъ комендантомъ, сказано было: «до мѣста расположенія полка,» и потому комендантъ въ Слонимѣ велѣлъ князю Алексѣю ѣхать назадъ въ Вильну, гдѣ тогда находился полкъ. Но князь не послушался и, доѣхавъ до Брестъ-Литовска, разодралъ подорожную и явился къ барону Розену съ предписаніемъ, сказавъ, что подорожную потерялъ. Здѣсь ему, согласно тому предписанію, дали письменную подорожную прямо на главную квартиру. По пріѣздѣ на мѣсто главной квартиры и по явкѣ къ Дибичу, сей послѣдній велѣлъ надѣть князю Алексѣю серебряный темлякъ и,

(¹) Англичанинъ Шервудъ былъ агентомъ въ царствованіе Александра I. За что ему данъ титулъ *вѣрнаго*, — намъ не извѣстно... (Да, — нужно сознаться, — что у насъ личности, которыя заслуживаютъ одно только презрѣніе, которымъ мѣсто — плаха, за ихъ низкія позорныя дѣла, — у насъ, повторимъ, не только благоденствуютъ, но принимаютъ еще самыя чистыя благородныя названія... Дѣйствительно-же честныя, страдаютъ и, сплошь да рядомъ, гибнутъ. Гдѣ-же правда? О, tempora! O, mores!..) Примѣч. К. В. Д.

поздравилъ его портупей-юнкеромъ, — отправилъ его къ графу Палену, для прикомандированія къ Кластицкому гусарскому полку. Съ этимъ полкомъ князь Долгорукой два раза былъ въ дѣлѣ и получилъ чинъ корнета. По взятіи Варшавы, князь былъ прикомандированъ къ Ямбургскому уланскому полку, въ которомъ участвовалъ въ преслѣдованіи непріятеля до прусскихъ границъ, а 1 Октября поступилъ обратно въ свой полкъ и съ нимъ, въ 1832 году, возвратился изъ царства польскаго въ Торжокъ.

Впослѣдствіи, выйдя въ отставку, князь Алексѣй служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Голицынѣ, — но, впрочемъ, не долго. Потомъ онъ сталъ заниматься медициной и, въ бытность свою въ Харьковѣ, слушалъ лекціи въ Харьковскомъ университетѣ, по медицинскому факультету...

Потомъ, купивъ имѣнія въ Витебской губерніи и С. Петербургской, въ Лужскомъ уѣздѣ, онъ записался въ купцы и завелъ, въ товариществѣ съ однимъ господиномъ, свекловичный заводъ...

Въ 1843 году, князь Алексѣй Долгорукой вздумалъ посѣтить свою мызу въ Лугѣ. По пріѣздѣ туда, отправился онъ къ обѣднѣ и, какъ новое лицо, князь и купецъ, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ. Князь стоялъ въ углу, но попъ, по окончаніи обѣдни, прежде всѣхъ, черезъ всю церковь, подошелъ къ князю съ крестомъ и просфорой. Старушка Мордвинова пригласила князя на пирогъ, потому что у ней былъ праздникъ, чего князь, разумѣется, не зналъ. Послѣ обѣда Е. П. Я—а, барышня лѣтъ 23, дочь отставнаго гусарскаго полковника, заслуженнаго ветерана 1812 года (1), женихъ ея отставной подполковникъ Про-

---

(1) При этомъ мнѣ невольно вспоминается благородная свѣтлая личность моей бабушки, урожденной З — й, дочери извѣстнаго любимца Екатерины II, и я отдаюсь воспоминаніямъ прошлаго, — далекаго, невозвратнаго, но безцѣнно-дорогаго для меня...

...Юные годы
Только непомню. Укоризны

зоровичъ, человѣкъ лѣтъ 65, толстый, брюхатый и огромнаго роста, Мордвинова, тетка жениха, и еще кто-то, сѣли за карты; въ залѣ подъ фортепiано кто-то пѣлъ и кто-то танцовалъ. Одинъ только князь, угрюмый, занятый думою объ обстоятельствахъ своихъ, попавши такъ неожиданно въ кругъ людей для него новыхъ, мало принималъ участія въ общемъ весельи... Онъ подошелъ къ столу играющихъ, сталъ за стуломъ невѣсты и что-то раза два посовѣтывалъ ей, а потомъ вышелъ на террасу. Присутствующіе, предполагая, что князь ушелъ въ садъ, завели слѣдующій разговоръ, котораго князь невольно

Я за нихъ своей отчизнѣ
Не пошлю. Да, я тогда
Зналъ и лучшія мгновенья.
Помню бабушку. Любовь
Къ молодому поколѣнью
Въ ней была — и угнетенье
Проклинать я буду вновь!
Вотъ старушки образъ снова
Предо мною возстаетъ;
Много сердцу дорогаго
Воскресаетъ изъ былаго,
Что на вѣки не умретъ!
Благородный ликъ, печальный!
Будешь милъ ты мнѣ всегда.
Умерла ты; погребальный
Изъ моей отчизны дальней
Звонъ я слышу, какъ тогда!
Я ребенкомъ былъ въ то время.
Помню, плакать я не могъ;
Но меня давило бремя —
Было тяжко мнѣ. Ты сѣмя —
Свѣтлой правды, думъ, тревогъ —
Въ сердцѣ юное вложила,
И заснуть мнѣ не дала
Въ жизни худшей, чѣмъ могила,
Гдѣ такъ много потопила,
Силъ могучихъ сила зла!

А сколько лѣтъ уже прошло, дорогая, послѣ твоей смерти — и много погибло, навсегда, лучшихъ силъ во мнѣ!.. Примѣч. К. В. Д.

былъ свидѣтелемъ, стоя на террасѣ подъ открытымъ окномъ той комнаты, въ которой играли. Мордвинова: «Смотри, племянникъ, чтобъ тебѣ новый сосѣдъ мой не утеръ носъ; видишь, съ совѣтами не къ кому-другому, а къ Елизаветѣ Петровнѣ!» Елизавета Петровна: «Полноте, тетуся!» Мордвинова: «Да, да! а небось на него поглядывала.» Прозоровичъ: «Какъ вамъ не стыдно, тетушка, конфузить мою невѣсту! какая добрая барышня согласиться не только перемѣнить его на меня, но даже выйти за него! купецъ, князь, докторъ — чертъ его знаетъ, кто онъ! молокососъ какой-то!» (князю былъ 28 годъ). Въ это время вошелъ князь, блѣдный, и, окинувъ сурово взоромъ Прозоровича и невѣсту, ушелъ въ залу. Всѣ поняли, что князь слышалъ ихъ разговоръ. Картежъ кончилась. Прозоровичъ съ невѣстою и прочими пришли въ залу. Въ залѣ, послучаю или по принятому деревенскому обычаю, стояло трюмо, подлѣ котораго помѣстилась невѣста, отвѣсивъ жениху громкій поцѣлуй, который (т. е. женихъ) занялъ кресло рядомъ. Князь подошедъ къ трюмо и, облокотившись на него, въ полъ-оборота къ невѣстѣ и полъ-оборота къ прочимъ въ залѣ находящимся, громко сказалъ: «Елизавета Петровна, у меня до васъ есть просьба небольшая.» На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе и окинулъ глазами находящихся въ залѣ, которые всѣ обратили вниманіе на вопросъ князя. Елизавета Петровна: «А какая это?» Князь: «Я прошу вашей руки.» Елизавета Петровна: «Спросите у маменьки» и посмотрѣла полунасмѣшливымъ тономъ на Прозоровича, который вытиралъ выступившій на лбу потъ: «она теперь въ Питерѣ, закупаетъ мнѣ приданое.» На это князь отвѣчалъ: «Долгорукіе два раза не дѣлаютъ предложенія.» Елизавета Петровна, вмѣсто отвѣта, встала и дала князю руку, которую онъ поцѣловалъ. Вслѣдъ за этимъ, она исчезла изъ залы. Прозоровичъ упалъ въ обморокъ, а князь также уѣхалъ. Прошло двѣ недѣли. Всѣ думали, что это шутка; даже и самъ князь, а тѣмъ болѣе невѣста, которая даже переписывалась съ женихомъ; но люди, разумѣется, узнали и поговаривали объ этомъ. Между

тѣмъ, возвратились родители Я—й, которые жили въ полуверстѣ отъ князя. Было около 3 часовъ; князь стоялъ на гумнѣ, гдѣ люди молотили хлѣбъ; кучеръ Савка говоритъ князю: «Панокъ, а вонъ женишекъ ѣдетъ.» Дѣйствительно, вдали показался Прозоровичь, который ѣхалъ, или, лучше сказать, тащился на клячѣ въ длинныхъ старинныхъ дрожкахъ, отъ тяжести его гнувшихся. Князь: «А развѣ Я—вы пріѣхали?» «Второй день, панокъ», отвѣчалъ Савка: «не заложить-ли? До Кудрова ему около 3 верстъ еще, а мы духомъ будемъ тамъ.» Князь подумалъ и сказалъ: «Дѣло, Савка! закладывай!» поѣхалъ и покончилъ дѣло. Когда Прозоровичь въѣхалъ на дворъ Я—хъ, князь встрѣтилъ его рука въ руку съ невѣстой, прочелъ ему, въ свою очередь, нотацію, и просилъ пожаловать на свадьбу...

Когда началась послѣдняя война, то князь Алексѣй Долгорукой сообщилъ государю Николаю Павловичу нѣкоторыя свои соображенія, который въ то время казались рѣзкими,—но впослѣдствіи оправдались. Собственноручная резолюція государя была объявлена князю Дубельтомъ, который, между прочимъ, спросилъ князя: «Какая вамъ надобность, кто сидитъ на стулѣ? вы не старше квартальнаго.» «Да не думаете ли вы,» отвѣчалъ князь: «что ваша голубая лента взойдетъ на престолъ, когда ихъ не будетъ? Я присягалъ и исполнилъ долгъ присяги; если государь не возметъ мѣръ, его не станетъ, и я ничего болѣе не искалъ.» «Лучше-бы вы научились писать поразборчивѣе, а то пишете какіе-то каракули.» На это князь отвѣчалъ: «Я рожденъ подписывать, а не писать; а потому прощайте. Въ резолюціи царя, мнѣ объявленной, этихъ вопросовъ не было.» Съ этимъ словомъ, князь всталъ поклонился и вышелъ.

Дубельтъ, секретно и самовольно, отдалъ его подъ надзоръ полиціи.

Предостереженіе все въ точности исполнилось: государя не стало.

Въ коронованіе императора Александра II, князю вдругъ объявляютъ какое-то прощеніе, въ числѣ 28 преступниковъ.

Онъ его не принялъ и написалъ государю, что ни онъ, ни родъ его, никогда не учавствовалъ въ заговорѣ.

Братъ князя Алексѣя, князь Григорій Владиміровичъ, изъ пажей выпущенъ былъ въ Австрійскій полкъ. Онъ женатъ былъ на Ольгѣ Александровнѣ Хрущевой. Оба умерли, не оставивъ потомства. Князь Григорій былъ 3 года опекуномъ послѣ отца надъ Борисоглѣбскимъ имѣніемъ и допустилъ его къ продажѣ.

Князь Юрій Владиміровичъ воспитывался дома; служилъ въ Московской казенной палатѣ. Послѣ смерти матери княгини Анны Михайловны, онъ взялъ къ себѣ сестру Ольгу (1).

Князья Всеволодъ-Гавріилъ (редакторъ настоящаго сочиненія) и Глѣбъ Алексѣевичи воспитывались въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Княжна Анна Алексѣевна и Елизавета Алексѣевна въ Смольномъ монастырѣ, на благородной половинѣ.

Дѣти бывшаго министра юстиціи, князя Алексѣя Алексѣевича, всѣ женаты на богатыхъ и со связями. Изъ всѣхъ ихъ князь Григорій, женатый на Чернышевой, и покойный князь Ростиславъ, женатый на дочери сенатора Малиновскаго, съ истинно-родственною душою.

Князь Алексѣй Александровичъ, по окончаніи курса въ лицеѣ, перешелъ въ моряки; выдержавъ экзаменъ на мичмана, онъ поступилъ въ каспійскую флотилію, потомъ перешелъ въ казаки, участвовалъ въ послѣдней войнѣ, получилъ чинъ и за раною перешелъ въ гражданскую службу. Женатъ, но не имѣетъ доселѣ дѣтей.

Княжна Ольга Владиміровна не замужемъ.

Князь Владиміръ Владиміровичъ первоначально поступилъ въ Горный корпусъ, а потомъ въ Пажескій, изъ котораго за самовольную отлучку болѣе мѣсяца исключенъ. Онъ поступилъ

---

(1) Князь Юрій, теперь уже умершій, былъ женатъ на вдовѣ капитана-лейтенанта Дудинской—владѣтельницы мѣстечка Рогнедина, бывшаго личнаго удѣла великой княгини Рогнѣды. Послѣ смерти князя Юрія, съ которымъ жила не болѣе года,—г. Дудинская поспѣшила найти другаго князя и вступила въ бракъ—въ третій разъ, за князя Кантахудзи. Прим. К. В. Д.

на Кавказъ юнкеромъ, получилъ Георгія; но за то, что онъ съ солдатами своими высѣкъ офицера, по суду, потерялъ оный. По производствѣ въ офицеры, исключенъ былъ изъ службы, преданъ вновь суду и разжалованъ въ рядовые; послѣ чего умеръ вскорѣ въ госпиталѣ...

Оканчивая 1-ю часть настоящаго сочиненія, — мы считаемъ не лишнимъ сказать въ заключеніе, что Долгорукіе — гдѣ-бы они не были и при какихъ-бы обстоятельствахъ не находились — всегда дѣйствовали честно, согласно своимъ убѣжденіямъ, не кривили душой — и рѣшались говорить правду въ лицо самимъ царямъ... А на послѣднее, въ прежнее время, рѣдко кто рѣшался, да и теперь тоже: это, во всякомъ случаѣ, заслуга...

Изъ насъ — мы гордимся этимъ — не было ни одного подлеца, который-бы, ради корысти, рѣшился предать своего ближняго... Изъ насъ не было — ни Магницкихъ, ни тому подобныхъ; но былъ за то князь Яковъ Долгорукой, сподвижникъ славнаго царя, прославленный нашимъ великимъ поэтомъ-гражданиномъ!.. Изъ нашего рода были честные писатели — гордость своихъ современниковъ: князь Иванъ Михайловичъ и князь Петръ Владиміровичъ. Мы не играли шутовскихъ ролей, въ родѣ какого-то князька Голицына при Аннѣ Іоанновнѣ, мы шли всегда прямой дорогой и глядѣли смѣло въ глаза всѣмъ временьщикамъ... Роль шута—низкая, жалкая роль; но роль доносчика, шпіона, позорна во всѣхъ отношеніяхъ. Хотя можно допускать шпіонство, какъ необходимое орудіе для достиженія извѣстныхъ цѣлей,—но, все-таки, шпіонъ изъ за денегъ равно клеймится всѣми честными людьми, къ какой-бы они партіи не принадлежали: и консерваторами честными, также какъ республиканцами!..

Но и кто-же болѣе — изъ древнихъ русскихъ родовъ — страдалъ, какъ не Долгорукіе? — Ихъ притѣсняли на каждомъ шагу, оттирали на второй планъ различные временщики, въ родѣ Меньшикова... Сколько при Биронѣ одномъ погибло Долгорукихъ: кто на плахѣ сложилъ свою головушку, кто — избитый, изувѣченный — доживалъ свой горькій вѣкъ въ Сибири... Много погибло на Руси — раннею смертью — могучихъ силъ... Стонала земля русская отъ крови — напоена уже была ею, матушка, — безвинно погубленныхъ людей; но этому стону никто не внималъ: кровь лилась по прежнему, по прежнему гибъ народъ!..

Были, правда, свѣтлыя личности, которыя, словно яркая звѣзда на туманномъ небѣ, озаряютъ мрачныя эпохи прошлыхъ вѣковъ; — слышался имъ этотъ повсемѣстный стонъ, болѣли ихъ честныя сердца и шли они, собирая, могучимъ своимъ словомъ, вокругъ себя цѣлые полки удалыхъ людей, — шли на зло, шли вырвать его съ корнемъ... Но непонятны тогда были большинству ихъ честныя думы, великіе помыслы... Народъ, коснѣвшій въ невѣжествѣ, хоть ненавидѣлъ зло, но сжился уже съ нимъ, полагая, что это, молъ, воля Божья; если угнетаемы мы, — значитъ прогнѣвили Господа за грѣхи свои!.. И — гибли эти честныя, могучія личности, предаваемыя въ руки злу...

Народъ съ любовью сохранилъ въ памяти многихъ изъ своихъ славныхъ людей — ихъ имена живы и доселѣ въ пѣсняхъ народа; пройдутъ еще вѣка — и наши внуки и правнуки не забудутъ эти славныя пѣсни о славныхъ герояхъ русскихъ прошлыхъ вѣковъ!..

Во всякомъ случаѣ, — мы гордимся тѣмъ, что принадлежимъ именно къ фамиліи Долгорукихъ: это честная фамилія, всегда стоявшая за родную сторону — за родной народъ...

Я — Долгорукой. Нѣтъ сомнѣнья
Изъ тѣхъ, которые царей
Къ великой цѣли обновленья

Вели, по волѣ провидѣнья, —
Отъ старины до нашихъ дней!

***

Въ годину мощнаго труда,
Нашъ прадѣдъ былъ сотрудникъ честный
Петра великаго всегда;
Никто изъ русскихъ, никогда,
Не назоветъ его безчестнымъ!

***

Нашъ домъ — всегда чуждался лести,
За правду смѣло онъ стоялъ,
И на врага, исполненъ мести,
Шелъ Долгорукой, вѣрный чести, —
И за отчизну погибалъ!

***

Мы родину всегда любили,
И — для страны родной —
Мы нашей жизни не щадили;
Вождей народа свято чтили;
Держались истины одной.

1867 года, 9 Апрѣля. Князь Всеволодъ Долгорукой.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Князя Всеволода Долгорукаго.

СПИСОКЪ

СТАРШЕЙ ЛИНІИ КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКИХЪ

(ПО АЛФАВИТУ).

Александръ Лукичъ, *полковникъ.*

Александръ Григорьевичъ, *флота капитанъ-командоръ.*

Александръ Алексѣевичъ, *капитанъ.*

Александръ Ивановичъ, *старѣйшій князь по родостарѣйшинству изъ всѣхъ живыхъ князей.*

Александръ Николаевичъ, прозваньемъ Глухой, *4 класса каммергеръ.*

Александръ Александровичъ, *дѣйствительный тайный совѣтникъ.*

Александръ Павловичъ.

Алексѣй Θедоровичъ, *стольникъ.*

Алексѣй Григорьевичъ, *дѣйствительный тайный совѣтникъ, числящійся такъ-же по флоту, членъ верховнаго тайнаго совѣта.*

Алексѣй Алексѣевичъ, *контръ-адмиралъ.*

Алексѣй Николаевичъ, *генералъ-лейтенантъ.*

Алексѣй Алексѣевичъ, *дѣйствительный тайный совѣтникъ, министръ, членъ государственнаго совѣта.*

Алексѣй Ивановичъ, *каммергеръ и дѣйствительный статскій совѣтникъ.*

Алексѣй Владиміровичъ, *послѣдователь Месмера.*

Алексѣй Алексѣевичъ.

Алексѣй Юрьевичъ.

Андрей Юрьевичъ, *послѣдній удѣльный владѣтель Переяслава, имѣвшій войну съ княземъ Галицкимъ.*

Андрей Семеновичъ, *воевода.*

Андрей Алексѣевичъ.

Борисъ Θедоровичъ, *бояринъ, министръ и генералъ.*

Василій Лукичъ, *генералъ-лейтенантъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ верховнаго тайнаго совѣта.*

Василій Сергѣевичъ.

Всеволодъ Алексѣевичъ.

Владиміръ Ивановичъ, *еще не въ подданствѣ.*

Владиміръ Ивановичъ, *статскій совѣтникъ, тысячникъ орловской милиціи и бывшій редакторъ Московскихъ вѣдомостей, съ 1810 по 1825 г. и скульпторъ.*

Вячеславъ Алексѣевичъ (умеръ въ дѣтствѣ).

Владиміръ Владиміровичъ, *рядовой.*

Владиміръ Павловичъ.

Владиміръ Ростиславовичъ.
Георгій-Юрій Владиміровичъ, *столоначальникъ.*
Григорій Даниловичъ, *воевода.*
Григорій Өедоровичъ, *дѣйствительный тайный совѣтникъ.*
Григорій Прохоровичъ, *стольникъ.*
Григорій Алексѣевичъ, *умеръ 22 лѣтъ.*
Григорій Владиміровичъ, *капитанъ.*
Глѣбъ Алексѣевичъ, *мичманъ.*
Данило Ивановичъ, *воевода.*
Дмитрій Ивановичъ, *сенаторъ, посланникъ и тайный совѣтникъ.*
Дмитрій Алексѣевичъ.
Иванъ Андреевичъ, *сынъ удѣльнаго князя.*
Иванъ Андреевичъ, *Шибанъ, воевода.*
Иванъ Григорьевичъ, *воевода и тайный совѣтникъ.*
Иванъ Алексѣевичъ, *оберъ-каммергеръ, полный генералъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка майоръ.*
Иванъ Михайловичъ, *тайный совѣтникъ, поэтъ.*
Иванъ Алексѣевичъ, *премьеръ-майоръ.*
Лука Өедоровичъ, *воевода.*
Михайло Ивановичъ, *тайный совѣтникъ.*
Михайло Александровичъ, *4 класса и каммергеръ.*
Михайло Михайловичъ.
Михайло Михайловичъ, *адъютантъ.*
Михайло Михайловичъ.
Николай Алексѣевичъ, *каммергеръ и бригадиръ.*
Николай Владиміровичъ.
Николай Сергѣевичъ.
Николай Алексѣевичъ, штальмейстеръ.
Николай Сергѣевичъ.
Павелъ Ивановичъ, *дѣйствительный статскій совѣтникъ и композиторъ.*
Павелъ Алексѣевичъ.
Петръ Сергѣевичъ, *генералъ-майоръ.*
Петръ Владиміровичъ.
Прохоръ Григорьевичъ, *воевода.*
Рафаилъ-Михаилъ Ивановичъ.
Ростиславъ Алексѣевичъ, *храбрый офицеръ, бывшій съ отличіемъ въ 14 сраженіяхъ, надворный совѣтникъ; за дѣльную оплеуху вельможѣ потерпѣлъ.*
Симіонъ Владиміровичъ, *первый подданный.*
Сергѣй Григорьевичъ, *посланникъ, тайный совѣтникъ.*
Сергѣй Алексѣевичъ, *тайный совѣтникъ и статсъ-секретарь, служитъ въ комиссіи прошеній.*
Юрій Алексѣевичъ, *сенаторъ.*
Яковъ Өедоровичъ, *бояринъ, генералъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ.*

Яковъ Алексѣевичъ.

Яковъ Александровичъ.

Өедоръ Өедоровичъ, *воевода и окольничій.*

Өедоръ Ивановичъ, *стольникъ.*

Өедоръ Васильевичъ, умеръ въ Сибирѣ, подъ именемъ купца Попова, другъ графа Сапѣги.

ДОЧЕРИ КНЯЗЕЙ ПЕРВОЙ ЛИНІИ.

Анна Яковлевна Шереметева.

Анна Борисовна Салтыкова.

Княжна Анна Алексѣевна.

Княгиня Анна Сергѣевна Голицына.

Анна Николаевна Спечинская.

Анна Александровна Лапухина.

Графиня Анна Михайловна Ефимовская.

Анна Алексѣевна Гренъ.

Княжна Анна Петровна.

Аграфена Александровна Шереметева.

Александра Григорьевна Салтыкова.

Александра Сергѣевна Альбединская.

Варвара-Антонина Ивановна Новикова.

Княжна Варвара Николаевна.

Княжна Варвара Владиміровна.

Княжна Екатерина Владиміровна.

Екатерина Алексѣевна, обрученная невѣста Петра II, выданная, Елизаветою I, за графа Брюса.

Княжна Екатерина Алексѣевна, умерла въ дѣтствѣ.

Княгиня Екатерина Алексѣевна Меншикова.

Екатерина Александровна Николаева.

Княжна Екатерина Владиміровна.

Екатерина Петровна Воейкова.

Евгенія Михайловна Творогова.

Евгенія Дмитріевна Апрянина.

Княжна Евгенія Алексѣевна, умерла въ дѣтствѣ.

Княгиня Елена Алексѣевна Долгорукая, бывшая до брака помолвлена за Шведскаго короля, при Петрѣ II.

Елена Николаевна Голенищева-Кутузова.

Елена Николаевна Ржевская.

Елена Михайловна Лапунова.

Елизавета Михайловна Селецкая.

Княжна Елизавета Петровна.

Княжна Елизавета Алексѣевна.

Княжна Марія Александровна.
Княжна Марія Петровна.
Княжна Марія Сергѣевна.
Княжна Маргарита Сергѣевна.
Надежда Александровна Корниловичъ.
Княжна Надежда Владиміровна.
Княжна Наталья Дмитріевна, *фрейлина*.
Княжна Наталья Владиміровна.
Княжна Наталья Юрьевна.
Княжна Ольга Владиміровна.
Графиня Ольга Ростиславна Олсуфьева.
Княжна Прасковья Михайловна.
Прасковья Николаевна Нарышкина.
Княжна Татьяна Владиміровна.
Княжна Екатерина Дмитріевна.

СПИСОКЪ СУПРУГЪ КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКИХЪ

СТАРШЕЙ (ПЕРВОЙ) ЛИНІИ.

Княгиня Анна Александровна, рожденная баронеса Боде.

Княгиня Анна Ивановна, вдова капитана Дудинскаго, жена князя Юрія Владиміровича; послѣ смерти его — имѣя 67 лѣтъ отъ роду — поспѣшила выйти за 3-го, князя Кантахудзи.

Княгиня Анна Михайловна, рож. княжна Голицына.

Княгиня Анна Николаевна, рож. баронеса Строгонова.

Княгиня Анна Михайловна, рож. Юрьевъ-Романова.

Княгиня Аграфена Алексѣевна, рож. Безобразова.

Княгиня Анастасія Романовна Плещеева, дочь Орловскаго помѣщика, ведущаго родъ свой отъ Св. Алексѣя митрополита.

Княгиня Анастасія Алексѣевна, рож. графиня Шереметева.

Княгиня Анастасія Петровна, рож. Татищева.

Княгиня Александра Петровна, рож. Степанова.

Княгиня Анисья Яковлевна, рож. (?).

Княгиня Варвара Николаевна, рож. Текутьева.

Княгиня Вѣра Гавриловна, рож. Вишнякова.

Княгиня Дарья Александровна, дочь полковника де-Лицына и супруги его, дочери Грузинскаго царя Александра, Анны Александровны, бывшей во второмъ бракѣ за княземъ Андреемъ Борисовичемъ Голицынымъ.

Княгиня Ханша Касимовская, во святомъ крещеніи — Елена, а по другимъ свѣденіямъ — Екатерина.

Княгиня Евгенія Сергѣевна, рож. Смирнова.

Княгиня Екатерина Александровна, рож. Трегубова.

СПИСОКЪ

СТАРШЕЙ ЛИНІИ КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКИХЪ

(ПО АЛФАВИТУ).

Александръ Лукичъ, *полковникъ.*

Александръ Григорьевичъ, *флота капитанъ-командоръ.*

Александръ Алексѣевичъ, *капитанъ.*

Александръ Ивановичъ, *старѣйшій князь по родостарѣйшинству изъ всѣхъ живыхъ князей.*

Александръ Николаевичъ, прозваньемъ Глухой, *4 класса каммергеръ.*

Александръ Александровичъ, *дѣйствительный тайный совѣтникъ.*

Александръ Павловичъ.

Алексѣй Θедоровичъ, *стольникъ.*

Алексѣй Григорьевичъ, *дѣйствительный тайный совѣтникъ, числящійся такъ-же по флоту, членъ верховнаго тайнаго совѣта.*

Алексѣй Алексѣевичъ, *контръ-адмиралъ.*

Алексѣй Николаевичъ, *генералъ-лейтенантъ.*

Алексѣй Алексѣевичъ, *дѣйствительный тайный совѣтникъ, министръ, членъ государственнаго совѣта.*

Алексѣй Ивановичъ, *каммергеръ и дѣйствительный статскій совѣтникъ.*

Алексѣй Владиміровичъ, [illegible]

Алексѣй Алексѣевичъ.

Алексѣй Юрьевичъ.

Андрей Юрьевичъ, *послѣдній удѣльный владѣтель Переяслава, имѣвшій войну съ княземъ Галицкимъ.*

Андрей Семеновичъ, *воевода.*

Андрей Алексѣевичъ.

Борисъ Θедоровичъ, *бояринъ, министръ и генералъ.*

Василій Лукичъ, *генералъ-лейтенантъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ верховнаго тайнаго совѣта.*

Василій Сергѣевичъ.

Всеволодъ Алексѣевичъ.

Владиміръ Ивановичъ, *еще не въ подданствѣ.*

Владиміръ Ивановичъ, *статскій совѣтникъ, тысячникъ орловской милиціи и бывшій редакторъ Московскихъ вѣдомостей, съ 1810 по 1825 г. и скульпторъ.*

Вячеславъ Алексѣевичъ (умеръ въ дѣтствѣ).

Владиміръ Владиміровичъ, *рядовой.*

Владиміръ Павловичъ.

Владиміръ Ростиславовичъ.
Георгій-Юрій Владиміровичъ, *столоначальникъ.*
Григорій Даниловичъ, *воевода.*
Григорій Өедоровичъ, *дѣйствительный тайный совѣтникъ.*
Григорій Прохоровичъ, *стольникъ.*
Григорій Алексѣевичъ, *умеръ 22 лѣтъ.*
Григорій Владиміровичъ, *капитанъ.*
Глѣбъ Алексѣевичъ, *мичманъ.*
Данило Ивановичъ, *воевода.*
Дмитрій Ивановичъ, *сенаторъ, посланникъ и тайный совѣтникъ.*
Дмитрій Алексѣевичъ.
Иванъ Андреевичъ, *сынъ удѣльнаго князя.*
Иванъ Андреевичъ, *Шибанъ, воевода.*
Иванъ Григорьевичъ, *воевода и тайный совѣтникъ.*
Иванъ Алексѣевичъ, *оберъ-каммергеръ, полный генералъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка майоръ.*
Иванъ Михайловичъ, *тайный совѣтникъ, поэтъ.*
Иванъ Алексѣевичъ, *премьеръ-майоръ.*
Лука Өедоровичъ, *воевода.*
Михайло Ивановичъ, *тайный совѣтникъ.*
Михайло Александровичъ, *4 класса и каммергеръ.*
Михайло Михайловичъ.
Михайло Михайловичъ, *адъютантъ.*
Михайло Михайловичъ.
Николай Алексѣевичъ, *каммергеръ и бригадиръ.*
Николай Владиміровичъ.
Николай Сергѣевичъ.
Николай Алексѣевичъ, штальмейстеръ.
Николай Сергѣевичъ.
Павелъ Ивановичъ, *дѣйствительный статскій совѣтникъ и композиторъ.*
Павелъ Алексѣевичъ.
Петръ Сергѣевичъ, *генералъ-майоръ.*
Петръ Владиміровичъ.
Прохоръ Григорьевичъ, *воевода.*
Рафаилъ-Михаилъ Ивановичъ.
Ростиславъ Алексѣевичъ, *храбрый офицеръ, бывшій съ отличіемъ въ 14 сраженіяхъ, надворный совѣтникъ; за дѣльную оплеуху вельможъ потерпѣлъ.*
Симіонъ Владиміровичъ, *первый подданный.*
Сергѣй Григорьевичъ, *посланникъ, тайный совѣтникъ.*
Сергѣй Алексѣевичъ, *тайный совѣтникъ и статсъ-секретарь, служитъ въ комиссіи прошеній.*
Юрій Алексѣевичъ, *сенаторъ.*
Яковъ Өедоровичъ, *бояринъ, генералъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ.*

Яковъ Алексѣевичъ.

Яковъ Александровичъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, *воевода и окольничій.*

Ѳедоръ Ивановичъ, *стольникъ.*

Ѳедоръ Васильевичъ, умеръ въ Сибирѣ, подъ именемъ купца Попова, другъ графа Сапѣги.

ДОЧЕРИ КНЯЗЕЙ ПЕРВОЙ ЛИНІИ.

Анна Яковлевна Шереметева.

Анна Борисовна Салтыкова.

Княжна Анна Алексѣевна.

Княгиня Анна Сергѣевна Голицына.

Анна Николаевна Спечинская.

Анна Александровна Лапухина.

Графиня Анна Михайловна Ефимовская.

Анна Алексѣевна Гренъ.

Княжна Анна Петровна.

Аграфена Александровна Шереметева.

Александра Григорьевна Салтыкова.

Александра Сергѣевна Альбединская.

Варвара-Антонина Ивановна Новикова.

Княжна Варвара Николаевна.

Княжна Варвара Владиміровна.

Княжна Екатерина Владиміровна.

Екатерина Алексѣевна, обрученная невѣста Петра II, выданная, Елизаветою I, за графа Брюса.

Княжна Екатерина Алексѣевна, умерла въ дѣтствѣ.

Княгиня Екатерина Алексѣевна Меншикова.

Екатерина Александровна Николаева.

Княжна Екатерина Владиміровна.

Екатерина Петровна Воейкова.

Евгенія Михайловна Творогова.

Евгенія Дмитріевна Апрянина.

Княжна Евгенія Алексѣевна, умерла въ дѣтствѣ.

Княгиня Елена Алексѣевна Долгорукая, бывшая до брака помолвлена за Шведскаго короля, при Петрѣ II.

Елена Николаевна Голенищева-Кутузова.

Елена Николаевна Ржевская.

Елена Михайловна Лапунова.

Елизавета Михайловна Селецкая.

Княжна Елизавета Петровна.

Княжна Елизавета Алексѣевна.

Княжна Марія Александровна.
Княжна Марія Петровна.
Княжна Марія Сергѣевна.
Княжна Маргарита Сергѣевна.
Надежда Александровна Корниловичъ.
Княжна Надежда Владиміровна.
Княжна Наталья Дмитріевна, *фрейлина*.
Княжна Наталья Владиміровна.
Княжна Наталья Юрьевна.
Княжна Ольга Владиміровна.
Графиня Ольга Ростиславна Олсуфьева.
Княжна Прасковья Михайловна.
Прасковья Николаевна Нарышкина.
Княжна Татьяна Владиміровна.
Княжна Екатерина Дмитріевна.

СПИСОКЪ СУПРУГЪ КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКИХЪ

СТАРШЕЙ (ПЕРВОЙ) ЛИНІИ.

Княгиня Анна Александровна, рожденная баронеса Боде.

Княгиня Анна Ивановна, вдова капитана Дудинскаго, жена князя Юрія Владиміровича; послѣ смерти его — имѣя 67 лѣтъ отъ роду — поспѣшила выйти за 3-го, князя Кантахудзи.

Княгиня Анна Михайловна, рож. княжна Голицына.

Княгиня Анна Николаевна, рож. баронеса Строгонова.

Княгиня Анна Михайловна, рож. Юрьевъ-Романова.

Княгиня Аграфена Алексѣевна, рож. Безобразова.

Княгиня Анастасія Романовна Плещеева, дочь Орловскаго помѣщика, ведущаго родъ свой отъ Св. Алексѣя митрополита.

Княгиня Анастасія Алексѣевна, рож. графиня Шереметева.

Княгиня Анастасія Петровна, рож. Татищева.

Княгиня Александра Петровна, рож. Степанова.

Княгиня Анисья Яковлевна, рож. (?).

Княгиня Варвара Николаевна, рож. Текутьева.

Княгиня Вѣра Гавриловна, рож. Вишнякова.

Княгиня Дарья Александровна, дочь полковника де-Лицына и супруги его, дочери Грузинскаго царя Александра, Анны Александровны, бывшей во второмъ бракѣ за княземъ Андреемъ Борисовичемъ Голицынымъ.

Княгиня Ханша Касимовская, во святомъ крещеніи — Елена, а по другимъ свѣденіямъ — Екатерина.

Княгиня Евгенія Сергѣевна, рож. Смирнова.

Княгиня Екатерина Александровна, рож. Трегубова.

Княгиня Екатерина Алексѣевна, рож. Малиновская.

Княгиня Екатерина Алексѣевна, рож. Лицына, побочная дочь оберъ-каммергера князя Голицына.

Княгиня Елена Ивановна, рож. Коломнина.

Княгиня Елизавета Петровна, рож. княжна Голицына.

Княгиня Елизавета Петровна, рож. княжна Голицына.

Княгиня Елизавета Петровна, рож. Давыдова.

Княгиня Елизавета Петровна, рож. Зотова.

Княгиня Ирина Михайловна, рож. княжна Черкасская.

Княгиня Марія Всеволодовна, княжна Черниговская, супруга князя Ивана, сына послѣдняго удѣльнаго князя.

Княгиня Марія Алексѣевна, супруга князя Даніила.

Княгиня Марія Ивановна, рож. княжна Голицына.

Княгиня Марія (?), рож. Салтыкова.

Княгиня Марія Александровна, рож. графиня Апраксина.

Княгиня Марія Александровна, рож. княжна Меншикова.

Княгиня Маргарита Ивановна, рож. Апайщикова.

Княгиня Мареа Петровна, рож. баронеса Шафирова.

Княгиня Надежда Петровна, рож. Сомова.

Княгиня Надежда Григорьевна, рож. графиня Чернышева.

Княгиня Наталья Борисовна, рож. графиня Шереметева; въ схимѣ — Нектарія.

Княгиня Наталья Сергѣевна, рож. княжна Голицына.

Княгиня Ольга Александровна, рож. Хрущева.

Княгиня Прасковья Юрьевна, рож. княжна Хилкова.

Княгиня Прасковья Кириловна, рож. Матюшкина.

Княгиня Софья Никоноровна, рож. Хитрово; бывшая вдова генералъ-маіора Мясоѣдова.

Княгиня Софія Осиповна, рож. Рибасъ.

Княгиня Ульяна Ивановна, рож. Наумова.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I.

Разсказъ про князя Якова Θедоровича, переданный отъ сына повара его, Кузьмы Афонасьева, князю Алексѣю Алексѣевичу, отъ него князю Владиміру Ивановичу; а отъ послѣдняго — князю Алексѣю Владиміровичу.

На князя Якова донесли изъ Сѵнода Петру I, что онъ тайно держится раскола; въ доказательство чего поставили на видъ то, что князь крестился древнимъ крестомъ — двухъ-перстнаго сложенія.

На этотъ доносъ царь далъ слѣдующій, но истинѣ мудрый, отвѣтъ: «Пусть всѣ такъ крестились-бы, только-бъ служили мнѣ и Руси такъ, какъ онъ, и были-бы такіе-же христіане, какъ онъ!..»

II.

Князь Алексѣй, *между различными* рукописями фамильными, нашелъ «стихи» — какъ должно полагать по письму — петровскаго времени, съ подписью: *Князь Іаковъ Долорукой.*

Приводимъ эти стихи здѣсь:

Два перста подымимъ
Къ небу, на небо...
Какъ Богъ единъ! Въ небѣ единъ!
Три затѣмъ сложимъ,
Къ землѣ преклонимъ,
Какъ въ святой троицѣ — на землѣ чтимъ.

III.

Къ личности князя Якова относились съ сочувствіемъ лица всѣхъ партій — какъ консерваторы, такъ и либералы. Благородная, свѣтлая натура князя — невольно привлекала къ нему даже людей совершенно противуположныхъ съ нимъ убѣжденій. И дѣйствительно, вся жизнь этаго человѣка была основана, такъ-сказать, на правдѣ: ни въ одномъ изъ его дѣйствій — нѣтъ ничего, чтобы не согласовалось съ его завѣтными понятіями; онъ всегда прямо высказывалъ, что думалъ, открыто охуждалъ, что ему казалось худымъ — и не страшился дѣлать замѣчанія въ глаза самому Петру I.

Мы здѣсь приводимъ отрывокъ изъ думы К. Рылѣева «Волынскій», въ которомъ онъ выставляетъ князя Якова идеаломъ гражданской честности.

«Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ, въ странѣ самодержавья,
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья; —
Пусть будетъ — мужъ совѣта онъ,
Иль мученикъ позорной казни, —
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукой, безъ боязни!»

IV.

Князь Алексѣй Владиміровичъ доставилъ намъ для прибавленія, между прочимъ, стихи, — будто-бы принадлежащіе перу князя Данилы Долгорукаго, писанные въ 1605 году. Эти стихи, которые я и привожу здѣсь, писаны метрическимъ размѣромъ (хотя не совсѣмъ гладкимъ); — но въ то время, т. е. въ 1605 г., у насъ въ Россіи не только не имѣли понятія о метрическомъ размѣрѣ, даже и силлабическимъ ни кто не писалъ. Въ то время поэтовъ, вообще, у насъ не было, — кромѣ развѣ составителей народныхъ пѣсенъ, а въ послѣднихъ, какъ извѣстно, употребляется, такъ называемый, тоническій размѣръ.

Вѣроятно, что эти стихи писаны кѣмъ-нибудь изъ Долгорукихъ въ концѣ прошлаго столѣтія, или, что вѣрнѣе, сообразуясь съ слогомъ стиховъ, въ началѣ нынѣшняго. Мы ихъ, всё-таки, помѣщаемъ — по желанію князя Алексѣя, — не касаясь проводимыхъ въ нихъ убѣжденій.

«Даю тебѣ я честно слово
Всегда царя земнаго чтить;
Наслѣдникамъ его короны
По правдѣ, вѣрно вѣкъ служить!
«Гдѣ нашъ народъ, гдѣ Русь святая,
Гдѣ гордаго боярства (¹) нѣтъ, —
Тамъ Долгорукая прямая
Святая кровь всегда живетъ!
«За народъ и за отчизну
Дружно вмѣстѣ мы умремъ;
Не услышимъ укоризны,
А мы вѣчность обрѣтемъ!
«*Тамъ* отчизна наша, въ небѣ:
Здѣся нѣтъ между людей;
Тамъ, въ господнемъ свѣтломъ домѣ,
Встрѣтимъ прадѣдовъ князей!»

Прим. К. В. Д.

(¹) Въ подлинникѣ: *болярства*.

V.

Князь Алексѣй Владиміровичъ передалъ намъ слѣдующій разсказъ, касающійся событій 1812 г. и затрогивающій извѣстнаго патріота С. Н. Глинку. На сколько этотъ разсказъ, сообщенный князю Алексѣю его отцемъ, княземъ Владиміромъ Ивановичемъ, достовѣренъ, — мы не можемъ сказать; трудно предположить, чтобъ С. Глинка рѣшился на такой поступокъ и, тѣмъ-болѣе, графъ Ростопчинъ, эта — одна изъ благороднѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ личностей въ началѣ нынѣшняго столѣтія, — служившій украшеніемъ царствованія Александра I.

Вотъ этотъ разсказъ:

Будучи редакторомъ «Московскихъ вѣдомостей,» князь Владиміръ Ивановичъ оставался въ Москвѣ до входа въ нее французовъ. За нѣсколько дней до этаго, Сергѣй Николаевичъ Глинка принесъ къ нему, подписанную графомъ Ростопчинымъ, прокламацію «о возведеніи, съ согласія Наполеона, на престолъ русскій Екатерину Павловну, подъ именемъ Екатерины III.» Князь В. И. задержалъ ее, отправившись за объясненіемъ къ самому графу. Послѣдній (будто) всю вину свалилъ на какого-то Верещагина, котораго вывелъ на балконъ, ударилъ шпагою и объявилъ народу, что онъ измѣнникъ. Народъ разстерзалъ его, и, уже бездыханнаго, привязали къ хвосту лошади и пустили ее. Самъ-же графъ, въ это время, уѣхалъ изъ Москвы, съ задняго крыльца.

VI.

Князь Владиміръ Ивановичъ былъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, редакторомъ «Московскихъ вѣдомостей,» въ которыхъ помѣщалъ также свои статьи. Вотъ для примѣра одно изъ его стихотвореній, поднесенное имъ императору Николаю Павловичу, въ день коронаціи.

«Корону ты надѣлъ златую
Для счастія народовъ сихъ!
Внемли: они молву какую
Несутъ о подвигахъ твоихъ!
Что царствовать надъ ними станешь,
Какъ добрый, истинный отецъ,
И тѣмъ къ себѣ ты ихъ привяжешь!
Знай: въ счастьи ихъ — тебѣ вѣнецъ!
Гряди любви путемъ ко славѣ,
Не будь рабомъ страстей своихъ!
Онъ прямъ, онъ чистъ, онъ очень въявѣ,
Кто свергнетъ лесть оковъ *чужихъ!*
Коварство, злоба удалися
И гидрину главу сокрой;

А ты царемъ царей явися:
Блаженствомъ, счастьемъ насъ покрой!
О, Боже! Творче безначальный,
Любовью дышущій одной,
Простри къ царю ты взоръ свой дальній,
Коснись его рукой-десной!
Лучи чтобъ свѣта возродились
На доблестной главѣ его,
Народы-бъ Руси имъ гордились
И кровь пролили за него!»

Это стихотвореніе князь Алексѣй зналъ на память,—такъ-какъ въ то время, по желанію отца, заучилъ его. Очень легко, что память князю измѣнила и нѣкоторыя мѣста онъ передалъ не совсѣмъ вѣрно: что, полагаю, причиной не гладкости стиха и даже отсутствія правильныхъ риѳмъ, особенно, во 2-й и 5-й строфахъ.

Кромѣ князя Владиміра Ивановича, занимались литературой многіе изъ Долгорукихъ. Такъ, князь Димитрій Ивановичъ Долгорукой, недавно скончавшійся, писалъ стихотворенія и издавалъ ихъ отдѣльными книжками два раза, подъ названіемъ «Звуки;» нѣкоторыя изъ нихъ онъ помѣщалъ въ «Новостяхъ литературы» и «Литературныхъ прибавленіяхъ,» издаваемыхъ извѣстнымъ авторомъ «Дома сумасшедшихъ,» А. Ѳ. Воейковымъ, въ 25—30 годахъ. Но стихотворенія эти слабы и не заслуживаютъ вниманія;—по большой части, плохія подражанія Лермонтову и Пушкину. Братъ Димитрія Ивановича, князь Александръ Ивановичъ, издалъ свои стихотворенія и разсказы въ четырехъ частяхъ, съ своимъ портретомъ. Иныя изъ его стихотвореній довольно удачны, особенно то, въ которомъ авторъ, остроумно, смѣется надъ русскимъ народомъ, который каждому случаю въ жизни приписываетъ особое значеніе... Но, впрочемъ, какъ разсказы его, такъ и стихи—прошли не замѣченными публикой. Князь Алексѣй Владиміровичъ, занимавшійся месмеризмомъ, издалъ нѣсколько сочиненій, по своей спеціальности. Всѣ онѣ имѣютъ, конечно, на столько значенія — на сколько кто признаетъ месмеризмъ, какъ силу врачебную. Изъ нихъ болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія «Органонъ магнетизма,» изд. въ С. Петербургѣ, въ 1862 году, въ 12 дол. листа; въ немъ, не смотря на весьма небрежный слогъ, затемняющій иногда смыслъ того, что хотѣлъ выразить авторъ,—можно найдти не мало оригинальныхъ мыслей. Полагаю, что онъ памятенъ большинству читающей публики по остроумнымъ каррикатурамъ на него Н. А. Степанова, помѣщеннымъ въ издаваемомъ, въ то время, послѣднимъ, вмѣстѣ съ В. Курочкинымъ, сатирическомъ журналѣ: «Искра.» Кромѣ того, князь Алексѣй Владиміровичъ издалъ въ 1860 г. небольшую книжку своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Поэзія Алексѣя Москвитянина» (32 д. л. Спб.). Но болѣе другихъ изъ Долгорукихъ пріобрѣли извѣстность въ литературѣ три лица: княгиня Наталья Борисовна, князь Иванъ Михайловичъ и князь Петръ Владиміровичъ.

Съ личностью Натальи Борисовны, съ ея многолѣтними страданіями и ея записками — мы познакомили уже читателей. Ея записки для насъ дороги, какъ историческій матеріалъ, по которому мы можемъ судить о развитіи женщины высшихъ классовъ, въ ту эпоху, когда жила Наталья Борисовна. Кромѣ того, онѣ имѣютъ интересъ и чисто — литературный (конечно, не значительный). Читая ея записки,—передъ нами проносится цѣлый рядъ страданій, какія вынесла эта женщина, и мужественная ея борьба съ ними... предъ нами возстаетъ образъ русской женщины, искони угнетаемой, искони принужденной занимать въ жизни страдальческую роль; но не павшей, въ тоже время, подъ гнетомъ этихъ, неблагопріятныхъ для нея, обстоятельствъ, а мужественно боровшейся съ ними... «Мы сами столько страдали, что намъ отрадно внимать страданіямъ другаго» — какъ справедливо сказалъ нашъ лучшій современный поэтъ; поэтому, и теперь еще многіе прочтутъ съ охотою записки Натальи Борисовны...

Князь Иванъ Михайловичъ пріобрѣлъ извѣстность своими стихотвореніями, и, по справедливости, можетъ быть названъ однимъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ поэтовъ конца XVIII столѣтія и начала нынѣшняго... Стихъ его тяжелъ, но простъ, проникнутъ благороднымъ честнымъ юморомъ—что безспорно составляетъ главное достоинство его стихотвореній. Лучшими изъ нихъ считаются слѣдующія три: «Авось,» «Каминъ» и «Завѣщанье». Всѣмъ, кто интересуется сочиненіями нашихъ писателей прошлыхъ годовъ, онѣ, конечно, знакомы; поэтому, мы приводимъ здѣсь одно изъ менѣе извѣстныхъ стихотвореній князя, въ которомъ онъ, весьма остроумно, охарактеризовалъ себя...

«Ты хочешь знать меня? — Изволь, мой другъ, скажу,
И съ радостью тебѣ портретъ мой покажу;
Со всѣмъ, что Богъ ни далъ, на сцену я предстану;
Пороковъ золотить моихъ отнюдь не стану.
Такъ слушай-же теперь, кто я, чей сынъ, чей внукъ,
И въ правдѣ словъ моихъ повѣрь мнѣ безъ порукъ.

Я мелкая кроха князей тѣхъ крупныхъ, славныхъ,
Изъ коихъ на Руси одинъ во дняхъ недавнихъ
Великому царю велику правду рекъ.
Не мнѣ чета былъ князь и громкій человѣкъ!
Всю жизнь свою провелъ въ обычаѣ угрюмомъ,
Отечества былъ столпъ, отцу его былъ другомъ.
Внукъ этого — мой дѣдъ — позналъ, какъ говорятъ,
Что въ правду близъ царя — близъ смерти всѣ стоятъ.
Монархъ его любилъ, вельможи величали;
Тамъ сосланъ и казненъ — и поминай какъ звали!
Жена его съ нимъ все дѣлила, такъ какъ другъ,
Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;
Лишася въ немъ всего, въ монахиняхъ спасалась,
И схиму воспріявъ, среди Кіева скончалась.
Отецъ мой (и того уже къ себѣ взялъ Богъ)

Душею былъ богатъ, а счастіемъ убогъ.
Моя старушка мать тяжелый крестъ свой носитъ,
Въ недугахъ изнурясь, вседневно смерти проситъ;
А я — Jeannot-tout court и голъ, такъ какъ соколъ;
Служа 18 лѣтъ, въ четвертый классъ вошелъ.
Жена моя добра, люблю ее какъ душу,
Люблю — но и подъчасъ трясу ее какъ грушу.
По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки,
На разныхъ языкахъ мололи мнѣ азъ, буки;
Латынь, одну латынь — по складу, по толкамъ,
Твердилъ семь битыхъ лѣтъ — и все по пустякамъ;
Что денегъ Богъ пошлетъ, въ минуту сосчитаю,
А математики совсѣмъ, мой другъ, не знаю,
И сколько мастеровъ не смучалъ я за ней,
Дошелъ до дѣлежа — и въ пень сталъ у дробей.
Учился фехтовать за дорогую цѣну,
И вѣчно попадалъ не въ цѣль, а прямо въ стѣну;
Бивалъ всѣ въ барабанъ бои до одного,
А нынче, хоть убей, не помню ничего.
Въ манежѣ три зимы меня-ль не муштровали,
Къ ѣздѣ на лошадяхъ всемѣрно пріучали;
Но всуе затѣвать, чего нѣтъ на роду:
Не только что съ коня, съ клячонки упаду.
Ты видишь, что я льстить ни мало не намѣренъ,
И такъ въ моихъ словахъ, мой другъ, ты будь увѣренъ.
Учился я всему, но былъ успѣхъ въ томъ плохъ;
Наука въ сторонѣ, а я сталъ скоморохъ:
Пляшу, пою, рѣзвлюсь, комедіи играю,
И въ знатныхъ людяхъ тѣмъ, по нуждѣ промышляю.
Спасибо, что хотя на что нибудь да гожъ!
До сихъ поръ мой портретъ со мною очень схожъ...
Слыхалъ я отъ жены, что, будто, я уменъ;
Быть можетъ, что и впрямь въ своемъ углу смышленъ.
Да въ этомъ вслухъ нельзя признаться мнѣ никакъ.
А то вѣдь скажутъ всѣ: какой-ста онъ дуракъ!
Пусть буду я таковъ, я, право, не сержуся
За то, что въ списокъ вашъ, людъ умный, не гожуся...
Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но можно-ль быть иначе
Съ презрѣнными людми, съ такими наипаче,
Которымъ, говоря *«о правдѣ»* каждый часъ,
Все бойся, какъ-бы имъ не трафить камнемъ въ глазъ?
Что хочешь говори, волнуется вся кровь,
Когда иной наглецъ вздымаетъ гордо бровь,
Когда самъ о себѣ и Богъ вѣсть что мечтаетъ,
Увѣрить хочетъ всѣхъ, что звѣзды онъ хватаетъ;

А ты, когда предъ нимъ, какъ подлый рабъ, стоишь,
Внутри своей души въ алтынъ его цѣнишь.
Я гибкости въ себѣ ни мало не имѣю,
Въ клубокъ ни передъ кѣмъ свернуться не умѣю;
Иду своимъ путемъ какъ должность мнѣ велитъ,
И гдѣ споткнется «умъ», тамъ «совѣсть» подкрѣпитъ.
Люби-жъ Jeannot; хоть онъ — дѣтина незадорный,
Но будетъ навсегда *«слуга твой всепокорный»*.

Это стихотвореніе написано болѣе, чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ.

Князь Петръ Владиміровичъ, современный русскій писатель, составилъ «Россійскій Родословный Сборникъ» — трудъ весьма почтенный, заслуживающій полнаго вниманія всѣхъ образованныхъ людей, также издалъ «Сказаніе» (¹) о родѣ Долгорукихъ, первый разъ напечатанное въ 1840 г. Кромѣ-того, въ одной изъ книжекъ журнала «Русская Бесѣда» помѣщена имъ біографія Волынскаго... такъ печально окончившаго свою судьбу при Биронѣ... Но болѣе всего онъ пріобрѣлъ извѣстность своею книгою: «Правда о Россіи» («La verité sur la Russie»), изданной имъ заграницей, сначала на французскомъ языкѣ, а потомъ, въ собственномъ переводѣ, и на русскомъ. Онъ издавалъ также нѣсколько газетъ, изъ которыхъ пріобрѣли большую извѣстность: «Будущность» и «Правдивый.»

О князѣ Петрѣ Владиміровичѣ мы будемъ подробнѣе говорить во 2-й части нашего труда.

Во второй части настоящаго сочиненія будутъ, между-прочимъ, помѣщены біографіи: *Князя Димитрія Ивановича* (Долгорукаго первой линіи), роднаго правнука знаменитой Натальи Борисовны Долгорукой, и *Князя Василія Андреевича Долгорукаго* — недавно скончавшихся.

Упомянувъ о князѣ Василіѣ Андреевичѣ, я считаю не безъинтереснымъ привести одинъ анекдотъ изъ его жизни, характеризующій личность князя:

Въ памятномъ въ исторіи Россіи 1825 году, князь былъ еще корнетомъ. На вопросъ Государя Николая Павловича: «А ты также на меня?» Князь отвѣчалъ:

— Государь! — Я Долгорукой!

Этими словами князь открыто заявилъ свои консервативныя, но, въ тоже время, *свободныя* убѣжденія: свободныя потому, что онъ ихъ дер-

---

(¹) Въ этомъ Сказаніи напечатаны записки князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, принадлежащаго къ другой линіи, о которомъ мы будемъ говорить во 2-й части нашего сочиненія. Прим. К. В. Д.

жался не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, но онѣ были всосаны ему, такъ-сказать, съ молокомъ матери; иныхъ онъ убѣжденій не имѣлъ, да и не могъ имѣть! Воспитанный въ чисто религіозномъ духѣ, — онъ, съ юныхъ лѣтъ, пріучился уважать личность царя и считать его волю, для себя священною. Но онъ за то и не приставалъ, какъ иные, къ партіи либераловъ, вовсе не имѣя либеральныхъ убѣжденій, чтобъ, вывѣдавъ тайны своихъ товарищей, потомъ продать ихъ! Князь Василій Андреевичъ прямо заявлялъ, что онъ консерваторъ и открыто держался тѣхъ идей, которыя, по своему мнѣнію, считалъ честными и правдивыми! Покрайней-мѣрѣ, каждый про князя могъ сказать: что *знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло*. А послѣднее — не маловажное достоинство. Это — не то что какой-нибудь писака, защищающій сегодня, въ одномъ журналѣ, однѣ идеи, а завтра, въ другомъ, ихъ-же ругающій! Къ сожалѣнію, въ настоящее время, въ русской литературѣ, такихъ жалкихъ писакъ, — расплодились десятки!...

ЗАМѢТКИ

О

ПЕРВЫХЪ РУССКИХЪ КНЯЗЬЯХЪ

И О ПРОИСХОЖДЕНІИ:

РЮРИКА, СИНЕУСА И ТРУВОРА.

Статья князя Алексѣя Доморукаго.

Происхожденіе первыхъ русскихъ князей: Рюрика, Синеуса и Трувора, вызвало, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ожесточенную полемику между двумя извѣстными нашими учеными: Н. И. Костомаровымъ и М. П. Погодинымъ.

Кому не извѣстно изъ читающей публики, что эта полемика окончилась весьма оригинальнымъ диспутомъ, послѣ котораго почтенный московскій ученый объявилъ, что онъ — *только шутилъ* и вызовъ на диспутъ г. Костомарова, съ его стороны, былъ не болѣе, какъ шутка!...

Этотъ диспутъ, однако, не прошелъ совершенно безслѣдно. Онъ доставилъ значительный матеріалъ перу талантливаго Н. А. Добролюбова, котораго — къ сожалѣнію всѣхъ искренно сочувствующихъ родной литературѣ — мы лишились такъ рано. Н. А. Добролюбовъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, когда отъ него можно было ожидать еще много дѣльнаго впереди, много такого, чтобы принесло пользу обществу... Честная, благородная личность! Ты погибъ жертвою гнетущей судьбы! Ты унесъ съ собою въ гробъ могучую силу!.. Но за то надъ твоей могилой не раздастся проклятій, ничья укоризна не смутитъ твой могильный сонъ... Некому на тебя плакаться: ты ни кого не грабилъ, не угнеталъ своихъ братьевъ — спи-же спокойно, великій честный братъ!

Мнѣ словно слышится, постоянно, какъ только вспомню о тебѣ, твоя честная пѣсня — и болѣзненно звуки ея отдаются въ моей груди...

«Милый другъ! я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю,
Вѣрно, буду я извѣстенъ.
«Милый другъ! я умираю,
Но спокоенъ я душею,
И тебя благословляю:
Шествуй тою-же стезею!..»

Печатая настоящую статью, «о происхожденіи первыхъ русскихъ князей,»—я слагаю съ себя всякую отвѣтственность за высказанныя въ ней мнѣнія. Можетъ-быть, многіе найдутъ, что приведенныя въ ней доказательства, въ пользу защищаемаго авторомъ предположенія о происхожденіи первыхъ князей съ юга, слабы, не имѣютъ научнаго значенія, основаны на сомнительныхъ источникахъ и т. п., — я охотно готовъ съ тѣми согласиться.

Изданіе-же настоящей статьи я считаю не безполезнымъ оттого, что высказанное въ ней предположеніе о происхожденіе князей съ юга — ново и въ нашей литературѣ не было еще никѣмъ возбуждено; а потому, какъ новизна — оно имѣетъ свое значеніе... (1). Если, приведенныя авторомъ настоящей статьи доказательства въ пользу высказаннаго имъ предположенія, покажутся слабы, — то кто поручится, что кто-либо другой, обладающій бо́льшими научными познаніями, чѣмъ авторъ этой статьи, не возмется за это предположеніе — и, можетъ быть, дойдетъ до истины...

Настоящая статья — трудъ князя А. Долгорукаго. Я печатаю ее почти въ такомъ-же видѣ, какъ она была мнѣ доставлена — измѣнивъ только, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, слогъ, и сдѣлавъ въ концѣ нѣкоторыя добавленія. Она не имѣетъ въ себѣ ничего цѣлаго, законченнаго. Вся статья не болѣе, какъ подборъ доказательствъ, свидѣтельствующихъ за высказанное княземъ А. Долгорукимъ предположеніе.

Князь *Всеволодъ Долгорукой.*

---

(1) Впрочемъ, Д. Каченовскій, издававшій въ началѣ нынѣшняго столѣтія «Вѣстникъ Европы», доказывалъ, что Русь — *Хозары*, народъ пришедшій съ юга; но, въ то время, надъ этимъ мнѣніемъ большинство смѣялось. Примѣч. К. В. Д.

Какъ князья Долгорукіе происходятъ отъ князя Варяго-Русскаго Рюрика, — то я почелъ долгомъ сказать о нашемъ родоначальникѣ, кто онъ такой.

Первый князь Рюрикъ (съ дружиною, братомъ своимъ Труворомъ и братомъ жены своей — Синеусомъ), пришелъ *съ береговъ Каспійскаго моря*.

Это предположеніе я подтверждаю слѣдующими доказательствами:

1) До сихъ поръ у горскихъ народовъ есть фамиліи: *Руссовы*, *Урусовы* (²), *Друсовы*, *Брусовы*... Между-тѣмъ, — ни у древнихъ норманов, ни у прочихъ народовъ — нѣтъ.

2) Александръ Македонскій и отецъ его Филиппъ заключали договоръ съ *Руссами*, обитающими у береговъ Каспійскаго моря. Руссы получили отъ Александра грамоту, писанную золотомъ на пергаментѣ, въ которой имъ давались привилегіи на торговлю.

3) Въ сочиненіяхъ еврейскаго пророка Іезекіиля, въ главѣ 38 и 39, упоминается о князѣ народа *Русска* (¹), обитающаго въ Азіи и именно о князѣ Мосохѣ.

Эти три доказательства свидѣтельствуютъ о томъ, что у береговъ Каспійскаго моря, въ Азіи, существовалъ народъ, носящій названіе *Русскаго*, или близкаго къ тому.

Славяне-же, вообще, всѣ воинственныя племена называли «варягами.» Такъ, южныхъ горцевъ: *Варяго-Руссами;* а сѣверныхъ, норманов просто: *Варягами*. Но что славяне не считали Варяговъ за Руссовъ, — такъ это можно подтвердить слѣдующимъ мѣстомъ изъ «Русской Правды» Ярослава, гдѣ

(¹) Рабины безъ точекъ читаютъ: *Руссъ;* можно поставить точку и читать: *Рошъ;* русскіе переводчики читаютъ, обыкновенно: *Росъ;* именно въ переводѣ библейскаго общества: Росъ; а въ древнихъ переводахъ — въ переводѣ толковниковъ греческихъ: *Русска*.

(²) Урусовы (князья) происходятъ отъ ногайскаго мурзы—*Юсупа*, отъ котораго произошли и нынѣшніе князья Юсуповы (См. «О родѣ князей Юсуповыхъ,» Спб. 1868 г., 2 т.). Примѣч. К. В. Д.

говорится (въ 1-мъ параграфѣ): «аще Руссинъ, аще Славянинъ, ащеВарягъ албо Калбякъ...» Слѣдовательно,—Ярославъ не считалъ Руссовъ за Варяговъ (норманновъ), иначе-бы онъ сказалъ: «аще Руссинъ албо Варягъ.» — А Ярославу Владиміровичу нельзя было незнать, ктó Руссы и ктó Варяги.

Показаніе Нестора, чтó Балтійское море называлось *Варягскимъ*, опровергается свидѣльствами нѣкоторыхъ древнихъ писателей. Такъ, оно у Плинія (читай книгу XXXVII, главу I и III) названо *sinuc cadanus*, т. е. каданскимъ заливомъ; у береговъ его, во времена Тацита, добывался янтарь. Что жители здѣсь были нѣмецкаго племени, — доказывается названіемъ янтаря: *glesum*, *seu glas*. За янтаремъ, между-прочимъ, ѣздилъ на каданскій заливъ римскій всадникъ.

Даже въ Птоломеевой географіи Балтійское море названо *Веденскимъ*, а не Варягскимъ.

У западныхъ народовъ тоже оно имѣло названіе не Варягскаго, а — *Восточнаго*. Такъ оно названо, даже въ болѣе ближайшія времена, въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою (См. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ). Правда, что одинъ арабскій географъ графъ Абульфеда упоминаетъ о *Варахскомъ* морѣ — названіе, близко подходящее къ «Варягскому.» Но почему онъ принимаетъ его за Балтійское, а не Каспійское, около котораго именно всегда обитали воинственныя племена, — неизвѣстно. Между-тѣмъ, онъ самъ говоритъ, что древніе арабскіе писатели упоминали о Варанскомъ море, какъ лежащемъ отъ нихъ на сѣверѣ. Вообще, этотъ писатель мало заслуживаетъ довѣрія; такъ-какъ онъ писалъ не на основаніи достовѣрныхъ историческихъ источниковъ, а пользовался безъ разбора различными сомнительными матеріалами и преданіями, ни на чемъ не основанными.

Въ лѣтописяхъ, дошедшихъ до насъ, — напр. Нестора, — сказано, что Новгородцы, т. е. послы новгородскіе, *два года* ходили за князьями. Какъ-бы Новгородцы не были необразованны, но имѣли, однако, ноги и лошадей: не могли-же они употребить два года на ходьбу за Ладожское озеро?.. Не ползли-же

они!.. Сохранившееся преданіе между горскими народами о призваніи отъ нихъ князей Руссовъ перешло, вѣроятно, и къ ихъ завоевателямъ туркоманамъ (т. е. татарамъ) и было причиною нашествія послѣднихъ на Русь.

Что князья Рюрикъ, Синеусъ и ихъ другіе родственники, идя съ Юга, шли на Кіевъ и посадили тамъ, до прибытія своего въ Новгородъ, родственника правителемъ, – это подтверждается тѣмъ, что за годъ до прихода князей въ Новгородъ кіевская область стала отъ грековъ уже называться «Русью.» А Грекамъ, конечно, нельзя было не знать о дѣлахъ между Славянами; такъ–какъ въ то время многіе изъ послѣднихъ были при дворѣ тогдашняго греческаго императора Александра (который впослѣдствіе заключилъ договоръ съ правителемъ Олегомъ). Именно два любимца императора: *Гаврилопуль* и *Василичь* были изъ славянъ (послѣдняго императоръ хотѣлъ даже сдѣлать своимъ наслѣдникомъ); наконецъ, правитель церкви патріархъ Никита, въ то время, былъ изъ коренныхъ славянъ.

Правда, всѣ слѣды Руссовъ на востокѣ изгладились съ введеніемъ между горскими народами (и Болгарами) магометанской вѣры, съ которой къ нимъ перешли не только обычаи, но даже и языкъ арабскій (съ бóльшими, или меньшими измѣненіями). Но стоитъ только обратить вниманіе на фамиліи, существующія доселѣ у горцевъ, — мы встрѣтимъ бóльшею частію кончающіеся: на *овъ, ой*, — чего у коренныхъ татаръ, персовъ и турокъ нѣтъ. И это одно осталось, между горскими народами, *древне-русское* — отъ ихъ прежняго языка ([1]).

Отъ племени Асафетова произошли три одноплеменныхъ народа, близкаго съ древнимъ еврейскимъ: *Руссы*, *Славы* и *Галлы*. Первые, воинственнѣе всѣхъ прочихъ, поселились на

([1]) Князь А. Долгорукой говоритъ, что Новгородцы оттого послали за князьями, что они знали, будто, по преданію, что въ древности одинъ князь *Руссъ* побѣдилъ ихъ предковъ, съ княземъ Слава. Откуда это извѣстіе почерпнулъ авторъ, — мы не знаемъ и затруднились, потому, оставить его въ текстѣ самой статьи. Примѣч. К. В. Д.

берегахъ Каспійскаго моря; вторые, болѣе мирные, пошли на сѣверъ, около Ильмень озера; а третьи—на западъ Европы ([1]).

Сходство Русскихъ и Гальскихъ словъ съ древними Еврейскими подтверждаетъ одноплеменность этихъ народовъ; тогдакакъ подобнаго сходства ни въ древнемъ норманскомъ языкѣ, ни у потомковъ норманновъ—нѣтъ.

Приведемъ примѣры:

По Еврейски:	*По Русски:*
Деріх	Дорога
Гар	Гора
Мáши воды	Мою
Тоб	Добрый
Сидал	Сады
Носсé	Носящій
Мисле	Мысли
Лакалъ	Лакать
Мáсах	Мѣшалъ
Зеріа	Зерно
Шеш	Шестъ
Куль	Куль
Зера	Заря
Кадъ	Кадка, сосудъ
Гир	Городъ
Пáха	Пахать, паханіе
Ровъ	Рытіе
Пехетет	Пошолъ (пѣшкомъ)
Ровъ	Рытьё
Паса	Пѣхота
Кашар	Кашель
Абид	Обида
Бадаг	Обидѣть
Хазак	Волкъ (казакъ).

Я бы могъ выписать нѣсколько тысячъ подобныхъ еврейскихъ словъ, сходство которыхъ съ русскими поразитъ каждаго.

([1]) Откуда это почерпнуто,—мы тоже не знаемъ. Вѣроятно, авторъ позабылъ упомянуть источникъ, изъ котораго заимствовалъ это свѣденіе. Въ настоящее время князя А. Д. нѣтъ въ Петербургѣ—и мы не могли, потому, просить его указать этотъ источникъ. При слѣдующей части—всѣ подобные пропуски будутъ пополнены. Примѣч. К. В. Д.

Въ Гальскомъ древнемъ языкѣ тоже можно найдти не мало словъ, сходныхъ съ еврейскими. Напримѣръ:

По Еврейски (чит. какъ латинск.)	*По Гальски:*
Ve hior	Vou-er
Ha vel have lim amor	Avet avele omme har

и проч.

Мы смѣло можемъ сказать, что въ древнемъ славянскомъ языкѣ норманскихъ и нѣмецкихъ словъ — не встрѣчаемъ; а они непремѣнно-бы должны были быть, еслибъ первые князья наши съ дружинами пришли отъ нормановъ (1).

Что языкъ славянскій коренной, — это доказывается нѣкоторыми словами, которыхъ ни въ одномъ другомъ языкѣ нѣтъ; напримѣръ: *верблюдъ*, *обезьяна*, *слонъ*. Этихъ словъ нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ языкѣ, онѣ не перешли къ славянамъ, а сохранились въ славянскомъ языкѣ отъ тѣхъ древнихъ временъ, когда славяне обитали въ Азіи. Между-тѣмъ, славянскія имена мы встрѣчаемъ—напримѣръ—въ Пталомеевой географіи: *Толстоботи*, *Тригляды*, *Заряне* и другія.

Руссы были гораздо образованнѣе Славянъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до Р. Х. они имѣли письмо, съ правой руки на лѣвую. Это подтверждается: 1) письменнымъ договоромъ Александра Македонскаго и отца его Филиппа съ Руссами; 2) свидѣтельствомъ Недима, который тоже говоритъ о обитаніи Руссовъ въ предѣлахъ, занимаемыхъ нынѣшними горцами, между астраханской губерніею и Грузіею. Онъ представилъ образецъ ихъ письменности. 3) Письменными договорами Олега и Игоря съ греками, до введенія у насъ христіанства, и, сохранившейся доселѣ, славянской азбукой, которую ввели, вмѣсто прежней, греки при св. Владимірѣ, удержавъ славянамъ только прежніе звуки. Мы не мало должны роптать на гре-

---

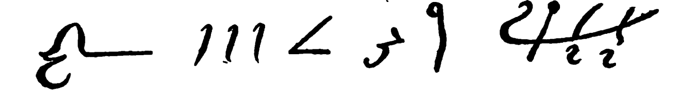
(1) А имена первыхъ князей: Рюрика, Синеуса? — имена многихъ изъ княжескихъ дружинъ? — это, по большой части, чисто норманскія имена. Примѣч. К. В. Д.

ческихъ поповъ, которые, *въ сильномъ усердіи* истребить язычество, истребили, отъ фанатизма, все старое, такъ, что многому не осталось и слѣдовъ для исторіи.

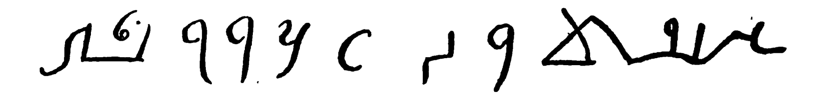
Договоры Олега и Игоря, 911 и 945 гг., съ византійскими императорами — перваго съ Львомъ VI и Александромъ, второго съ Константиномъ VII и Романомъ I — были составлены въ двухъ экземплярахъ: одинъ писанъ былъ Руссами, другой Греками. Въ послѣднемъ договорѣ русскіе князья обязались греческимъ гостямъ выдавать паспорты. Слѣдовательно, — это доказываетъ, что у Руссовъ была грамота.

Ибнъ-Фодланъ, въ началѣ еще X столѣтія, видѣлъ Руссовъ по ту сторону Волги и описалъ обряды ихъ вѣры. Онъ говоритъ именно, что на могильныхъ памятникахъ Руссы всегда выставляли имя царствующаго князя ихъ. Замѣтимъ притомъ, что письмо Руссовъ сходно только съ синайскими надписями, которыя встрѣчаются близь горы Синая, на различныхъ утесахъ, по дорогѣ въ Суэзъ.

Приводимъ образчикъ письма Руссовъ, представленный древнимъ арабскимъ писателемъ Абуль-Фараджъ-Мухаммедъ-ибнъ-Исхакъ-эль-Недимъ.

Синайская надпись:

Вѣра первыхъ князей и, вообще, Руссовъ была, по всей вѣроятности, древнѣе вѣры Зароастра. Вѣра Руссовъ предписываетъ одноженство. Пестунъ Владиміра, славянинъ Добрыня, первый вовлекъ князя своего въ многоженство и народное идолопоклонство. Намъ извѣстно изъ лѣтописей, что Рюрикъ,

Олегъ и Игорь были одноженцы. Сердце Ольги на ключницу Мюляшу и высылка послѣдней — тоже доказываютъ это. Сватовство Владиміра къ Рогнѣдѣ, исканіе ея руки — показываютъ важность брака, бывшую тогда. И вотъ причина, почему одноженство не встрѣтило на Руси препятствія, съ введеніемъ христіанства.

Наконецъ, — трудно допустить, чтобы князья при многобрачіи — еслибъ оно легко допускалось Руссами — были столь не женолюбивы, что не имѣли-бы по нѣсколько женъ — когда теперь, и при единобрачіи, у насъ рѣдкій сколько-нибудь состоятельный человѣкъ не имѣетъ кромѣ жены, любовницу, да и не одну еще!...

Послѣ Рюрика остался Игорь; но правителемъ сдѣлался дядя его Олегъ... Онъ перенесъ столицу въ Кіевъ. Проходя то мѣсто, гдѣ нынѣшній Кремль въ Москвѣ, — Олегъ нашелъ тамъ пустынника, христіанина, и по его указанію — заложилъ тутъ городъ. Рогнѣда, первая супруга Св. Владиміра, по принятіи христіанства, приняла монашество — первая на Руси, — подъ именемъ Анастасіи...

Отъ сына князя Юрія (Георгія) Долгорукаго, Всеволода, шла царствующая вѣтвь до царя Θеодора Ивановича, до дома, избраннаго народомъ, *Юрьева*, неправильно принявшаго, по имени однаго изъ своихъ предковъ, фамилію Романовъ и другаго — Захарьевъ.

Сынъ Св. Владиміра, Ярославъ, былъ женатъ на дочери короля Шведскаго Олафа, въ грекороссійской вѣрѣ Ириніи, въ монашествѣ Анны. (Мощи ея находятся въ Новгородѣ, въ Софійскомъ соборѣ — открыто. См. Словарь Рус. святит. 29 стр.)

Сынъ его Всеволодъ былъ въ бракѣ съ греческою царевною (надо замѣтить, что неправильно у насъ называютъ: *греческой*, слѣдовало-бы: *восточно-римской*. Ибо слово

«грекъ,» въ то время, въ Царьградѣ, считалось поношеніемъ, и греки себя называли *римлянами* (1)).

Князь Вячеславъ, 6 сынъ Ярослава Владиміровича, былъ въ бракѣ съ графинею Одою, дочерью Леопольда, владѣтельнаго графа Штадтскаго. Поколѣніе его не пресѣклось. Князь Игорь Ярославовичъ — съ графинею Кунигундою Орламиндскою. Старшая дочь Елизавета Яровлавовна вступила въ бракъ съ принцемъ Герольдомъ, впослѣдствіе королемъ Норвежскимъ, и оставила по себѣ двухъ дочерей (читай исландскаго лѣтописца Стурлеза): Ингигерду, супругу короля шведскаго Филиппа, положившаго свою голову въ Англіи, въ 1066 г. (Отъ него пошло поколѣніе — кажется — Густава Вазы); и вторую дочь — Марію. Анна Ярославовна сочеталась бракомъ съ Генрихомъ I королемъ французскимъ, по кончинѣ котораго удалилась въ Римско-Каѳолическій монастырь Сонизскій; но черезъ два

(1) Это, впрочемъ, не новость, что люди стыдятся своего происхожденія и выдаютъ себя не за тѣхъ, кѣмъ они есть въ дѣйствительности. Подобное самоотреченіе самого отъ себя не трудно встрѣтить и въ настоящее время... Сколько гг. происходящихъ отъ израилева племени (даже и въ наше время) стыдятся своего происхожденія и стараются его, всѣми неправдами, скрыть... Правда, что въ настоящемъ случаѣ ихъ принуждаетъ къ тому то нерасположеніе, которое существуетъ въ массѣ къ евреямъ... Но, все-таки, какъ-бы не было, тотъ человѣкъ, который изъ за личныхъ мелкихъ страстишекъ и выгодъ — отступается отъ своей національности, не можетъ быть вполнѣ уважаемъ и, смѣю думать, въ такомъ человѣкѣ нѣтъ ни даровитости, ни силъ на что-либо честное: отречься отъ самаго себя, отъ своего происхожденія и стыдится имъ — равно позорно для каждаго. Тѣмъ-болѣе, если это отреченіе происходитъ для достиженія какихъ-либо «земныхъ благъ;» оно можетъ еще быть допустимо — когда въ этомъ отреченіи предвидится благо общее — благо народа!.. Но и изъ израилева племени не мало было великихъ, даровитыхъ личностей, которыя не убоялись открыто заявлять, кто они, которыя, за свою вѣру, за свою національность, смѣло шли на костры — и погибали славною смертію мучениковъ!..

У насъ на памяти еще то время, когда многіе изъ русскихъ, въ бытность за границей, стыдились — были случаи — того, что они русскіе и отрекались отъ своего происхожденія, пускаясь, вмѣстѣ, съ какимъ-нибудь французикомъ, ругать на повалъ все русское... Къ какой категоріи можно было причислить такихъ?!!— Неправда-ли, къ самой жалкой. Пр. К. В. Д.

года оставила его и сдѣлалась супругою Графа де Крепи. Сынъ ея отъ перваго брака, отъ котораго пошли французскіе *Бурбоны*, такое имѣлъ уваженіе къ матери, что во всѣхъ государственныхъ актахъ и бумагахъ подписывался съ нею вмѣстѣ. Двѣ только женщины, она и Жозефина, были любимы французскимъ народомъ: не оставили по себѣ дурной памяти между французами!..

Анастасія Ярославовна была супругою Андрея I, короля венгерскаго, котораго поколѣніе пресѣклось (¹).

Изъ всего вышеупомянутаго видно, что равно лестно, кому-бы то не было, происходить отъ котораго-либо изъ Ярославовичей... Но изъ этаго еще не слѣдуетъ, чтобъ всякій могъ выводить свою родословную отъ нихъ, на основаніи вымышленныхъ списковъ Миллера и подобныхъ, не подкрѣпленныхъ никакою лѣтописью, ни даже сочиненіемъ — не говоря уже старѣе — но хоть современнымъ Разрядному Архиву!..

Происхожденіе, конечно, не играетъ въ настоящее время большой роли; но достовѣрныя родословныя фамилій необходимы, какъ историческіе матеріалы... Поэтому — и Евангеліе начинается съ родословной Господа нашего Іисуса Христа, которому, какъ грандіозной, великой личности,—вовсе ненужны никакія родословныя!..

Намъ, въ насмѣшку, часто выставляютъ басню «Гуси.» Но позвольте вамъ, м. г., сказать — не менѣе правдиво, какъ правдива крыловская басня:

Наши предки «подъ Римомъ» хоть были, и честно, по своему разумѣнію, отстаивали то, что считали хорошимъ;

(¹) Я помѣстилъ этотъ перечень супруговъ и супругъ нашихъ первыхъ княженъ и князей для того, чтобъ показать, что мы, русскіе, и въ тѣ времена имѣли сношенія со всѣми иностранными государствами; наши князья брали въ замужество дочерей владѣтельныхъ иностранныхъ особъ и тѣ — наоборотъ — нашихъ... Прим. К. В. Д.

умѣли умирать за родину, за правое дѣло смѣло готовы были идти на плаху... А васъ, гг., ни вашихъ предковъ—не видалъ никто во главѣ ни одного честнаго дѣла!.. Эхъ, вы! полно вамъ хвалиться, различные сомнительные графчики да князьки!.. Вы — титулы выклянчили чрезъ крючкотворство, лесть да поклоны: при случаѣ — и дугой гнулись, въ три погибели... Мы же нашъ титулъ получили отъ нашихъ предковъ, которыхъ никто не жаловалъ за различныя сомнительной честности и храбрости дѣянія; титулъ этотъ далъ нашимъ предкамъ народъ... понимаете-ли вы это, *народъ?* а никто другой. Далъ имъ народъ за то, что они дѣйствительно этаго стоили—не даромъ!.. И вели они этотъ народъ на все хорошее — и народъ, видя въ нихъ помазанниковъ Божіихъ, покорно шолъ за ними... На войну ополчался народъ противъ врага — и князь шолъ впереди своего войска, и первый бросался въ битву, чтобъ вдохновить его..... Поступали-ли вы такъ? . . . .
Нашъ титулъ сжился съ нами — онъ наша таже фамилія.
. . . .
И мы смѣло глядимъ въ глаза каждому — какъ-бы онъ не былъ высоко поставленъ, какъ-бы онъ не былъ знатенъ; наша совѣсть чиста: мы не были — ни грабителями, ни тиранами народа! Мы—*князья народа*, всегда стояли за народъ и будемъ стоять, и народъ только насъ можетъ судить!

Мы не кичимся своимъ происходеніемъ, хоть и происходимъ, по прямой линіи, отъ Владиміра Монамаха, но мы вѣруемъ свято въ то, что призваны — рано или поздно — разрушить худое и создать на землѣ — правду!..

На страницѣ 35, между-прочимъ, говорится о томъ, что князья Голицыны происходятъ не отъ Равноапостольнаго Владиміра, а — отъ великаго князя Ольгерда и его дѣтей, которые были язычниками. Въ доказательство-же того, что Ольгердъ былъ язычникъ, приводимъ слѣдующее, изъ «Словаря святыхъ и подвижниковъ благочестія» (Спб. 1836 г., типографія II отдѣл. собств. Его Имп. Вел. канцеляріи), стр. 36: «Антоній, Іоаннъ, Евстафій — воины великаго князя Ольгерда и проч., за принятіе св. крещенія биты были собственноручно в. к. Ольгердомъ и потомъ (1342 г. 14 Января (1)) Антоній — повѣшенъ на дубѣ, Іоаннъ — задушенъ, а Евстафій — битъ.»

На стран. 6, 23 и 32, что Долгорукіе приняли подданство въ 1520 г.; но это не вполнѣ вѣрно: въ грамотѣ, отъ 5-го Декабря 1820, данной по сему случаю царемъ Василіемъ Ивановичемъ, сказано: «принятые нами *прошлою осень;*» годъ тогда считался съ 1 Сентября; — слѣдовательно, время принятія подданства Долгорукими можно считать и 1518 г., и 1519 г.

На стран. 53 говорится, между-прочимъ, о казни князя Гагарина. По поводу ея, князь Алексѣй Владиміровичъ прислалъ слѣдующую замѣтку: «Князь Гагаринъ—не сознался въ взводимой на него винѣ; имѣя его дѣло подъ рукою, мы, по чистой совѣсти, не можемъ считать его—виновнымъ. Главная вина его въ томъ, что̀ онъ, *будто*, хотѣлъ быть царемъ сибирскимъ; но чѣмъ-же она доказывается? — Тѣмъ, что онъ имѣлъ въ колымагахъ—шины и втулки чистаго серебра, да и самыя колымаги не по гербу—посеребренныя. Хороши, нечего сказать, доказательства! Считаю не лишнимъ замѣтить, что колымаги и кареты были *по гербамъ*. Такъ, *золотыя:* царскія, князей—золотыхъ, голубыхъ; *серебренныя:* у князей Оболенскихъ, Щербатовыхъ, Тюфякиныхъ и нѣкоторыхъ другихъ; *красныя:* у Долгорукихъ, Горчаковыхъ, Гагариныхъ и друг.; *бѣлыя:* у Бѣлосельскихъ, Вадбольскихъ и другихъ. Прочихъ цвѣтовъ у всѣхъ. Нарышкинымъ Петръ I далъ право ѣздить въ золотыхъ каретахъ. При покойномъ государѣ (Николаѣ Павловичѣ) возникло любопытное дѣло о золотой каретѣ съ оберъ-гофмаршаломъ Нарышкинымъ. Послѣдній купилъ золотую карету и сталъ ѣздить въ ней. С. Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ — замѣтилъ ему это. Дошло до императора. Тогда Нарышкинъ представилъ оберъ-полиціймейстеру подлинный указъ Петра I-го. Кончилось тѣмъ, что Нарышкина обязали подпиской, чтобъ кучеръ и форейторъ золотой кареты были постоянно не иначе одѣты, какъ въ чисто-русскомъ костюмѣ (хотя въ цвѣтѣ герба Нарышкина). Замѣтимъ кстати о словахъ: *княжъ* и *вичъ*. Подписываться чрезъ «княжъ» могутъ только тѣ князья русскіе, которые происходятъ отъ владѣтельныхъ. Напримѣръ: «князь Семенъ *княжъ* Ивановъ Гагаринъ, или Долгорукой.» *Вичъ*—жаловалось царями. Такъ Петръ I, въ одномъ указѣ, пожаловалъ его Строгановымъ; поэтому напр., должно писаться не Александръ Петр*овъ* Строгановъ, а Петро*вичъ*.»

---

(1) Русь приняла христіанство 988 г.

При составленіи статьи «О происхожденіи первыхъ русскихъ князей,» князю А. Долгорукому служили источниками, между-прочимъ, слѣдующія сочиненія:

1) Замѣтки 1 части «Исторіи государства Россійскаго,» Карамзина; 2) «О Руссахъ,» О. И. Сеньковскаго; 3) Дисертація профессора Болдырева, изданная въ 1815 г. (Москва, Университетская типографія); 4) «О Руссахъ и Александрѣ Македонскомъ,» на арабскомъ языкѣ, изданное въ 1849 г., въ Парижѣ, и 5) «Библія,» на еврейскомъ языкѣ, безъ точекъ — т. е. весьма древняя. Эти сочиненія находятся въ библіотекѣ князя.

На страницѣ 199, стр. 21, князь Алексѣй говорить о князьяхъ Урусовыхъ — не о тѣхъ, которые происходятъ вмѣстѣ съ Юсуповыми, отъ ногайскихъ мурзъ; но о князьяхъ Урусовыхъ, которые до нынѣ имѣютъ на Кавказѣ, близь Чернаго моря, улусъ, подъ названіемъ: *Урусъ*. На страницѣ 183, въ спискѣ Долгорукихъ 1-й линіи, пропущенъ: *князь Григорій Григорьевичъ.*

Въ первыхъ листахъ встрѣчаются опечатки едва не на каждой страницѣ; приводить всѣ — мы сочли лишнимъ; поэтому, указываемъ только на главнѣйшія.

Стр.	строк. (сверху).	*Напечатано:*	*Читай:*
VIII	31	*Предвѣстникъ гибели онъ тьмы!*	*Онъ предвѣщаетъ гибель тьмы!*
1	10	*изданный*	*изданные*
3	8	*Алексѣевича*	*Алексѣевича,*
—	19	*Подъ № 14.*	*Подъ № 214.*
—	24	*родъ Оболенскихъ.*	*городъ Оболянскъ.*
4	1	(снизу) *Щербатые.*	*Щербатый.*
6	10, 11	(сверху) *въ предисловіи*	*выше*
—	31	*Редоръ,*	*Ѳедоръ,*
7	8	*братомъ*	*брата*
10	7	*лексиконъ*	*лексиконъ (изданія Плюшара).*
—	22	*не согласиться*	*согласиться*
12	17	*Шерметьевъ.*	*Шереметьевъ.*
14	26	*имъ*	*дворянскимъ и княжескимъ родамъ*
15	7, 8	*Даже инвалидъ писался:*	*Даже газета «Инвалидъ» писалась:*
16	10	*герба.*	*кремля.*
20	16	*княжна*	*княгиня*
21	8	*княжна*	*княгиня*
23	6	*щеніи*	*щенія*
26	19	*Галицынымъ.*	*Галицкимъ.*
28	15	*Водбольскіе.*	*Вадбольскіе.*
30	16	*которыхъ*	*котораго*

31	35	*нѣсколько*	*нѣсколько слов*
34	11	*и потому,*	*и,*
36	29	*картавить*	*измѣнять*
40	10	*указы,*	*указы послѣдняго,*
42	12	*отъ 22-го*	*отъ 22-го Августа*
—	23	*осадило*	*осадила*
47	30	*сколько*	*столько*
50	33	*съ гњвомъ*	*съ гнѣвомъ*
59	18	*населен-*	*ненаселен-*
66	17	*поланъ*	*посланъ*
79	11	*Саша*	*Саша (сынъ Меньщикова)*
95	33	*дожностью*	*должностью*
101	23	*монастырей*	*монастырей;*
116	4	*гольштейнскаго,*	*гольштейнскаго (*
—	5	*III,*	*III),*
117	20	*разговора.*	*заговора.*
118	20	*было этого*	*было;*
120	2	*поминали*	*поминало*
123	27	*кревлетъ*	*клевретъ*
125	3	*отцу*	*отца*
144	5	*матери*	*матери,*
145	1	*щаго*	*щагося*
150	14	*часовые сержанты*	*сержанты*
—	16	*сержанты*	*часовые сержанты*
167	9	*временны*	*временные*
170	1	*Дватурова*	*Дохтурова*
—	19	*Генрихъ*	*Герингъ*
200	27	*Асафетова*	*Іафетова (или Афетова)*
206	25	*древніе вѣры*	*древняя вѣра*

На страницѣ **14**, на **1** и **2** строкахъ снизу, сказано, что въ концѣ книги будетъ приложена визитная карточка князя Одоевскаго, чтобъ показать, въ опроверженіе мнѣнія покойнаго князя Петра Владиміровича, что не всѣ фамиліи, получившія названія отъ городовъ, кончаются на *ій*. Фамилія Одоевскихъ происходитъ отъ названія города, въ которомъ княжили ихъ предки; между-тѣмъ, они подписываются чрезъ *ой*, а не *ій* — что и на визитной карточкѣ: «князь В. Ѳ. Одоевск*ой*.»

280

DATE DUE			

